

И
Л

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Уильям Тревор

За чертой

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

William Trevor

Уильям Тревор

За чертой

Рассказы

Перевод с английского

Составление Н. Васильевой

Предисловие Е. Гениевой

Москва
«Известия»
1986

И (Англ)
Т(66)

Главный редактор Н. Т. Федоренко

Рецензент М. Зинде

Обложка художника А. Махова

© William Trevor

© Составление, предисловие, оформление,
перевод на русский язык издательство
«Известия», журнал «Иностранная лите-
ратура», 1986.

Ирландские шутки Уильяма Тревора

В английской словесности традиция писать нравы уходит в глубь веков. В совершенстве ею владели Джеффри Чосер, с которого и «пошла» национальная литература, Генри Филдинг, создатель монументальных и красочных в своей людской пестроте «романов больших дорог», ироничная Джейн Остен, Диккенс, огласивший страницы своих со-страдательных книг ярмарочной многоголосицей, гневный обличитель Теккерей, певец трагического Томас Гарди, безупречный стилист и знаток людских слабостей Сомерсет Моэм. Не угасла эта традиция и в современной литературе Великобритании. Напротив, ряды писателей, хроникеров будней и быта, пополнились в послевоенные годы новыми славными именами, среди которых — Уильям Тревор.

Уильям Тревор (псевдоним Уильяма Тревора Кокса) родился 24 мая 1928 года в провинциальном городке Митчелстаун в графстве Корк. Разносторонне одаренный от природы, получивший основательное университетское образование в дублинском колледже Святой Троицы, в стенах которого учились многие ирландские писатели, Тревор прежде, чем посвятить себя литературному труду, сменил несколько профессий: преподавал историю в школе, в течение шестнадцати лет был скульптором, работал рекламным агентом. Но годы, отданные нелитературным занятиям, оченьгодились Тревору, когда он довольно поздно всерьез взялся за перо. Историк чувствуетея в его, казалось бы далекой от исторического содержания, нравоописательной прозе. Чувствуетея в ней и скульптор, уверенным резцом извлекающий из бесформенного камня лица и судьбы. Не прошла для Тревора даром и работа рекламного агента. «Мне приходилось рекламировать разные разности, — заметил в одном интервью писатель, — иногда одежду, а иногда и мыло. Но всегда от меня требовалось

«ударной» фразой передать самую суть. Прекрасная школа лаконизма и мастерства для начинающего писателя. Собственно, тогда-то я и начал писать».

Ныне Уильям Тревор — автор девяти романов, пяти сборников рассказов, нескольких пьес, весомых литературоведческих работ. Он — лауреат многих крупных премий, член Ирландской литературной академии. Нелишне вспомнить — этого высокого звания удостоилось небольшое число ирландских деятелей культуры. Правда, считать Тревора «стопроцентным» ирландским писателем, как, скажем, прозаика Джона Бэнвилла или поэта Шеймаса Хини, вряд ли можно. В середине 50-х годов Тревор покидает Ирландию и обосновывается в Англии. Дело, конечно, не в географии: переселилась в Лондон и Эдна О'Брайен, но она, безусловно, ирландская писательница. Тревор принадлежит к специфической, достаточно многочисленной группе так называемых англо-ирландских писателей. Двойная национальная принадлежность отражает специфику исторической судьбы Ирландии и Англии. Долгие столетия находившиеся в отношениях бунтующего раба и жестокого господина, эти страны постоянно оказывали обоюдное влияние друг на друга, что особенно сказалось в психологии и культуре. Подчиненное, униженное, отсталое положение Ирландии, этой первой колонии Великобритании, гнало из страны ее талантливых детей: уехал Оскар Уайльд, уехал Джеймс Джойс, писал вне Ирландии Бернард Шоу. В 1919—1921 годах развернулась освободительная война ирландского народа, результатом ее стал компромиссный англо-ирландский договор 1921 года о предоставлении Ирландии, за исключением Северной Ирландии, которая осталась под господством Великобритании, статуса доминиона, получившего название Ирландского свободного государства. Вспыхнула кровопролитная гражданская война: республиканцы хотели добиться независимости для всей Ирландии, но они потерпели поражение. В 1949 году Ирландия была провозглашена республикой, но все равно проблемы национальной независимости и национального единства не были решены.

Напротив, раскол страны надвое, разжигаемая экстремистами религиозно-политическая вражда между католиками и протестантами, вылившаяся в страшную трагедию Ольстера, лишь пополнили ряды ирландских эмигрантов, тех, кто не находит в себе сил жить в этом неразмыкаемом круге насилия, ненависти и боли.

Уезжая, ирландские писатели, и без того воспитанные на английской языковой и литературной традиции, еще теснее сближались с ней. Что удивляться, когда в любом учебнике по английской литературе встретишь главы об Уайльде, Шоу, Джойсе, а редко какая антология современного английского рассказа обойдется без Уильяма Тревора, где он соседствует с Грэмом Грином, Виктором Притчеттом, Фрэнсисом Кингом.

Уильям Тревор особенную известность получил как новеллист. Именно в рассказах чувствуется двойственная национальная природа его художественного темперамента. Он по-английски сдержан, чуть ли не скуп в своем безупречном психологическом рисунке, по-ирландски лиричен и склонен к гротеску и фантастике. Изящество английского комедиографа, мастерски владеющего диалогом, уживается в его прозе с ирландской трагикомичностью, бурлеском, фарсом. Впрочем, комизм Тревора обманчив. Как и у многих ирландских писателей, его проза смешна лишь при первом приближении: Тревор непременно удивит читателя какой-нибудь шуткой — на ирландский манер.

Ирландское происхождение Тревора, пожалуй, наиболее ощутимо в книгах последних лет: сборнике рассказов «За чертой» (1981), романе «Баловни судьбы» (1983), в монографии «Литературный ландшафт Ирландии» (1982). Видный критик, он считает своим долгом всемерно способствовать популяризации культурного наследия Ирландии, которое, с его точки зрения, обладает непреходящей ценностью, а потому требует к себе бережного отношения и заслуживает самого вдумчивого изучения. Писатель-гражданин, он не устает повторять, что Англия в полной мере несет ответственность за трагедию Ирландии, в том числе и за ирланд-

ский терроризм. Однако, обнажая исторические корни терроризма, Тревор вовсе не одобряет насилия. Жестокость как ответ на жестокость лишь осложняет решение и без того запутанных национальных проблем.

В рассказах Тревор обращен к современной жизни в самых ее обыденных, даже тривиальных проявлениях. Его герои по большей части представители пестрого и разноликого «среднего класса» — клерки, торговцы, домашние хозяйки. Проницательный, рассекающий, безжалостный взгляд Тревора видит важное там, где другой писатель, привыкший к более широкому охвату действительности, не заметил бы ничего достойного внимания — в житейских неурядицах, особенностях поведения, даже оговорках, он сторонится подробного, обстоятельного обзора, привлечения большого количества исторических и социальных деталей, не свойственно ему и неторопливое раскрытие характера — напротив, ничто не замедляет развития его динамичной, выстроенной до мелочей прозы. Одной, почти случайной фразой он перекидывает мост от детства к зрелости и старости. Несколько уверенных, энергичных мазков — и вот уже проступает облик времени. В рассказе «Любовники минувших лет» действие происходит в 60-е годы. Это десятилетие видный английский писатель и критик Малькольм Брэдбери остроумно назвал «пританцовывающим». Английское общество, сбрасывающее с себя вековые викторианские нравственные путы, раскрепощалось с безудержной страстностью. Такая безоглядность, видимо, свойственна странам, которые на протяжении веков были связаны губительной для личности системой пуристских, по большей части ханжески-лицемерных запретов. Покачнулись, закружились в танце «вседозволенности» казавшиеся еще недавно незыблемыми понятия о морали, этике, искусстве. Это десятилетие изучали историки, социологи, экономисты, писали о нем увесистые монографии и сотни статей. Тревор же ограничивается упоминанием двух-трех модных певцов, бывших тогда у всех на слуху шлягеров, включением в текст почти подлинных обрывков разговоров в барах,

назойливо крутящихся вокруг секса. Но вместе с этими мелочами, удачно смонтированными Тревором, в рассказ входит действительно неповторимая, дурманящая и тлетворная атмосфера тех лет.

В рассказе «За чертой» * перед Тревором стояла еще более трудная задача — формально оставаясь в рамках нравоописательного рассказа, показать историческую трагедию Ирландии. Однако Тревор и здесь не перегружает рассказ историческими экскурсами. Изредка, как бы невзначай, в повествование вплетаются хрестоматийные сведения, которые без труда отыщешь в любом путеводителе для туристов. Вот тут, около этой деревни, была кровавая битва, около той реки погибло столько-то сот ирландцев. Однако такие детали, введенные в нравоописательную стихию, чуждую историческому содержанию, противоречащие законам жанра, «работают»: проза обретает отчетливую социальную злободневность.

Казалось бы, какое отношение имеет рассказ о лицемерных, порочных отношениях «закадычных» друзей-англичан, из года в год отдыхающих летом в идиллическом ирландском местечке, в гостеприимном уютном отеле, умело руководимом хозяевами-англичанами, к трагической истории двух детей, мальчика и девочки, которые, когда выросли, стали убийцами? Судьбы, такие далекие, такие разные, внезапно соприкоснулись: одна из англичанок, Синтия, стала случайной свидетельницей самоубийства. Еще детьми ирландец и его любимая бывали в этом дивном месте, где по сей день вроде бы ничто не напоминает о кровавой ирландской истории. Они росли, и жизнь, реальная ирландская жизнь, топтала их надежды. Девушка стала террористкой; с одержимостью фанатика, сжигаемая ненавистью, она подкладывала бомбы в самых оживленных, многолюдных районах Лондона. Даже мольбы юноши, которого она когда-то любила, не

* В заглавии обыгрывается идиоматическое выражение "beyond the pale" — «за пределами дозволенного» — и историческая реалья «Пейл». Такое название получила в XIV веке одна из областей Ирландии, подчиненная английской короне (буквально ограда, то есть огороженная территория).

способны были остановить ее. С числом ее жертв росло отчаяние молодого человека. Он убил ее; но сам, испив из чаши насилия, не смог дальше жить.

Сквозь частное Тревор смотрит на общее, в единичных судьбах отражается история этой многострадальной страны. Циничные, самодовольные, высокомерные, внешне безобидные и благопристойные англичане постепенно вырастают в рассказе до символа Великобритании, которая из века в век равнодушно взирала на трагедию порабощенного ею народа и теперь же пожинает кровавые плоды своей ненависти.

Однако Тревор — весьма своеобразный хроникер человеческих слабостей. Наряду с классическими нравоописательными сюжетами и зарисовками у него немало фарсов и фантазмагорий, которые поначалу озадачивают. Как известно, любое сравнение хромает, но слишком велик соблазн сравнить Тревора с Гофманом, во всяком случае, отметить явную преемственность, существующую между этими писателями. А уж параллели с гоголевским «Носом» не раз приходят на ум, когда читаешь рассказы, в которых обычная, будничная, серенькая реальность взрывается изнутри абсурдом.

Как относиться к Даттам, героям довольно странного рассказа «Около колыбели»? Они нанимают няньку, всячески убаживают ее, но при этом строго-настрога наказывают ей никогда не подниматься в детскую. Узнав тайну Даттов, становится как-то не по себе: ребенка никакого у них нет, не было и не будет, а в колыбели, довольно часто сменяя друг друга, спят старики. Торговец антикварной мебелью Джеффс («Столик») едва успевает купить старинный столик, как тут же перепродает его бывшему владельцу. И вообще занимается делами, далекими от его профессии, — выкладывает своей клиентке все, что о ней думает, попутно открыв этой недалекой женщине глаза на истинные отношения ее мужа с некоей миссис Югол, из-за которой, собственно, и возникла вся эта чехарда со столиком. Мистер Атридж («Сложный характер»), человек

безупречных манер и, с его точки зрения, безупречной морали, превозмогает себя и помогает соседке, вульгарной миссис Матара, вытащить из ее квартиры внезапно умершего любовника. Только оказывается, что умерший жив-здоров, и загублен прекрасный рассказ, который он уже заготовил для светских знакомых.

И еще — автор никого не осуждает: ни опустошенную, циничную Милли («За чертой»), мечтающую, что ее подругу, с мужем которой у нее давний роман, упрячут в сумасшедший дом, ни заматеревшего в одиночестве и бесконечных подсчетах прибыли Джеффса («Столик»), ни даже Данкерсов («Отель «Ленивый месяц»), на совести у которых, возможно, убийство хозяина дома. Но эта бесстрастность, пожалуй, слишком нарочита, чтобы быть подлинной. По сути своего взгляда на мир Тревор — писатель-дидактик, нравственная шкала которого совершенно определена. Особенно он беспощаден к равнодушию, эгоизму, душевной глухоте, черствости, делячеству, пошлости, вульгарности, шовинизму, самолюбованию и самообману. Но в том-то и состоит своеобразие его прозы, что ей чуждо «лобовое» осуждение и откровенное неприятие. Читателю надо немало потрудиться, чтобы понять скрытый смысл обрывочных, брошенных походя замечаний и деталей, которые редко когда бывают ненамеренными. «В творчестве, — говорит Тревор, — меня особенно занимают взаимоотношения между писателем и неизвестным ему читателем... Нередко бывает, что этот незнакомец увидит в моих рассказах то, что я и сам не заметил».

Итог жизни почтенной, окруженной множеством знакомых мисс Ифосс («Около колыбели») — колыбель в доме Даттов, где ей суждено провести на правах «ребенка» остаток своих дней. Но этот абсурдный, какой-то дикий конец, в сущности, плата — хотя Тревор нигде об этом прямо не говорит — за эгоизм, который всегда был нормой существования мисс Ифосс. Эта женщина в свое время «даже родила ребенка». Он умер, но она не слишком убивалась. Правда, странное в таких обстоятельствах спокойствие

заставило возлюбленного мисс Ифосс по-новому взглянуть на нее. Без шума и скандала в один прекрасный день он собрал вещи — и был таков. Но и тут мисс Ифосс быстро утешилась: жизнь ее была слишком полна телефонными звонками, поездками, фильмами. Обделившая сама себя, мисс Ифосс искренне считала, что у нее-то все в порядке.

Человеческая неполноценность, духовная ущербность и даже какая-то психическая и нравственная извращенность есть и в Даттах, «будущих родителях» мисс Ифосс. Не случайно один из персонажей рассказа называет их «поганками». Дело даже не в том, что они внешне отталкивающи. Формально Датты — «маленькие люди», те, к кому с такой заботой и состраданием относились и русские классические писатели, и их английские собратья по перу. Но и «маленькие люди», как в свое время показал А. П. Чехов, бывают разными. Могут они быть, несмотря на свое униженное положение, духовно высокими, а могут, как чеховский чиновник («Смерть чиновника»), дрожать от сознания своей ничтожности, а потому подличать и пресмыкаться.

Детали, к которым прибегает Тревор, особенно если их правильно расшифровать, помогают увидеть истинное отношение автора к героям. Здесь Тревор — последователь Чехова и, безусловно, ученик Джойса, который оказал на него значительное влияние, особенно в поэтике. Вовсе не случайно утонченный, изысканный, «сложный» Атридж («Сложный характер») любит «Тангейзера» Вагнера и читает «Нортенгерское аббатство» Джейн Остен. Опера, прославляющая необоримость и величие любви, плохо вяжется с внутренним обликом себялюбца Атриджа, которому молодая жена еще в пору их медового месяца, задыхаясь от бешенства, бросала в лицо: «Мерзкий старый сухарь!» Таким же ироническим комментарием становится и упоминание романа Остен, которая осуждала подобных Атриджу — самовлюбленных, деланных, неестественных людей.

Некоторая заданность сюжета, обнаженность конструкции повествования не смущают Тревора. Фактическое

правдоподобие легко приносится им в жертву, если, нарушив его, можно высветить обычное и привычное. В таких случаях деталь нередко становится символом, как, например, в рассказе «Любовники минувших лет». Ванна — жестокий символ, к которому обращается Тревор, давая и скупую характеристику «пританцовывающим 60-м». Только в этой искусственной, фарсовой, бурлескной ситуации чувствовали себя людьми герои рассказа. Но вот они попытались ступить на землю. Перебивались в дешевой квартирке, попробовали ради экономии жить с матерью Мари, стопроцентной мещанкой, которая не могла смириться с тем, что у ее дочери связь с женатым мужчиной, и ела их поездом. Раскрепощение оказалось мифом, таким же несбыточным, как поездки в далекие страны, которые рекламировал в своем бюро путешествий герой. Реальностью была мало чем изменившаяся, несмотря на все разговоры о вседозволенности, мораль обывателей, ревниво оберегающих свои доходы и толкающих героиню, «соблазнительную, как подружки Джеймса Бонда», на брак с пивоваром.

В рассказе «За чертой», который весь построен на контрастах (например, идиллическая красота ирландской природы и кровавая история страны; безупречность поведения и внешности хозяев отеля и их внутренняя холодность; жалкий, неподобающий вид незнакомца в отеле и его искренность, цельность; спутанные волосы, распухшее от слез лицо Синтии и ее духовное прозрение), невзначай, как и заведено у Трево, возникает имя Джульетта. Так зовут подружку одного из англичан, Декко. Встретиться это имя у другого, менее экономного в средствах писателя, на него можно было бы и не обратить внимания. Здесь же имя шекспировской героини лишний раз подчеркивает пошлость любовных отношений отдыхающих англичан и трагизм судьбы современных Ромео и Джульетт. Соединить свои судьбы им по-прежнему мешает рознь, только теперь принявшая национальные размеры.

Литературные аллюзии часты в прозе Трево. В рассказе «Отель «Ленивый месяц» очевидна параллель с «Вишневым

садом» Чехова. Лопахин, буржуа, по духу своему чуждый Раневской, — объективный носитель прогресса: историческая правда при всей ее жестокости на его стороне. Ситуация, описанная Тревором, и в самом деле похожа на чеховскую. Пришел в упадок дом, некому ухаживать за садом, который, будь он в других руках, мог бы приносить немалые доходы. И вот появляются энергичные Данкерсы, все меняют, все обновляют. Но Тревору важна в первую очередь нравственная сторона проблемы. Данкерсы попутно все оскверняют своим присутствием. В этих «завоевателях мира» «пошлость пошлого человека» уже беспредельна, приняла угрожающие размеры. Симпатии Трево́ра безоговорочно на стороне старых, больных, но достойных в своей немощи аристократов. Хотя они живут в собственном, вымышленном мире, в их безумии и даже маразме леди Марстон нет фантазмагии абсурда, сопутствующей Данкерсам.

Нравственная норма — для Трево́ра главное мерило человеческой цельности. Жизнь, как ни посмотри, не сложилась у Брайди («Танцзал «Романтика»). Молодого человека, которого она искренне любила, увела прыткая девица; рано умерла мать, и некому стало ухаживать за отцом-инвалидом; все силы и время отнимала тяжелая работа на ферме. Единственный просвет в этом тусклом существовании — танцы по субботам в обшарпанном сарае с громким и завлекательным названием «Романтика». Год за годом ездила туда Брайди — не только поразвлечься: она не теряла надежды, что судьба ей все же улыбнется и она найдет среди местных кавалеров подходящего мужа, пусть не любимого, но на кого можно опереться в трудных буднях на ферме. Правда, и выбор невелик, и шанс ничтожен: подруги Брайди, которым давно уже перевалило за тридцать, по-прежнему одиноки. Вот только если холостяк Выпивоха Иген после смерти матери растратит на вино состояние, постареет и захочет теплого уюта...

Здесь мир без иллюзий, он груб, жесток, хотя описан Тревором без свойственной ему сардонической усмешки,

напротив, с грустью и теплом. Среди такого быта и таких людей ничего не стоит сломаться, озлобиться. Но Брайди выстаивает. Может быть, потому, что она такова от природы, а может быть, потому, что с ней рядом был отец-калека, который мужественно нес свой крест. И дочери, и отцу чужды столь ненавистные Тревору самообман и самолюбование. Брайди прекрасно знает себе цену (старая дева, ищущая мужа) и трезво оценивает будущее. Она несчастлива, но в ней нет губительного для души ощущения обездоленности.

Этот срывающий все спасительные покровы и маски писатель, впрочем, не спешит «подытожить» характер. Даже у его закоснелых себялюбцев бывает, пусть краткая, минута духовного просветления. Есть она у Джеффса («Столик»), когда он дает весьма нелицеприятную оценку себе и своим лицемерным клиентам; и у довольно противной хозяйки столика, когда она искренне плачет, узнав об изменах мужа. Даже эгоистическая, казалось бы непробиваемая, броня Атриджа («Сложный характер») дает трещину, когда он все же решается помочь миссис Матара. Другое дело, что эти порывы, минуты духовного торжества проходят и ничего не меняют в характерах этих людей.

Но многое прощается тем, кто способен проснуться от нравственной спячки. Синтия («За чертой») не желает больше терпеть ложь в отношениях с мужем, его любовницей. Она возлагает вину за страшную смерть «детей, ставших убийцами», на своих соотечественников — в том числе и на себя. Ее считают ненормальной. В самом деле, в странном и страшном мире, похожем на тот, что рисует Сэмюэль Беккет или Гарольд Пинтер, где абсурд — норма, эмоциональная открытость воспринимается как безумие. Но именно в нее верит Тревор. Этот глубоко нравственный писатель, утверждающий отрицанием, подводит своих героев к опасной черте, заставляя понять, что не себялюбие, делячество и пошлость, но совесть, сострадание и порядочность — удел человека, хотя слишком часто его лицо скрыто под маской фарса.

Столик

Просматривая в библиотеке последние страницы «Таймс», мистер Джеффс наткнулся на объявление Хэммондов. Он деловито записал на клочке бумаги номер телефона и в тот же день позвонил.

— Да, да, столик, кажется, еще не продан, — донесся нерешительный голос миссис Хэммонд. — Сейчас схожу погляжу.

Мистер Джеффс мысленно представил себе, как она идет по дому. Средних лет, полная, подсиненные седые волосы, на все еще стройных ногах узкие туфельки.

— Вообще-то им занимается муж, — объяснила через минуту миссис Хэммонд. — Хотя столик мой. Достался мне от бабушки. Да, я посмотрела — он стоит на месте. И видимо, нам пока не делали предложений.

— В таком случае... — сказал мистер Джеффс.

— Я было подумала, вдруг муж уже с кем-то договорился или вообще его продал. Глупо, конечно. Он бы обязательно со мной посоветовался. Стол-то мой. Правда, писал и отсылал объявление в газету он сам. У меня ведь маленькая дочка, мистер Джеффс. Я так устаю, какие уж там объявления.

— Дочка? Это хорошо! — сказал мистер Джеффс, без улыбки разглядывая потолок. — Дел у вас, видно, по горло.

— Так что, если столик вас интересует, приезжайте. Он подлинный, многие его хвалят.

— Приеду, — сказал мистер Джеффс и назначил час.

Положив трубку, торговец мебелью мистер Джеффс, человек небольшого роста, стал думать про миссис Хэммонд и ее голос. Судя по всему, она не больно-то разбирается в старинной мебели. А вот представив ее пожилой и полноватой, он, конечно же, ошибся. Раз там маленький ребенок, она моложе, и еще эти ее слова

про усталость... он нарисовал в воображении другой образ: в шлепанцах, с прядью, упавшей на лоб. «И говорит интеллигентно», — сказал мистер Джеффс самому себе. Нет, дом, ясное дело, не бедный, а жалобы на усталость ничего не значат — прислуга, а то и две, у нее есть. Шмыгая носом и снова все обдумывая, мистер Джеффс прошелся по холодному полу своего викторианского дома — он и капиталец себе сколотил, потому что всегда был внимателен к любой, пусть и нудной мелочи. Вокруг него громоздилась мебель, которую он купил, чтобы вскоре продать.

А миссис Хэммонд забыла про мистера Джеффса, как только замолчал телефон. Разговаривая, она даже не думала мысленно рисовать какие-то образы, и он тут же вылетел у нее из головы. Торговец и торговец, такие голоса можно услышать в бакалейной лавке или в ювелирном отделе большого универмага. Поэтому, когда ее *au pair* *, девушка из центральных областей Швейцарии, доложила о приходе мистера Джеффса, миссис Хэммонд нахмурилась и сказала:

— Какой еще мистер Джеффс? Нет, дорогая Урсула, ты явно что-то напутала.

Но девушка не сдавалась. Она упрямо стояла перед хозяйкой и твердила, что пришел именно мистер Джеффс, которого хозяйка сама же и пригласила на этот час.

— Господи! — в конце концов воскликнула миссис Хэммонд. — До чего же я глупа! Это же новый мойщик окон. Скажи ему, пусть сразу берется за дело. Надо начать с кухни, пока он еще не устал. Стекла там грязнее ботинок.

Так и получилось, что мистера Джеффса привели на кухню и довольно грубо — правда, грубость эта не была умышленной — приказали мыть стекла.

— Что? — удивился мистер Джеффс.

— Хозяйка просит начать с кухни. Здесь всего грязнее. Горячая вода у нас есть.

— Да нет же, — сказал мистер Джеффс. — Я пришел взглянуть на столик.

* Девушка, которая живет на полном пансионе, помогает по хозяйству, но не получает за свою работу денег (*франц.*). — *Здесь и далее — прим. перев.*

— Стол я отдраила сама. Можешь встать на него, только подстели под ноги газету.

Мистер Джеффс начал ей объяснять, но Урсула тут же ушла. Чего ради ей стоять и болтать с мойщиком окон? Не для того ее нанимали.

— Какой-то чудной, — объявила она миссис Хэммонд. — Хочет заодно вымыть и стол.

— Меня зовут Джеффс, — сказал мистер Джеффс, появляясь в дверях с черным котелком в руках. — Я пришел по поводу столика.

— Очень, очень странно, — пробормотала миссис Хэммонд и собралась заговорить о совпадениях, поскольку один Джеффс уже мыл окна на кухне, но тут же все вспомнила и воскликнула: — О боже! Какой ужас, мистер Джеффс!

Эта путаница, глупейшая ошибка, в которой миссис Хэммонд сразу повинилась, и решила судьбу столика. Мистер Джеффс уловил определенные психологические преимущества и не преминул ими тонко воспользоваться. Он смекнул, что в глубине души миссис Хэммонд боится, что он обиделся. Славная женщина, сказал он себе, разглядывая ее так, как покупатель разглядывает сочный кусок мяса. Да, несомненно очень славная, повторил он, зная, что с такими легко и просто вести дела. И он не ошибся. На лице миссис Хэммонд застыло выражение вины, оно появилось сразу, как только она осознала свой промах, поняла, что перед ней торговец старинной мебелью, да еще и еврей — черты лица и акцент говорили сами за себя. Испугалась, что сочту ее антисемиткой, подумал мистер Джеффс и остался очень доволен. Он назначил за столик низкую цену, и они тут же ударили по рукам.

— Я умница, — сказала миссис Хэммонд мужу. — Продала столик какому-то коротышке по имени Джеффс. Мы с Урсулой сперва приняли его за мойщика окон.

Мистер Джеффс мелом написал на столе номер и внес его в блокнот. Потом сел на кухне своего большого дома и стал есть рыбу, которую запек в фольге. Его челюсти ходили медленно, равномерно и равнодушно, будто механические.

На вкус рыбы он не обращал внимания, он размышлял о том, как продаст стол сэру Эндрю Чарлзу и получит вдвое больше, чем отдал, а то и сверх того.

«Слушайте нашу ежедневную передачу о сельских жителях», — объявил диктор по старенькому приемнику. Мистер Джеффс встал, отнес тарелку в раковину и, вытерев руки посудным полотенцем, поднялся по лестнице к телефону.

Сэр Эндрю в Африке, ответил женский голос, вернется где-то через месяц. Нет, точно неизвестно, но не раньше чем через месяц. Мистер Джеффс ничего не сказал, только кивнул головой. Однако женщина на другом конце провода не видела этого кивка и решила, что ее собеседник — человек невоспитанный.

Мистер Джеффс сделал в блокноте еще одну пометку — не забыть позвонить сэру Эндрю через полтора месяца. Но она, эта пометка, оказалась ненужной, так как через три дня позвонил муж миссис Хэммонд и осведомился, не продан ли стол. Мистер Джеффс притворился, что пошел взглянуть, и через какое-то время ответил, что нет, не продан.

— В таком случае я бы желал выкупить его у вас, — сказал муж и объявил о своем намерении нанести мистеру Джеффсу визит. Однако он тут же добавил, что стол, честно говоря, нужен вовсе не ему, а его знакомому и они, если мистер Джеффс разрешит, придут вместе.

— Приходите с кем хотите, — ответил мистер Джеффс. Он почувствовал некоторую неловкость: ведь придется сказать мистеру Хэммонду или тому, кого бы он там ни привел, что за три дня цена стола подскочила вдвое. Конечно, он скажет это не прямо, не в лоб, но суть дела от этого не изменится.

Когда они пришли, мистер Джеффс пил на кухне чай. Он стал быстро дуть в чашку, не пропадать же добру, а допив, вытер губы посудным полотенцем. Звонок затрезвонил снова, надо было спешить.

— Прошу прощения, — сказала женщина, которая стояла рядом с Хэммондом. — Вся эта каша со столом заварилась из-за меня.

— Миссис Югол еще его не видела, — объяснил Хэммонд. — Она тоже позвонила после моего объявления, но вывели сокровище из-под самого ее носа.

— Входите, — сказал мистер Джеффс и, приведя гостей в комнату, где стоял столик, повернулся к миссис Югол: — Вот он. Можете его купить, миссис Югол, но должен вам сказать, что держу его для клиента, который давно гоняется за таким столиком и готов заплатить исключительно высокую цену. Правда, этот клиент сейчас в Африке. В общем, я вас предупредил. Все должно быть честь по чести.

Но когда он назвал цену, ни миссис Югол, ни ее спутник и глазом не моргнули. Хэммонд тут же вытащил чековую книжку и выписал чек.

— Вы сможете его доставить? — спросил он.

— Конечно, конечно. Если это не очень далеко. За доставку с вас причитается дополнительная сумма, куда входит и страховка. Всего — четыре фунта и четыре шиллинга.

Хэммонд продиктовал адрес, и мистер Джеффс отправился туда на грузовичке марки «остин». По дороге он подсчитал выручку от поездки: литр бензина — один шиллинг и три пенса, если вычесть их из четырех гиней, останется четыре фунта два шиллинга девять пенсов. Свое собственное время мистер Джеффс ценил невысоко и в расчет не брал. Он мог минут сорок простоять в каком-нибудь закоулке своего обширного дома или просто бродить по комнатам, разгоняя кровь. Так что прибыль получается недурная, решил он и стал размышлять о миссис Югол, о Хэммонде и о миссис Хэммонд, принявшей его за мойщика окон. Мистер Джеффс чувствовал, что между Хэммондом и миссис Югол что-то есть, что-то происходит, но вот зачем при этом заниматься покупкой старинных столиков — непонятно. Смешные они люди! «У них, конечно, роман, — сказал он себе. — Они познакомились благодаря этому столику и теперь испытывают к нему нежность». Он ясно представил себе всю сценку: неотразимая миссис Югол приходит к Хэммондам купить столик. Она раздосадована, она

напоминает, что звонила и была ими приглашена. «И вот я прихожу, — говорит она, — а стол уже продан. Могли бы, между прочим, и предупредить по телефону. Не так уж много у меня свободного времени». — «Пожалуйста, заходите, миссис Югол, — прямо услышал мистер Джеффс голос Хэммонда. — Можно предложить вам рюмку коньяку? Нам бы так хотелось чем-то загладить свою вину». — «Это я во всем виновата, — объясняет миссис Хэммонд. — Угораздило же меня отдать такой прекрасный столик какому-то еврею. Наша Урсула — она иностранка — по своему невежеству чуть не заставила его мыть окна». — «От этого стола одни неприятности, — говорит Хэммонд, наливая в бокал добрую порцию коньяка. — Выпейте, миссис Югол. И возьмите орешки. Прошу вас!» — «Я так мечтала об этом столике, — жалуется миссис Югол. — Обидно до слез!»

— Стол для миссис Югол, — объяснил мистер Джеффс женщине, вышедшей с продуктовой корзинкой из большого многоквартирного дома.

— Ну и что? — спросила женщина.

— Скажите, пожалуйста, на какой этаж. Мне дали только номер дома.

— Нет здесь таких, — сказала женщина. — Никаких Юголов я знать не знаю.

— Может, она недавно въехала? Какие квартиры тут пустовали? По звонкам ничего не поймешь.

— Не имею я права. — В голосе женщины зазвучали визгливые нотки. — Никакого права не имею давать сведения о жильцах. Да еще человеку с крытым грузовиком. Откуда мне знать, кто вы такой.

Мистер Джеффс понял, что это уборщица, и больше не обращал на нее внимания, хотя она и торчала рядом, на ступеньках, следя за каждым его движением. Он нажал один из звонков, и пожилая женщина, открывшая дверь, вежливо объяснила, что все жильцы тут новые, так как квартиры заселены недавно, но она советует ему нажать вон тот крайний звонок маленькой двухкомнатной квартирки в мансарде.

— Это вы, мистер Джеффс! — приветствовала его неотра-
зимая миссис Югол минуту спустя. — Привезли?

Мистер Джеффс вытащил столик из грузовика и понес наверх. Уборщица вертелась тут же. Она говорила миссис Югол, что возьмется убирать у нее в любое удобное время за шесть шиллингов в час.

Мистер Джеффс поставил стол в первой из комнат. Она была пустая, лишь на полу лежали скатанные ковры и стоял торшер. Дверь второй комнаты была закрыта; там, решил он, кровать, шкаф и два коньячных бокала на тумбочке. Со временем квартирка, конечно же, станет роскошной. «Любовное гнездышко», — подумал он про себя.

— Что же, спасибо, мистер Джеффс, — сказала мис-
сис Югол.

— Мне причитается еще один фунт, миссис Югол. Вы, видимо, не в курсе, но по правилам ассоциации торговцев мебелью мы просто обязаны требовать дополнительный фунт, когда поднимаем груз вверх по лестницам. Сумма пустяковая, но если я ее не возьму, меня, чего доброго, выгонят из ассоциации.

— Фунт? Но ведь мистер Хэммонд уже...

— Кто же знал про лестницу? Мы не имеем права игнори-
ровать правила. Лично я мог бы посмотреть на этот фунт
сквозь пальцы, но мне приходится сдавать в ассоциацию
отчеты.

Миссис Югол открыла сумочку и протянула ему пяти-
фунтовую купюру. Сдачи она получила три фунта и шест-
надцать шиллингов — он недодал ей четыре шиллинга,
сказав, что больше мелочи у него нет.

— Да, представьте себе, — вдруг воскликнула миссис
Югол. — Я ведь подумала, что та женщина — ваша супруга
и приехала помочь со столом. Все никак не могла взять
в толк, с чего это она заговорила про какие-то шесть
шиллингов в час. Мне, кстати, как раз нужна уборщица.

Ошибка за ошибкой, подумал мистер Джеффс: и служанка
миссис Хэммонд приняла его за мойщика окон. Но вслух он
ничего не сказал. Он представил себе, как миссис Югол

лежит с Хэммондом на кровати во второй комнате, они курят или милуются, и она рассказывает: «Мне показалось, что она жена тому еврейчику и они работают вместе, по-семейному. У этих людей такое часто. Как же я удивилась, когда она вдруг заговорила об уборке».

Мистер Джеффс, естественно, предположил, что на всем этом деле можно поставить точку. Пристенный столик в стиле Людовика XVI, некогда принадлежавший бабушке миссис Хэммонд, стал собственностью любовницы ее мужа или — тут мистер Джеффс не был уверен — совместной собственностью любовницы и мужа. Занятно, конечно, но у него и без них хватает забот: надо покупать мебель, продавать ее в подходящий момент и зарабатывать себе на жизнь.

Однако спустя пару дней после того, как он отвез столик в мансарду, позвонила миссис Хэммонд.

— Это мистер Джеффс? — осведомилась она.

— Да, Джеффс. Я вас слушаю.

— Говорит миссис Хэммонд. Помните, я еще продала вам столик.

— Прекрасно вас помню, миссис Хэммонд. И ту смешную оплошность тоже. — Без улыбки рассматривая потолок, мистер Джеффс издал звук, который, по его мнению, мог сойти за смех.

— Я вот чего звоню... — сказала миссис Хэммонд. — Может, вы не продали мой столик? Если он у вас, я бы подъехала.

В голове мистера Джеффса вдруг возникла картина еще одной мансарды, но на этот раз ее обставляла сама миссис Хэммонд. Он представил, как она шествует мимо витрин магазинов, присматривая кровать и ковры, а за локоток ее придерживает какой-то мужчина, совсем не муж.

— Алло, алло! — звенел в трубке голос. — Мистер Джеффс, вы меня слышите?

— Да, слышу, — сказал мистер Джеффс. — Слышу, мадам.

— Так как же?

— К сожалению, должен вас огорчить.

— Вы хотите сказать, он продан? Так быстро?

— Боюсь, что да, миссис Хэммонд.

— Господи!

— Но столы у меня тут есть. В прекрасном состоянии, точно оцененные. Так что приезжайте — время зря не пропадет.

— Нет, нет, спасибо.

— Я редко приглашаю клиентов домой. Но в данном случае, поскольку мы знакомы...

— А зачем приезжать? Я имею в виду... мне нужен только столик, который я вам продала. Не могли бы вы дать имя и адрес того, кто его купил?

Вопрос захватил мистера Джеффса врасплох, поэтому он сразу бросил трубку. Когда телефон зазвонил снова, он уже успел все продумать.

— Наш разговор прервали, — сказал он. — Линия барахлит. Сэр Эндрю Чарлз звонил сегодня из Нигерии, так нас разъединяли два раза. Примите мои извинения.

— Я как раз просила у вас адрес и имя человека, который купил мой столик.

— Чего не могу, того не могу, миссис Хэммонд. Приглашение подобных сведений противоречит правилам ассоциации торговцев старинной мебелью. За такой проступок меня могут исключить.

— О боже! Как же мне быть? Пожалуйста, посоветуйте.

— Вам он так нужен, этот столик? Есть, конечно, кое-какие пути. Я бы мог, например, на правах вашего агента обратиться к владельцу стола и попытаться что-нибудь сделать.

— Была бы очень признательна.

— Но вам придется уплатить мне определенный гонорар. Вы уж меня простите, но таковы правила.

— Ну конечно, конечно.

— Хотите сразу узнать, как подсчитать мое вознаграждение и в какую сумму оно выльется? Вообще-то деньги небольшие, просто определенный процент.

— Обсудим это позже.

— Что ж, прекрасно, — сказал мистер Джеффс, который, говоря о процентах, держал в голове цифру тридцать три и три десятых.

— Можете заплатить тому человеку вдвое больше, чем мне. Но если цена поднимется выше, буду признательна, если вы позвоните.

— Понятное дело, миссис Хэммонд.

— Постарайтесь все-таки купить его подешевле.

— Буду держать вас в курсе, миссис Хэммонд.

Расхаживая по дому и пританцовывая, чтобы не застаивалась кровь, мистер Джеффс спрашивал себя, не вошли ли столики у влюбленных в моду. Для пользы дела явно не мешало бы знать. Он бы накупил каких нужно, да и с рекламой промаха бы не вышло. Еще немного поразмышляв над проблемой, мистер Джеффс сел в грузовичок и поехал к миссис Югол, надеясь застать ее дома.

— Это вы, мистер Джеффс? — удивилась миссис Югол.

— Я, — сказал мистер Джеффс.

Еле сдерживая любопытство, она повела его наверх. Видно, считает, подумал он, что я хочу ей что-нибудь продать, но выгнать не решается — а что, если я приехал ее шантажировать?

— Так чем могу быть полезной, мистер Джеффс?

— У меня выгодный заказ на столик в стиле Людовика XVI. Ну, скажем, довольно выгодный. А можно сделать так, что он станет чрезвычайно выгодным. Вы меня понимаете?

— Но это теперь мой столик. Уж не хотите ли вы снова его купить?

— В некотором роде — да. Наклеивается заказ, и я решил тут же дать вам знать. «Буду действовать в качестве агента миссис Югол», — сказал я себе. — Не откажется же она перепродать столик за цену, в полтора раза превышающую ту, что заплатила?»

— Откажусь, мистер Джеффс.

— Наотрез?

— Боюсь, что да.

— А если мой клиент готов заплатить не в полтора, а в два раза больше? Что вы на это скажете? И что скажет на это мистер Хэммонд?

— Мистер Хэммонд?

— Я просто точно не знаю, кому этот столик принадлежит. Поэтому-то и упомянул мистера Хэммонда. Может быть, имеет смысл позвонить ему? Ведь чек-то мне выдал именно он.

— Столик мой. Подарок! Мне не хотелось бы, чтобы вы звонили мистеру Хэммонду.

— Пусть будет так. Но поскольку я действовал в ваших интересах, миссис Югол — сообщил вам о предложении, потратился на поездку и тому подобное, — мне придется потребовать с вас причитающийся мне как агенту гонорар. Я просто обязан его потребовать — таковы правила ассоциации торговцев старинной мебелью. Думаю, вы меня понимаете.

Миссис Югол сказала, что не понимает. Но она все-таки дала ему какие-то деньги, и он уехал.

Дома мистер Джеффс еще около часа размышлял. В конце концов он решил, что самое умное — позвонить миссис Хэммонд и узнать служебный телефон ее мужа. Он вышел на улицу с листком бумаги, где было написано, что он глухонемой и просит помочь ему сделать срочный телефонный звонок. Всучив листок какой-то пожилой женщине, он показал рукой на телефонную будку.

— Могу я узнать служебный телефон вашего мужа? — спросила женщина у миссис Хэммонд. — Дело очень срочное.

— С кем я говорю?

— Меня зовут миссис Лейси, я звоню по поручению сэра Эндрю Чарлза, который сейчас в Африке.

— Да, имя мне знакомо, — сказала миссис Хэммонд и дала ей телефон.

— Так вы, значит, виделись с миссис Югол? — спросил Хэммонд. — И что она вам ответила?

— Кажется, она меня не поняла. До нее не совсем дошел смысл этого предложения.

— Стол я ей подарил. Не могу же я забрать его назад.

— Предложение больно уж заманчивое, мистер Хэммонд.

— В этом не сомневаюсь.

— Вот я и думаю, не могли бы вы повлиять на миссис Югол. Если, конечно, вы с ней увидите.

— Я вам перезвоню.

Мистер Джеффс поблагодарил и набрал номер миссис Хэммонд.

— Переговоры идут полным ходом, — сообщил он ей.

Однако через два дня переговоры сорвались. Хэммонд позвонил и сказал, что миссис Югол не намерена ничего продавать. Огорченный мистер Джеффс поехал к миссис Хэммонд, чтобы дать отчет и, главное, получить причитающиеся ему небольшие деньги. Он ей скажет о неудаче, подумал мистер Джеффс, и на этом деле теперь уж конец.

— Примите мои сожаления, миссис Хэммонд. Ничего не смог сделать, — сказал он. — Каменную стену лбом не прошибешь. Осталось только напомнить, что мне кое-что причитается за труды.

Он назвал сумму, но миссис Хэммонд, казалось, его не слышала. По ее щекам, оставляя на пудре мокрые полосы, катились слезы. Мистера Джеффса она даже не замечала. Тело ее вздрагивало от рыданий, а слезы, не переставая, капали.

Наконец она вышла из комнаты. Мистер Джеффс остался — надо было дожидаться денег. Рассматривая мебель, он дивился тому, как горько и как долго переживает миссис Хэммонд. Служанка внесла на подносе чайник, поставила его и покраснела — видно, вспомнила про кухонные окна. Мистер Джеффс налил себе чашку чаю и съел пару печений. В комнате было тихо, как на похоронах.

— А ты кто? — спросила его девочка лет пяти.

Мистер Джеффс посмотрел на нее и предпринял попытку улыбнуться, обнажив зубы.

— Я — мистер Джеффс. А тебя как зовут?

— Эмма Хэммонд. Почему ты пьешь у нас чай?

— Принесли, вот и пью.

— А что у тебя со ртом?

— Ничего. Он у меня всегда такой. Лучше-ка скажи — ты послушная девочка?

— А чего ты ждешь?

— Жду, когда мама даст мне немного денег.

— Немного денег? Ты бедный?

— Она мне их задолжала.

— Иди играй, Э м м а , — сказала миссис Хэммонд, открывая дверь, и когда девочка вышла, добавила: — Простите меня, мистер Джеффс.

Она стала выписывать ему чек. Он смотрел на нее и думал о Хэммонде, миссис Югол и мансарде большого дома, где стоит теперь стол. Интересно, что будет дальше? Миссис Хэммонд, скорее всего, останется одна с ребенком. Миссис Югол выйдет за Хэммонда, потом они переедут в этот дом и привезут с собой столик, раз уж миссис Югол жить без него не может; служанка перейдет к ним, а миссис Хэммонд с дочкой уедут в мансарду. Ну их, все они одним миром мазаны, решил он, даже девочка уже научилась лицемерить. Но если выбирать, больше всех ему по душе миссис Хэммонд. Говорят, женщины в таких передрягах бог знает что творят, даже с собой могут покончить. Хорошо бы миссис Хэммонд осталась жива.

— Я все объясню, мистер Джеффс, — сказала она.

— Не стоит беспокоиться.

— Это бабушкин столик, она мне его оставила по завещанию.

— Зачем так нервничать, миссис Хэммонд? Все в порядке.

— Мы с мужем и подумали, а к чему нам такой уродливый стол?

— Это муж решил, что он уродливый?

— Да. Но мне он не нравился еще больше, чем ему. Муж не очень-то внимателен к таким вещам.

На миссис Югол, когда она пришла, сразу обратил внимание, подумал мистер Джеффс. Нет, врет она все, эта миссис Хэммонд, просто спасает репутацию, к тому же она прекрасно знает, где стол, все время знала. А плакала от обиды — не может перенести, что стол ее бабушки попал в гнездо разврата.

— Вот мы и дали объявление. Вскоре получили два предложения. От вас и от какой-то женщины.

Мистер Джеффс встал, готовясь уйти.

— Да вы и сами видите, нет у нас места для такого стола.

Мистер Джеффс уставился на нее холодным взглядом, но смотрел не в глаза, не в лицо, он холодно и серьезно смотрел на зеленое шерстяное платье.

— А как только вы его забрали, я пожалела. Я ведь помню этот столик с детства. Бабушка оставила его мне не только по доброте, но и потому, что любила меня.

Мистер Джеффс подумал: столик-то, видно, был у бабушки в прихожей. Чтобы наказать девочку, ее выгоняли из комнаты, ставили около него, и она там лила слезы, переживала. Столик был свидетелем ее детских унижений, а теперь молчаливо наблюдает за тем, что происходит в мансарде. Мистер Джеффс мысленно увидел, как миссис Югол и Хэммонд ставят на этот столик пузатые коньячные бокалы, подходят друг к другу и взасос целуются.

— Он не выходит у меня из головы. Бабушка, помню, много раз мне его обещала. Она одна-единственная и была добра ко мне в детстве. А чем я ей отплатила за любовь? Продала столик и каждую ночь вижу теперь дурные сны. Вам понятно, почему я так переживаю?

А бабушка-то у нее была жестокая, подумал мистер Джеффс. Травила девочку целыми днями и столик ей отписала, чтобы напомнить об этом. Почему бы миссис Хэммонд не сказать ему правду? Взяла бы да объяснила, что душа мертвой старухи как бы переселилась в столик и теперь они, и старуха и столик, хихикают над ней в мансарде миссис Югол. Слова правды не скажет, зря он к ней хорошо относился.

— Извините, что надоедаю вам, мистер Джеффс. Но у вас такое доброе лицо.

— Я еврей, мадам. У меня еврейский нос, я некрасив, совсем не умею улыбаться. — Он разозлился: смотрите-ка, еще смеет его презирать. Сама врет и его вдруг решила втянуть во всю эту игру. А разговор о лице просто оскорбителен. Да какое она имеет право? Много она знает о его недостатках и слабостях!

— Я должна была бы оставить столик в семье, завещать его дочке. Как же я раньше не подумала!

Мистер Джеффс закрыл глаза. Все она врет, сидит тут и врет! Дочке! Девочка-то пока невинно играет в соседней комнате, но и она когда-нибудь будет вруней. Вырастет, и ей тоже придется скрывать обиды и унижения, изображать из себя черт знает что, спасая свое доброе имя.

Глаза его были закрыты, в мозгу звенел собственный голос. Он представил себя в своем огромном викторианском доме, где нет ничего постоянного. Мебель все время меняется. Одну он увозит, другую покупает. Ковров нет и никогда не будет. Лично ему принадлежит лишь старенький приемник, да и то потому, что ни гроша не стоит.

— Зачем вы врете? — закричал он.

Он услышал свой крик и снова увидел себя, одинокого и молчаливого на холодном полу в одной из комнат. С чего это он разорался? Нате вам, кричит, впутывается в чужие дела! Врет и пусть себе врет. Каждый живет как знает, ему-то какое дело. Он сам себе готовит и в душу никому не лезет.

— Бабушка в могиле, — сказал мистер Джеффс, удивляясь собственным словам. — Но миссис Югол жива. Она раздевается, потом входит ваш муж и тоже снимает одежду. А рядом стол, который вы помните с детства. Он все видит, и вам это неважно. Так зачем лицемерить, миссис Хэммонд? Почему бы прямо не сказать: «Еврей, договорись с этой миссис Югол и привези стол назад». Я-то вас понимаю, миссис Хэммонд. Я все это понимаю. Я готов торговать чем угодно на этой грешной земле, но я все понимаю.

Снова наступило молчание, и взгляд мистера Джеффса медленно заскользил по комнате, пока не остановился на лице миссис Хэммонд. Лицо качалось — тихонько, из стороны в сторону.

— Я ничего этого не знала, — сказала миссис Хэммонд и, перестав качаться, застыла как изваяние.

Мистер Джеффс встал и в полной тишине направился к дверям. Потом повернулся и пошел назад, чтобы забрать чек. Миссис Хэммонд его не замечала, и он, рассудив, что ему лучше помолчать, не прощаясь вышел из дома и завел «остин».

Отъезжая, он представил себе последнюю сцену несколько иначе: миссис Хэммонд понурила голову, а он ей объясняет, что ее ложь простительна. Да, ему бы хоть чуточку утешить ее, сказать какие-нибудь слова или понимающе пожать плечами. А что сделал он? Бестактно и грубо нанес тяжелый удар. Теперь она будет сидеть в той же позе, в какой он ее оставил: не двигаясь, с побелевшим лицом, сгорбившись от горя, будет сидеть и сидеть, пока в комнату не влетит муж. Тогда она взглянет на его беззаботное лицо и скажет: «Приходил этот торговец мебелью. Он сидел вон на том стуле и рассказывал, что миссис Югол вьет для тебя любовное гнездышко».

С печалью в сердце мистер Джеффс крутил баранку, но постепенно образы миссис Хэммонд, ее мужа и неотразимой миссис Югол стали тускнеть в его мозгу. «Я сам себе готовлю, — сказал он громко. — Я хороший торговец и ни к кому не пристаю». Нет, не обязан он никого утешать! Не его это дело, и с чего это он взял, что между ним и миссис Хэммонд могут возникнуть теплые чувства? «Я сам себе готовлю. Ни к кому никогда не пристаю», — снова сказал мистер Джеффс и поехал молча, уже ни о чем не думая. Холодок печали в сердце растаял. Что касается его промаха — что же, сделал и сделал, теперь не исправишь. На город опускались сумерки. Мистер Джеффс наконец приехал домой, где никогда не горел камин, где всюду громоздилась мрачная мебель, где никто не плакал и не врал.

Около колыбели

В одном отдаленном пригороде Лондона в свое время жила немолодая дама по имени мисс Ифосс. Мисс Ифосс была расторопная женщина и, пока хватит сил, такой намерена была оставаться. Она регулярно ходила в кино и театр, много читала и любила общество мужчин и женщин моложе ее лет на сорок. Раз в год мисс Ифосс непременно посещала Афины и всякий раз по этому случаю недоумевала, отчего раньше не осталась в Греции навсегда; теперь, думала она, менять жизнь поздновато, тем более что она любила Лондон.

Жизнь ничем не обделила мисс Ифосс. Она любила и была любима. Однажды она даже родила ребенка. Год-другой она привыкала к семейной лямке, хотя официально узаконить брак почему-то не дошли руки. Тяжело заболев воспалением легких, ребенок мисс Ифосс умер; вскоре после этого отец ребенка вечером собрал чемодан. Он вполне сердечно попрощался с мисс Ифосс, и больше она его не видела.

Оглядываясь назад, мисс Ифосс заключала, что полной мерой вкусила от жизни радостей и печалей. Она вполне обдуманно предпочла суматошную бестолковость будней. Ей было вполне хорошо. И она даже не сразу осознала, что в ее жизнь вошли Датты.

Сам мистер Датт ей и позвонил. Он сказал:

— Мисс Ифосс, я к вам за помощью. Говорят, вы иногда сидите с малышами, а мы обыскались приходящей няни, на которую можно положиться. Не хотите попробовать, мисс Ифосс?

— Кто вы? — сказала мисс И ф о с с . — Я совсем вас не знаю. Прежде всего: как ваша фамилия?

— Д а т т , — сказал мистер Д а т т . — Мы живем в двухстах ярдах от вас. Это не расстояние.

— Погодите...

— Зайдите к нам, мисс Ифосс. Зайдите, пропустим рюмочку. Если мы вам приглянемся, то, может, до чего-нибудь и договоримся. А нет так нет, мы не обидимся.

— Вы очень любезны, мистер Датт. Продиктуйте ваш адрес и скажите когда, и я безусловно зайду. Я с огромным удовольствием зайду к вам, правда.

— И прекрасно.

И мистер Датт продиктовал, а мисс Ифосс записала.

Супруги Датт могли быть близнецами. Оба махонькие, сухонькие, с песьими личиками.

— Мы намучились, разыскивая приличную няню, — сказала миссис Датт. — На нынешних девиц, мисс Ифосс, едва ли можно надеяться.

— Мы нервная пара, мисс Ифосс, — сказал мистер Датт и с тихим смешком передал ей бокал хереса. — Нервная пара — в этом весь секрет.

— Этот секрет зовут Микки, — пояснила его жена. — Понятно, мы тревожимся, хотя стараемся не баловать его.

Мисс Ифосс кивнула:

— С единственным ребенком бывает трудно.

Датты согласились, немигающими глазами словно вглядываясь в самую глубь ее души.

— Обратите внимание: телевизор, — заметил мистер Датт. — Вечерами вам не будет одиноко. Есть радио. Управлять ими просто, они отлично работают.

— Микки не просыпается, — сказала миссис Датт. — Мы всегда оставляем телефон. Вы легко свяжетесь с нами.

— Ха-ха-ха!

Смеялся мистер Датт. Его личико странно исказилось, на скулах до блеска натянулась кожа.

— Как ты смешно сказала, Берил! Моя жена обожает шутить, мисс Ифосс.

Не понимая, в чем состояла шутка, мисс Ифосс все же улыбнулась.

— Ведь было бы странно, если бы мы *не оставляли дома телефон*, — продолжал мистер Датт. — Мы оставляем *номер телефона*, Берил, номер наших хозяев. Вообразите, мисс

Ифосс, что ваши гости приносят с собой свой телефонный аппарат!

— Действительно, это было бы очень странно.

— «Мы взяли свой телефон, поскольку не любим говорить по чужому». Или: «Мы взяли свой телефон на тот случай, если кто-нибудь позвонит нам, пока мы у вас». Можно один вопрос, мисс Ифосс?

— Если нетрудный, мистер Датт.

— Вы когда-нибудь смотрели слово «шутка» в Британской энциклопедии?

— Скорее всего — нет.

— Вы узнали бы массу полезного. Кстати, у нас полный комплект Британской энциклопедии. Она всегда к вашим услугам.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Что касается данного случая, то я не хочу подменять энциклопедию. Предоставляю вам самой покорпеть над ней минуту-другую. Мне кажется, вы не пожалеете об этом.

— Муж буквально молится на энциклопедию, — сказала миссис Датт. — Не вылезает из нее.

— Я не всегда читаю ее для души, — сказал мистер Датт. — Сбор самой разной информации — отчасти моя работа.

— Вы еще работаете, мистер Датт?

— Как многие, мисс Ифосс, муж — вечный труженик.

— У вас интересная служба, мистер Датт?

— Интересная? Хм. Полагаю, что да. Больше сказать не могу. Подтверди, Берил.

— Муж на засекреченной работе. Ему запрещено говорить лишнее. Он не может пооткровенничать даже с тем, кому мы доверяем нашего ребенка. Дикость, правда?

— Отнюдь нет. Меня абсолютно не касаются дела мистера Датта.

— Распусти я язык — и меня выставят в два счета, — сказал мистер Датт. — Вы точно не обижаетесь?

— Конечно нет!

— А некоторые обижаются. Бывали досадные наклад-
ки — правда, Берил?

— Не все понимают, каково это — быть на засекречен-
ной работе. Безответственные люди.

Мистер Датт потянулся к мисс Ифосс с графином хереса.
Он наполнил ее бокал, налил жене и сказал:

— Итак, мисс Ифосс, что вы о нас полагаете? Как вы
отнесетесь к тому, чтобы время от времени смотреть в этой
комнате телевизор и прислушиваться к нашему ребенку?

— Разумеется, вы всегда найдете что закусить, мисс
И ф о с с , — сказала миссис Датт.

— И чем за п и т ь , — добавил мистер Датт.

— Это совершенно ни к чему. Мне ничто не мешает
подкрепиться перед выходом.

— Ни-ни-ни! И речи об этом не может быть! Моя жена
превосходно готовит. А я гарантирую полные графины.

— Своей бесконечной добротой вы не оставили мне вы-
бора. Если ничто не помешает, я всегда с радостью освобожу
вас на вечер.

Мисс Ифосс допила херес и поднялась. Поднялись и Дат-
ты, облучая улыбками размягченную гостью.

— И т а к , — сказал в холле мистер Д а т т , — что, если вы
уделите нам вторник, мисс Ифосс? Друзья звали на ужин, это
недалеко.

— Вторник? Вторник мне подходит. Часам к семи?

Мистер Датт протянул ей руку.

— Премного обяжете. До встречи, мисс Ифосс.

Во вторник дверь открыл мистер Датт. Он провел мисс
Ифосс в гостиную. Жена, объяснил он, еще одевается.
Занимая мисс Ифосс, он наполнил ее бокал и сказал:

— Моя жена, когда я на ней женился, готовилась уйти
в монастырь. Как вы это находите?

— Пока что не нахожу слов, мистер Д а т т , — сказала мисс
Ифосс, удобно устраиваясь перед обогревателем. — Я пора-
жена.

— Многие поражаются. Я часто задумываюсь, правильно

ли я поступил. Из Берил могла выйти прекрасная монахиня. Вы не находите?

— Я уверена, что в то время вы оба отдавали себе отчет в своих поступках. И наверное, миссис Датт могла стать прекрасной монахиней.

— Берил выбрала чрезвычайно строгий орден. Это в ее духе, вы не находите?

— Я почти не знаю миссис Датт. Но если в ее духе сделать такой выбор, то я охотно этому верю.

— То есть вы видите в ней серьезную личность — да, мисс Ифосс? Вы это хотите сказать?

— При том, что я совсем недавно ее знаю, — да, пожалуй, серьезная личность. Хотя вы сами говорили, что она обожает шутку.

— Шутку?

— Вы сами сказали в прошлый раз. По поводу ее обмолвки.

— А! Совершенно верно. Дырявая память. Проклятая работа.

В комнату вошла очень празднично одетая миссис Датт.

— Вот, мисс Ифосс, — сказала она, вручая листок бумаги, — здесь номер телефона, по которому мы будем доступны. Если Микки подаст голос, звоните нам. Я сразу приеду.

— Какая же в этом необходимость? Зачем портить себе вечер? Уж как-нибудь я постараюсь его успокоить.

— Лучше придерживаться нашей тактики. Микки неважно ладит с незнакомыми. Его комната наверху, но вы к нему не заходите. Если он спросонья увидит вас, он до смерти перепугается. Он очень нервный ребенок. Как только услышите что-нибудь, немедленно звоните.

— Как вам угодно, миссис Датт. Я хотела как лучше...

— У меня есть опыт, мисс Ифосс, я знаю, как лучше. На кухне я кое-что приготовила для вас. Все холодное, но, по моему, вкусно.

— Спасибо.

— Ну все, мы уходим. Вернемся к четверти двенадцатого.

— Желаю вам хорошо провести вечер.

Датты сказали, что постараются исполнить ее пожелание, немного пошептались в холле и наконец ушли. Мисс Ифосс внимательно огляделась.

Комната как комната. Репродукции Утрилло * на однотонных серых стенах. Желтоватые гардины, желтоватые чехлы на креслах, немного простой мебели на мягком сером ковре. Тепло, хороший херес, покой. Приятно, думала мисс Ифосс, приятно сменить обстановку, не получив в придачу собеседников. Скоро она забрала с кухни свой ужин и опять села к теплу. Верный обещанию, мистер Датт не забыл оставить бренди. Мисс Ифосс стала склоняться к мысли, что с Даттами ей положительно повезло.

Она спала, когда они вернулись. К счастью, она услышала их в холле и успела оправиться от испуга.

— Все благополучно? — спросила миссис Датт.

— Даже не пикнул.

— Тогда я его сразу переодену. Огромное спасибо, мисс Ифосс.

— Вам спасибо. У меня был очень приятный вечер.

— Я вас подвезу, — предложил мистер Датт. — Машина еще не остыла.

В машине мистер Датт сказал:

— Ребенок — это огромное утешение. Сколько радости доставляет нам Микки. Как он поддерживает Берил. Время еле тянется, когда днями сидишь одна в четырех стенах.

— Да, дети — это утешение.

— Вы, наверное, думаете, что мы слишком носимся с Микки?

— Что вы! Это лучше, чем другая крайность.

— Понимаете, мы просто благодарные люди.

— Понимаю.

— Нам есть за что благодарить судьбу.

— Себя благодарите.

Пока ехали к дому мисс Ифосс, мистер Датт совершенно

* Утрилло Морис (1883—1955) — французский живописец, мастер лирического горного пейзажа.

расчувствовался. Мисс Ифосс заподозрила, что он сильно выпивши. Он тепло пожал ей руку и объявил, что с нетерпением ждет следующей встречи.

— В любое время, — сказала мисс Ифосс, выходя из машины. — Звоните. Я часто свободна.

С того раза мисс Ифосс отсидела у Даттов много вечеров. К ней относились все лучше и лучше. Ей оставляли плитки шоколада и рекомендовали интересные статьи в журналах. Мистер Датт подсказал еще несколько слов, о которых любопытно справиться в энциклопедии, миссис Датт поделилась некоторыми кулинарными секретами.

Однажды вечером, перед самым уходом, мисс Ифосс сказала:

— Знаете, по-моему, будет правильно, если я познакомлюсь с Микки. Что, если я разок зайду днем? Он будет меня знать, и я смогу его успокоить, если он проснется.

— Но ведь он *не просыпается*, мисс Ифосс. Хоть раз он проснулся? Вам ни разу не пришлось звонить нам.

— Это верно. Но мы так хорошо сошлись, что мне и к нему хочется найти подход.

Польщенные Датты обменялись улыбками и улыбнулись мисс Ифосс. Мистер Датт сказал:

— Спасибо за добрые слова, мисс Ифосс. Но Микки еще побаивается посторонних. Немного погодим, если не возражаете.

— Конечно, конечно, мистер Датт.

— Я беспокоюсь, что он нервный ребенок, — сказала миссис Датт. — Мы до мелочей продумали нашу тактику.

— Мне так неловко, — сказала мисс Ифосс.

— Ничего, ничего! Давайте выпьем по последней, — бодро предложил мистер Датт.

Но мисс Ифосс не могла отделаться от чувства неловкости: похоже, она сказала бестактность. И всю следующую неделю она с тревогой думала о Даттах. Ясно, что они неправильно ведут себя с ребенком, и ясно, что давать им рекомендации она просто не может. Не такое у нее положение, чтобы снова поднимать этот вопрос, но одно она знала твердо: ненормаль-

но изолировать ребенка от людей на том основании, что он их боится. Всему этому должны быть причины, но Датты, похоже, даже не пытались их выявить. Примерно раз в десять дней она проводила вечер у Даттов и про свое помалкивала. И тут, как гром среди ясного неба, произошло такое, от чего у мисс Ифосс все перемешалось в голове.

Она была в гостях у друзей и вела необязательный разговор с пожилым мужчиной по имени Саммерфилд. Она знала его несколько лет, но всякий раз — и в этот раз тоже — после взаимных приветствий разговор у них не клеился. А тут мисс Ифосс решила попытать удачи и после обычной продолжительной паузы без обиняков спросила:

— Как вы переносите свой возраст, мистер Саммерфилд? Я потому спрашиваю, что сама встала перед этой проблемой.

— Как переношу? Да вроде бы ничего. После смерти жены живу тихо, но особо не жалуясь.

— Что нас одолевает — так это одиночество. Я убеждаюсь, что к нему надо относиться, как к зубной боли или вроде того, и искать лекарство.

— Это верно. Мне частенько бывает одиноко.

— Так вот: я сижу с малышами. Не думали о таком средстве? Вы не отмахивайтесь, что это не мужское занятие. Тут главное, чтобы человек был ответственный.

— Я никогда не задумывался об этом — ни вообще, ни конкретно. Хотя детей я люблю и всегда любил.

— Я стала заправской няней. Сейчас у меня только Датты, но хожу я к ним очень часто. И вечер пролетает незаметно. Полюбила телевизор...

— Я знаю Даттов, — сказал мистер Саммерфилд. — Они с Рейберн-роуд? Такие крохотные поганки?

— Они действительно живут на Рейберн-роуд, и действительно они оба крохотные, только зря вы обзываете их поганками.

— Да я ничего плохого не имел в виду. Я давно знаю Датта. Ради красного словца, бывает, скажешь не подумав.

— Мистер Датт — интересный человек. Он занят на ответственной и страшно секретной работе.

— Датт? Рейберн-роуд, дом двадцать пять? Он бухгалтер-ревизор.

— Вы наверняка заблуждаетесь...

— Я не могу заблуждаться. Мы вместе работали. Он был у нас на побегушках.

— Тогда... выходит, я заблуждаюсь.

— Меня другое удивляет: вы говорите, что ходите присматривать за их малышом. По-моему, тут вы тоже заблуждаетесь.

— Ну, в этом-то я абсолютно уверена. Только по этой причине я и узнала их.

— Тем не менее я удивлен, поскольку у Даттов, мисс Ифосс — и в этом я абсолютно уверен, — детей нет.

Мисс Ифосс приходилось слышать, что со старостью люди начинают жить в воображаемом мире. Но не выдумала же она, в самом деле, этих Даттов — ведь и мистер Саммерфилд подтвердил их существование. Так, может, она ходила к ним по какому-нибудь другому делу? Может, переступив порог их дома, она тронулась рассудком и напрочь забыла, ради чего она сюда ходит? Может, ее использовали совсем в другом качестве? В таком качестве, которого она стыдилась, и потому придумала, убедив в этом даже самое себя, благовидный присмотр за малышом? Не стала ли она чем-то вроде прислуги у этих людей, терялась она в догадках, и теплая уютная комната, херес, шоколад, бренди — только игра ее воображения?

— К одиннадцати мы вернемся, мисс Ифосс. Вот номер телефона. — Миссис Датт улыбнулась, и через минуту за ней мягко захлопнулась дверь.

Здесь все настоящее, думала мисс Ифосс. Вот херес. Вот телевизор. На кухне поднос с моим ужином. Все это настоящее, мистер Саммерфилд просто выжил из ума. И только после ужина ее надоумило раз и навсегда убедиться в том, какое у нее положение в доме. Нужно подняться наверх и взглянуть на дитя. Тихо ходить она умеет, разбудить ребенка не должна.

Первая комната была захламлена чемоданами и картонны-

ми коробками. Из второй доносилось дыхание: она правильно шла. Щелкнув выключателем, она огляделась. Комнатка была веселая, с карликами на обоях. Стояла лошадь-качалка, лежала груда разноцветных кубиков. Дальний угол занимала большая колыбель, очень большая и очень высокая, а в колыбели спал очень старый человек.

Когда Датты вернулись, мисс Ифосс ничего им не сказала. Ей было жутко, а почему жутко, она и сама не понимала. Она не чаяла добраться домой. На следующий день она позвонила племяннице в Девоншир и договорилась немного погостить у нее.

О Даттах мисс Ифосс никому ничего не сказала. На свежем воздухе она набралась сил и через пару недель вернулась в Лондон окрепшей физически и духовно. Она открыткой известила Даттов, что решила не оставаться больше с малышом. Она не стала объяснять почему, только написала, что, надеется, они ее поймут. После этого она, как могла, постаралась начисто выбросить Даттов из головы.

Прошел год или около того, и в серое холодное воскресенье на бульварчике неподалеку от ее дома мисс Ифосс увидела Даттов. Они сидели на скамейке, тесно, по-сиротски прижавшись друг к другу. И что-то, а что — она никогда не сможет объяснить, толкнуло мисс Ифосс подойти к ним.

— Добрый день.

Датты обратили к ней свои строгие, несчастные личики.

— Доброго здоровья, мисс Ифосс, — сказал мистер Датт. — Давно вас не видно, давно. Как чувствуете себя в такую слякоть?

— Спасибо, хорошо. А вы? Как вы живете-можете, миссис Датт?

Мистер Датт поднялся и отвел мисс Ифосс в сторону.

— Берил совсем раскисла, — сказал он. — Микки умер. С тех пор Берил сама не своя. Понимаете наше состояние?

— Мне так неловко.

— Я стараюсь развлечь ее, но боюсь, мои старания напрасны. Меня это тоже сломило. Плохой из меня утешитель.

— Не знаю, что и сказать, мистер Датт. Какое горе.

Мистер Датт взял мисс Ифосс под локоть и вернулся с ней к скамейке.

— Я сказал мисс И ф о с с , — сказал он жене. Миссис Датт кивнула.

— Мне так неловко, — повторила мисс Ифосс.

Датты не мигая смотрели на нее печальными молящими глазами. В них было что-то гипнотическое.

— Мне надо и д т и , — сказала мисс И ф о с с . — До свидания.

— Все переумирали, мисс И ф о с с , — сказал мистер Д а т т . — Один за другим.

Мисс Ифосс мешкала уходить. И сказать ей было нечего, разве что снова просить прощения.

— Опять мы осиротели, — продолжал мистер Д а т т . — Опять маемся. Мы так их любим — и вот: не знаем, куда себя деть в воскресенье. Одинокая пара. Не в человеческих это силах, мисс Ифосс, переносить такие удары.

— Я скажу не к месту, мистер Датт, но человеческих сил хватает на очень многое. Этого не осознаёшь, когда случилась беда, но пройдет время — и вы сами убедитесь.

— Вы умница, мисс Ифосс, и вы правильно заметили, что в нашем положении трудно учиться благоразумию. Скольких мы уже потеряли за свою жизнь! Дать — и потом отнять! Непостижимо господне жестокосердие.

— До свидания, мистер Датт. До свидания, миссис Датт.

Те не ответили, и мисс Ифосс быстро удалилась.

Мисс Ифосс стала чувствовать, что стареет. Она обзавелась палочкой; в кино у нее уставали глаза; она сократила чтение, ей стало утомительно поддерживать долгий разговор. Она вполне философски отнеслась к перестройке, радовалась, что способна на такое отношение. К тому же обнаружили положительные стороны: все больше приятно доставляло обращение к прошлому. Она со свежим чувством заново переживала любимые периоды. Жизнь капризна, и тут отыгрывался свой каприз.

Случай опять свел ее с мистером Даттом. Она полдничала в тихом старомодном кафе, которое даже в мыслях не стала

бы связывать с мистером Даттом. А он вошел и встал перед ней.

— Доброго здоровья, мисс Ифосс, — сказал он.

— Ба, мистер Датт! Как вы поживаете? Как ваша жена? Мы порядком не виделись.

Мистер Датт сел. Он заказал себе чай и чуть подался вперед, вглядываясь в нее. О чем он думает? — гадала мисс Ифосс, у него вид человека, который из вежливости поддерживает компанию, хотя мысли его далеко. Наглядевшись, мистер Датт просветлел лицом. Он улыбнулся и заговорил как человек, собравшийся с мыслями:

— У меня огромная новость, мисс Ифосс. Мы не помним себя от счастья. Берил ждет ребенка.

Мисс Ифосс поморгала глазами. Намазав гренок джемом, она сказала:

— Какая радость. Какие вы молодцы. Как миссис Датт будет довольна. А когда... это ожидается?

— Очень скоро. Очень скоро. — Мистер Датт сиял. — Естественно, Берил потеряла голову от радости. Целыми днями готовится.

— Перед таким событием масса забот.

— Масса! Берил помешалась на вязании. Такое впечатление, что она не может остановиться.

— Для женщины, мистер Датт, это самое важное событие жизни.

— Часто — и для мужчины, мисс Ифосс.

— Да, конечно.

— Мы опять воспряли духом.

— Я рада за вас. В прошлую встречу вы были такие убитые.

— Вы тогда сказали мудрые слова. Вы не представляете, как вы нас поддержали.

— Что вы, я совсем не умею утешать.

— Умете. И Берил это потом признала. Это счастье, что мы вас тогда встретили.

— Спасибо, мистер Датт.

— В тяжелых обстоятельствах легко растеряться. Вы

подказали нам выход. Мы всегда будем благодарны вам.

— Вы меня переоцениваете.

— В тяге к ребенку есть особая сила. Заботиться о нем, дарить ему любовь и ласку — это, я полагаю, умеют все. А то, что в каждом из нас есть еще росток великодушия, — это понимают немногие.

— Чем старше я становлюсь, мистер Датт, тем больше убеждаюсь, что человеку очень мало дано понять. Я думаю, что ему вообще ничего не дано понять. Все прекрасное сложно и таинственно. Пусть оно таким и остается.

— Вы совершенно правы! Я то же самое говорю Берил. С удовольствием доведу до ее сведения, что вы разделяете мою мысль.

— У меня это не мысль, скорее — чувство.

— А кто нас убедит, что это разные вещи?

— Пожалуй.

— Мисс Ифосс, окажите мне услугу.

— Какую?

— Сущая безделица, но мне будет приятно. Можно я заплачу за ваш чай? И Берил будет приятно.

Мисс Ифосс рассмеялась:

— Конечно, можно, мистер Датт.

И, выговорив эти простые слова, мисс Ифосс вдруг совершенно отчетливо поняла, что ей надлежит сделать.

Мисс Ифосс стала распродавать вещи. Она продавала их в разные руки, оставляя себе кое-что на подарки. Это заняло много времени, за всем надо было проследить. Она составляла длинные подробные списки, без которых голова ее уже не справлялась. Было грустно, когда сроднившаяся вещь уходила из дома, но умом она понимала: абсурдно чувствовать привязанность к вещам. Пусть к ним теперь привязываются другие; в конечном счете, и эти новые привязанности окажутся такими же ненадежными, как у нее.

Пусто и безрадостно стало в квартире. Остались только вещи, принадлежавшие домовладельцу. Она написала ему, что расторгает аренду.

Датты смотрели телевизор, когда прибыла мисс Ифосс.

Мистер Датт убрал звук и пошел открыть дверь. Он улыбнулся и молча провел ее в гостиную.

— Добро пожаловать, мисс Ифосс, — сказала миссис Датт. — Мы вас ждем.

В руках у мисс Ифосс был маленький чемодан.

— Когда вы ожидаете ребенка, миссис Датт? — сказала она. — Надеюсь, я пришла вовремя?

— Точнее не бывает, мисс Ифосс, — сказал мистер Датт. — Берил ждет сегодня ночью.

На экране беззвучно и тревожно мелькало изображение. Одетый пиратом человек поглаживал головку попугая.

Мисс Ифосс не стала садиться.

— Я немного устала, — сказала она. — Что, если я сразу поднимусь наверх?

— Конечно, мисс Ифосс, — улыбнулась ей миссис Датт. — Конечно, дорогая. Дорогу вы знаете, правда?

— Да, — сказала мисс Ифосс, — дорогу я знаю.

Отель «Ленивый месяц»

Миссис Данкерс поднесла к губам сигарету с розовым фильтром и прикурила от зажигалки на приборной доске. Огонек высветил на миг ее красивое удлиненное лицо с такими твердыми и острыми чертами, что они невольно наводили на мысль о резце скульптора. В темноте кабины она выпустила из ноздрей два столбика дыма и удовлетворенно вздохнула. Автомобиль тихо стоял на травянистой обочине шоссе в двухстах милях к северу от Лондона и только мягко сотрясался под порывами ветра. Перекрывая монотонный шум дождя, из радиоприемника спокойно и бесстрастно лилась популярная в тридцатые годы мелодия. До полуночи оставалось две минуты.

— Ну?

Дверца автомобиля хлопнула, и Данкерс уселся рядом с ней. Запахло сыростью; капли дождя потекли на ее теплые колени.

— Ну? — еще раз спросила миссис Данкерс.

Он завел мотор. Машина выползла на узкое шоссе, «дворники» отчаянно боролись с ливнем, в мощном свете фар неожиданно близко вставала мокрая листва. Данкерс протер рукой ветровое стекло.

— Порядок, — промурлыкал он.

Машина ехала медленно, и гудение мотора терялось в шуме ветра, дождя, приглушенной музыки и постукивающих «дворников».

— Порядок? — переспросила миссис Данкерс. — Значит, дом — тот самый?

Он крутил баранку, следуя изгибам узкой дороги. Мелькнувшие в свете фар столбы и ворота резко высветились и остались позади — машина свернула на аллею парка.

— Да, — ответил он тихо, — тот самый.

Неожиданный трезвон в парадную дверь дома разбудил

застывшего на кровати старика, и он нахмурился. Сначала он подумал, что это ветер, но услышал еще один резкий и властный звонок. Старик Кронин, единственный слуга в доме, поднялся с постели, натянул поверх пижамы пальто и кряхтя спустился вниз.

Данкерсы увидели, что в холле зажегся свет, услышали шаги Кронина и стук отодвигаемого засова. Муж выбросил окуроч и подготовил нужную мину. Жена ежилась под дождем.

— Поздно у же , — проворчал старик в пижаме, когда путники рассказали ему, в чем дело . — Придется разбудить Марстонов, сэр. Сам я не могу решить.

— Холодно, дождь и д е т , — замурлыкал Данкерс, улыбаясь старику сквозь пышные у с ы . — В такую ночь и собаку на улице не выгонишь. Войдите в наше положение.

— Нестоять жена на пороге , — добавила миссис Данкерс . — Пустите хотя бы в дом.

Они вошли, и Кронин провел их в просторную гостиную.

— Подождите, пожалуйста , — попросило н , — камин еще не погас. Погрейтесь, а я пойду спрошу Марстонов.

Данкерсы молчали. Они стояли там, где остановились, и рассматривали комнату. Чувствовалось, что они враждовали со всем миром и даже друг с другом.

— Я сэр Джайлс Марстон , — сказал еще один старик . — У вас дорожные неприятности?

— Машина нас подвела. Из-за погоды, думаю. Мы ее бросили у ворот. Сэр Джайлс, приютите нас. Наша фамилия — Данкерс. Это моя супруга.

И Данкерс повел рукой с таким видом, что со стороны могло показаться, будто он тут хозяин, а не сэр Джайлс.

— Нам ничего особенного не нужно , — сказала миссис Данкерс . — Была бы крыша над головой.

— Может, у вас есть какая-нибудь сторожка , — рискнул вставить Данкерс, явно переигрывая. Он засмеялся . — Что угодно, лишь бы вздремнуть часок-другой.

— Я бы предпочла кресло , — резко вмешалась жена . — Кресло и плед меня бы устроили.

— У нас, конечно, найдется кое-что получше. Кронин, приготовьте две постели и разожгите для гостей камин в спальне.

Сэр Джайлс Марстон вышел на середину комнаты, и тогда, на свету, Данкерсы увидели, какой он маленький, сгорбленный, а лицо такое, будто кожу на нем очень долго растягивали, а потом разом отпустили — все в морщинах, как печеное яблоко.

— Ну что вы, — запротестовал Данкерс самым своим вкрадчивым голосом, — не стоит беспокоиться. Мы и без того подняли вас среди ночи.

— А простыни у нас есть? — спросил Кронин. — Простыни, подушки... Господи, где их найдешь, сэр?

— Рюмку коньяку? — предложил сэр Джайлс. — Я думаю, миссис Данкерс, глоток горячительного вам сейчас не повредит.

Кронин вышел, бурча себе что-то под нос. Сэр Джайлс наполнил бокалы.

— Мне уже девяносто, — сообщил он своим гостям, — но я пока еще помню, что отказать в приюте — большой грех. Спокойной ночи.

— Кто они? — спросила утром леди Марстон, выслушав рассказ мужа.

— Просто люди, дорогая. Люди с какой-то мерзкой фамилией. И по правде говоря, я ничего не желаю о них знать.

— Солнце выглянуло. Наверное, твои гости уже позавтракали и ушли. Жаль, я бы посмотрела на новых людей и послушала, что они скажут. Мы слишком скучно живем, Джайлс. Общаемся только друг с другом. Вряд ли это полезно, особенно на краю жизни.

Сэр Джайлс, натягивавший брюки, улыбнулся.

— Если бы ты взглянула на эту парочку, дорогая, тебе бы и в голову не пришло, что они способны скрасить наше существование. У мужчины невероятные усы, а женщина из породы бойких.

— Ты нетерпим, милый. И так высокомерен, что даже не поинтересовался, зачем они пришли.

— Да потому, что не могли ехать дальше. Что-то с автомобилем.

— Но они могли захватить с собой все наши безделушки. Ты просто находка для мошенников. Ох, Джайлс, Джайлс!

Сэр Джайлс спустился вниз и обнаружил, что чета Данкерсов все еще сидит за столом.

— А ваш слуга постарался, — сказал Данкерс. — Просто закормил нас: овсянка, кофе, бекон, яйца. Два для меня и одно для моей благоверной. И тосты с мармеладом. И восхитительное масло.

— По-видимому, вы хотите сказать, что вам чего-то не хватило? Тогда говорите прямо. В этом доме давно уже обходятся без намеков.

— Не валяй дурака, — сказала мужу миссис Данкерс. — Кому интересно, что съели на завтрак два посторонних человека?

— Пардон, пардон, — замурлыкал Данкерс. — Простите, сэр Джайлс, я человек не светский.

— Ничего. Если вы уже поели, не стоит задерживаться из-за меня. Вы, конечно, торопитесь.

— Муж сейчас займется машиной. Может быть, придется послать в гараж за механиком. А я пока побуду с вами, если можно.

Данкерс вышел из комнаты, разминувшись в дверях со старой дамой и не поклонившись ей. Сделал вид, что не догадывается, кто она такая.

— Вот та женщина, что пришла ночью, — сказал жене сэр Джайлс. — Ее муж возится с автомобилем, чтобы они могли поскорее тронуться в путь. Познакомьтесь: миссис Данкерс — моя жена, леди Марстон.

— Мы вам очень признательны, леди Марстон. Нам ведь грозила ужасная ночь.

— Надеюсь, Кронин хорошо вас устроил. А я даже не проснулась. «Дорогая, у нас гости», — говорит мне сегодня утром муж. Можете представить, как я удивилась.

Вошел Кронин и поставил перед сэром Джайлсом и леди Марстон тарелки с едой.

Миссис Данкерс продолжала разговор:

— Прекрасный у вас дом.

— Большой и холодный, — ответил сэр Джайлс.

Марстоны принялись за завтрак, и миссис Данкерс замолкла, не зная, что еще сказать. Сигаретный дым раздражал хозяев, но они мирились с ним, как с необходимой принадлежностью этой женщины. Вернулся Данкерс, снова сел подле жены и налил себе кофе.

— Никудышный из меня механик, сэр Джайлс. Мне бы позвонить и вызвать мастера.

— У нас нет телефона.

— Нет? — притворно удивился Данкерс, прекрасно это знавший. — А далеко ли до ближайшей деревни? И есть ли там гараж?

— В трех милях. Гаражом, правда, у меня не было надобности интересоваться. Но телефон, я полагаю, там есть.

— Джайлс, познакомь нас. Это, видимо, муж миссис Данкерс?

— Судя по всему. Мистер Данкерс — моя жена, леди Марстон.

— Очень приятно, — сказал Данкерс, приподнимаясь и пожимая протянутую руку. — Мы, кажется, попали в переплет.

— Пешком доберетесь за час, — заметил сэр Джайлс.

— А нельзя ли как-нибудь сообщить?

— Нет.

— А почтальон?

— Почти не бывает. Приносит изредка парочку рекламных проспектов.

— Может быть, послать слугу?

— Роль Гермеса ему не по летам. Вы же видите.

— В таком случае придется самому тащиться.

Никто не ответил.

— Прогуляйтесь, мистер Данкерс, — произнесла в конце концов леди Марстон, — и возвращайтесь к обеду, — добави-

ла она, к ужасу своего супруга. — Уедете, когда вам будет удобно.

— Вы очень любезны, — сказали Данкерсы в один голос и одновременно улыбнулись. Потом встали и вышли.

Кронин все видел, ко всему прислушивался. Еще когда хозяин сказал «приготовьте две постели», он насторожился. Наутро, подавая гостям завтрак, он надеялся, что они поедят и уедут. Они, казалось, привыкли к поездкам и ночевкам в незнакомых местах. Коммивояжеры, подумал он. Миссис Данкерс сказала «у вас прекрасный дом», и Кронин прищурился, гадая, что она имела в виду, зачем сидела и покуривала, когда Марстоны завтракали. Он осмотрел автомобиль и решил, что таким ему и полагается быть. Уж эти-то, думал Кронин, чувствуют себя в машине как рыба в воде.

Кронин служил в доме Марстонов сорок восемь лет. Когда-то здесь были и другие слуги, он командовал ими, управлял всем домом. Теперь же обслуживал только Марстонов. «Где-нибудь в сторожке», — сказал Данкерс, и Кронин подумал, что вряд ли тот разбирается в сторожках. Он представил Данкерсов в кафе при кинотеатре, точно в таком заведении, в каком сам побывал больше двадцати лет назад; ему там не понравилось. Он услышал, как Данкерс спрашивает жену, что она будет есть, а потом заказывает: жареное мясо с картофелем, крепкий чай, хлеб с маслом. Кронин присматривался к этим людям и запоминал многое из того, что они говорили.

— Ясное дело, — заметил Данкерс за обедом, — мы не в форме. А может, нас зачаровал ваш дивный сад.

— Вы хотите сказать, что не пошли в деревню? — с некоторым раздражением спросил сэр Джайлс.

— Простите бедных горожан, — воскликнул Данкерс. — По правде сказать, мы никуда не ходили.

— Что же вы собираетесь делать? Пойдете после обеда? По дороге есть дома. В них может оказаться телефон.

— Ваш сад раздражил нас. Никогда не видел таких прекрасных деревьев.

— Лучших в Англии не найти.

— Жаль, что он так запущен, — сказала миссис Данкерс, подцепив вилкой кусочек рыбы.

Данкерс раздул усы и улыбнулся.

— Этот сад стоит немалых денег, — сказал он.

Сэр Джайлс бросил на него холодный взгляд.

— Да, сэр, немалых. Но время идет, а мы тратим его на разговоры. Займитесь-ка автомобилем.

Буря сбила яблоки. Влажные, поблескивающие, они словно диковинные драгоценные камни рассыпались в высокой траве под полуденным солнцем. Данкерсы внимательно разглядывали их. Они бродили по саду, оценивая деревья и урожай. Даже достали из машины высокие резиновые сапоги, а потом и плащи из какого-то непрозрачного пластика. Бродили они молча, лишь изредка кивая друг другу при виде особенно богатого дерева.

— Здесь многое можно сделать, — объяснял Данкерс за ужином. — Великолепный сад. Если им заняться, он принесет доход и славу уже через несколько недель.

— Он пережил дни своей славы, — ответил сэр Джайлс, — а может, и дохода. Теперь ему осталось одно — смириться со своей участью. Я уже не могу за ним ухаживать.

— Какая досада! Даже жалко смотреть. Целое состояние пропадает.

— Вы так и не пошли в деревню? — спросила леди Марстон.

— Да все не могли расстаться с садом!

— А это значит, — сказал сэр Джайлс, — что вы остаетесь на ночь.

— Мы вас не очень стесним? — Миссис Данкерс с трудом выдавила улыбку. — Еще одну ночь потерпите?

— Ну конечно, конечно, — сказала леди Марстон. — Завтра вы будете бодрее. Я понимаю вашу вялость. После таких переживаний.

— Можно подумать, что случился пожар или наводнение, — заметил еемуж, — или деревня завтра станет ближе.

— Авдруг, — мягко начал Данкерс, — утром заглянет почтальон и...

— наших родственников уже нет в живых, — перебил его сэр Джайлс, — и большинства друзей — тоже. Проспекты приходят раз в месяц, не чаще.

— А бакалейщик?

— Я спрашивал у Кронина. Продукты доставили вчера. И снова привезут только на следующей неделе.

— Нам каждый день приносят молоко к воротам, Кронин его забирает. Можете оставить там записку. Мы так и поступаем в случае необходимости, если, к примеру, нужно пригласить врача, — предложила леди Марстон.

— Врача? Но пока-то он доберется...

— В самом крайнем случае кто-нибудь из нас идет к ближайшему дому. Нам не кажется, — добавил сэр Джайлс, — что передвигать ноги — непомерный труд. Хоть мы и очень стары.

— Я думаю, молоко — это выход, — сказала леди Марстон.

— Ну что вы! Зачем же доставлять людям столько хлопот. Да и глупо. Нет, завтра ходим сами.

Но следующий день принес с собой перемены — ночью от желудочных колик скончался сэр Джайлс. Короткие острые рези добирались до сердца, и оно не выдержало.

— Мы немножко побудем с вами, дорогая, — сказала миссис Данкерс после похорон. — Уложим вас в постель, а Кронин будет приносить все, что потребуется. Не оставлять же вас в горе одну, ведь вы были к нам так добры.

Леди Марстон кивнула. Похороны очень утомили ее. Миссис Данкерс под руку отвела ее в спальню.

— Такие вот дела, — сказал Данкерс Кронину, когда они остались вдвоем.

— Я служил ему сорок восемь лет, сэр.

— Да, понимаю. Но осталась еще леди Марстон, можешь посвятить ей все свое внимание. Еду будешь приносить прямо в спальню, ну и удержишься иногда поболтать. Ведь старушка теперь совсем одинока.

— Я сам одинок, сэр.

— Ну так тем более. Значит, вам вместе будет веселее. Ты ведь тоже старик. Тебе видней, что говорить, как успокаивать. Ты в этом больше моего смыслишь.

— Ваша машина уже в порядке, сэр? Сегодня она, во всяком случае, была на ходу. Вы уезжаете? Завернуть вам бутерброды?

— Да что ты, Кронин! Разве мы можем бросить в беде двух одиноких стариков? Судьба послала нас в тяжелую для вас минуту, и мы останемся, чтобы исполнить свой долг! И кроме того, нельзя забывать последнюю волю сэра Джайлса.

«О чем это он?» — думал Кронин, глядя в глаза человека, пришедшего в ночи и дождавшегося похорон его господина. В этих глазах таилось такое, что Кронин не согласился бы поменяться местами с их владельцем.

— Его волю, сэр? — переспросил он.

— Он хотел, чтобы сад привели в порядок, окопали и подрезали деревья, а фрукты продавали по настоящей цене. Последнее желание старика нужно исполнить.

— Но, сэр, это очень трудно. Сотни деревьев...

— Правильно, Кронин. Ты, оказывается, хорошо соображаешь. Конечно, чтобы возродить сад, потребуется много рабочих рук. Придется потрудиться.

— Разве сэр Джайлс хотел этого? — Кронин притворился удивленным. Он прекрасно знал, что сэр Джайлс ни за что не доверил бы Данкерсу свою последнюю волю. — Совсем на него не похоже, сэр. Он спокойно наблюдал, как сад умирает.

— Хотел, Кронин. Он этого хотел и многого другого. Ты в своей жизни видел кое-какие перемены, переживешь и эти. А сейчас, мой друг, мне не повредит стаканчик старого, доброго коньяка. В такую минуту полагается взбодриться.

Данкерс сидел в гостиной у камина и, потягивая бренди, что-то деловито писал в блокноте. Вскоре к нему подседа жена, и время от времени он передавал ей листок, чтобы и она могла посмотреть его расчеты. После полуночи они встали и двинулись по дому, оценивая наметанным глазом

комнаты и заноса свои наблюдения на бумагу. Они обследовали кухни, пристройки и в лунном свете прошлись по всему парку. Кронин наблюдал за ними, присматриваясь украдкой ко всей этой возне.

— Рядом с комнатой Кронина есть еще одна, прелестная, маленькая, в ней гораздо больше солнца, — сказала миссис Данкерс леди Марстон. — Вам будет уютнее и теплее, дорогая. Я думаю, мы перенесем туда ваши вещи. Здесь вас мучают воспоминания. А рядом с Кронином будет веселее.

Леди Марстон кивнула, но вдруг одумалась:

— Я люблю эту комнату. Большая, красивая, вид из окна замечательный. Я к ней привыкла.

— Перестаньте, дорогая, не стоит хандрить. Разве мы всегда знаем, что для нас лучше? Хорошее настроение — вот что главное. А там оно станет лучше.

— Лучше, миссис Данкерс? Какое может быть настроение, когда тебя лишают вещей, которые ты любишь, которые были дороги и сэру Джайлсу.

— Ну-ну, дорогая, мы все это перетащим. Смотрите на жизнь веселее. Нужно думать не только о прошлом.

Пришел Кронин, и вещи были перенесены. Не все, конечно: кровать, и шкаф, и массивный туалетный столик в новое помещение не влезли.

В саду полдюжины работников принялись наводить порядок. Подрезали и обработали деревья, расчистили дорожки, заделали дыры в ограде, почистили сараи и набили их фруктовыми ящиками, готовыми принять будущий урожай.

— Затеваается что-то дурное, — доложил Кронин леди Марстон. — На кухне хозяйничает повар, в столовой — камердинер. Моя единственная забота, сказали мне Данкерсы, приносить вам еду и убирать комнату.

— И думать о себе, Кронин, ничего не принимать близко к сердцу и не запускать свой ревматизм. Достаньте-ка колоду карт.

Кронин вспоминал, как здесь было прежде, когда часто

меняли обои на стенах, а в конце недели съезжались гости, и в доме кипела жизнь. Потом пришли годы спада и медленного разрушения, теперь же дом снова ожил, но как-то по-другому; день ото дня новая жизнь входила в свои права так же неотвратимо, как меняются времена года. Миссис Данкерс быстро, в ритме нового порядка, снова вышла из комнаты в комнату. Данкерс сказал: «А ты молодец, Кронин. Я рад. Погодка как раз подходящая, а? Мы тут кое-что слегка подправили, и жить стало полегче, так?» Кронин ответил, что работы у него стало меньше, что верно, то верно. «Но ты и должен меньше работать, — сказал Данкерс. — Посмотри правде в глаза: разве ты можешь управляться с обязанностями, которые по плечу только молодому парню?» И он улыбнулся, стараясь смягчить смысл сказанного.

Кронина тревожила апатия леди Марстон. Послушно, как ягненок, она перешла в маленькую комнату, которая служила ей теперь и гостиной и спальней. И с того дня уже не спускалась вниз; о том, что творится вокруг, она узнавала только от него.

— Появились строительные рабочие, — сообщил он как-то.

Часто посреди карточной партии она вдруг замирала, склонив голову чуть набок, и прислушивалась к приглушенному стуку молотков.

— Это рабочие стучат, — напоминал он, а она делала ход и говорила: — Я и не знала, что сэр Джайлс их вызвал. По утрам она еще сохраняла светлую голову, но проходили часы, и леди Марстон все чаще заговаривала о сэре Джайлсе, о его видах на сад и дом. Кронин думал о том, что день ото дня леди Марстон все больше впадает в детство, и боялся за нее; она теперь начинала заговариваться даже в утренние часы.

Однажды, ближе к вечеру, прохаживаясь по аллее, Кронин увидел небольшую элегантную вывеску, прикрепленную к одному из столбов у входа в парк. Она была повернута к дороге, чтобы проезжие могли прочесть, что там написано. Кронин прочел, зашелся от злости и поспешил назад, бормоча только что прочитанные слова, повторяя их снова и снова.

— Это ужасно. Они превратили ваш дом в гостиницу. Леди Марстон посмотрела на слугу. Она так давно его знала, он пережил вместе с ней и ее мужем тысячи мелких перемен и переделок. Сейчас он был явно огорчен. Редкие седые волосы растрепались, а ведь раньше он всегда был аккуратно причесан, лицо от возмущения пошло пятнами, в глазах горело бешенство, что совсем уж не пристало вышколенной прислуге.

— В чем дело, Кронин?

— У ворот вывеска «Отель «Ленивый месяц».

— Ну и что?

— Данкерсы...

— Данкерсы. Вы слишком часто говорите о Данкерсах, Кронин. Насколько я понимаю, они этого просто не заслуживают. Сэр Джайлс рассказал мне, что этот человек перечислил все съеденные за завтраком куски. В конце концов сэр Джайлс вынужден был выгнать эту парочку.

— Нет, нет...

— Да, Кронин, выгнал. Они действовали ему на нервы. Выставил, и все: напомнил, что за окном прекрасный вечер и светит луна. Я даже немножко огорчилась, решила, что он слишком далеко зашел.

— Нет, нет. Вспомните. Данкерсы все еще здесь. Сначала они привели в порядок сад, а теперь превратили ваш дом в гостиницу.

Леди Марстон нетерпеливо затрясла головой.

— Прошу прощения, Кронин. Я вас раздражаю, наверное.

— Отель «Ленивый месяц». Что это значит? Боюсь, миледи, со временем мы на собственной шкуре узнаем, какой тут смысл.

Леди Марстон весело засмеялась.

— Много ли на свете имеет смысл? Не стоит отыскивать его в каждом пустяке.

Они сыграли в карты и больше к этому разговору не возвращались. Но среди ночи леди Марстон подошла к постели Кронина и потрясла его за плечо.

— Я очень расстроилась, — сказала она, — когда узнала

про гостиницу. Это ужасно, Кронин. Слушайте внимательно: завтра вы все расскажете сэру Джайлсу. Выскажите ему наши опасения. Попросите его, пусть все отменит. У меня уже ни на что не хватает сил, придется вам это сделать.

Дом гудел от приезжих, по центральной аллее сновали машины. Он расцвел, как и сад, стал уютным и даже роскошным, и Кронин опять вспоминал прежние времена.

— А, Кронин! — сказала как-то миссис Данкерс, притормозив на черной лестнице. — Ну, как поживает беденькая леди Марстон? Она никогда не спускается вниз, а мы все здесь так замотались — минутки нет, чтобы вскарабкаться к вам наверх.

— Леди Марстон чувствует себя хорошо, мадам.

— Пусть спускается в холл. В любое время. Будьте любезны, Кронин, скажите ей об этом.

— Да, мадам.

— Но вы уж за ней присмотрите, сделайте одолжение. Она может произвести неприятное впечатление на гостей. Вы понимаете?

— Да, мадам, понимаю. Я думаю, леди Марстон вряд ли захочется сидеть в холле.

— По-моему, ей уже не одолеть всех этих ступенек.

— Да, мадам, не одолеть.

Кронин вынашивал множество планов. Он мечтал, как однажды, дождавшись отъезда Данкерсов, придет в сад с ружьем сэра Джайлса и заставит садовников спилить деревья. Хоть с одной напастью будет покончено. Он ясно представлял себе эту картину: деревья валятся друг на друга, их сплетенные ветви торчат над свежими пнями. Но ружье куда-то затерялось. Еще он мечтал навредить им в доме: поджечь ковры и ободрать обивку. Но на такую затею у него не хватило бы сил, да и случай не выходил. Как-то поутру, правя бритву, Кронин придумал самый удачный план: пробраться в спальню Данкерсов и перерезать им глотки. Когда-то это была спальня его господина, а теперь ее заняли Данкерсы. Тем слаще будет месть. Сорок восемь лет подряд он каждое утро приносил туда поднос с чашками чая «Эрл

Грей». А на этот раз он понесет остро отточенную бритву; и до последнего вздоха будет бриться только ею, наслаждаясь каждым прикосновением. Эта мысль будоражила его. Сэр Джайлс был бы рад увидеть их последний час, увидеть гибель всех этих людей, шатающихся по дому и парку, увидеть, как сад возвращается в прежнее состояние. А он, Кронин, разве он не живой представитель покойного сэра Джайлса? Разве не он скрашивает одиночество леди Марстон? А иногда, забываясь, разве не обращается она к нему как к мужу? Но когда он поделился с ней своими планами, леди Марстон и не подумала их одобрить.

— Считайте, что вы все уже исполнили, Кронин. Оставьте этих людей в покое.

— Но они преступники. Может быть, это они убили сэра Джайлса.

— Очень может быть, Кронин. Но не все ли равно, каким способом избавить человека от нескольких лет болезней и вырождения.

Кронин думал иначе. Ему было жаль леди Марстон, и он утвердился в своем решении.

— Извини, что я так говорю с тобой, Кронин, — сказал Данкерс, — но знаешь, нехорошо, что ты бродишь по дому. Гости недовольны. У тебя есть комната, у тебя есть леди Марстон для компании. Почему бы не держаться той части дома, которую вам отвели?

— Хорошо, сэр.

— И еще, последнее время ты выглядишь неопрятным. У тебя какой-то всклокоченный вид, и если честно сказать, так даже грязный. Это вредит делу. Очень вредит.

Месяц не должен быть ленивым, думал Кронин. Месяц должен быть начеку. Он должен очистить небо от туч, чтобы звезды могли увидеть залитые кровью подушки.

— Мистер Данкерс, почему отель называется «Ленивый месяц»?

Данкерс засмеялся.

— Слабость моей благоверной. Ей понравилось, как это

звучит. Выразительное название, правда?

— Да, сэр.

А месяцу понравится, как звучит пронзительный визг в перерезанной глотке, предсмертный стон.

— Последишь за собой, а, Кронин?

— Да, сэр.

И Кронин сидел в своей комнате, спускаясь вниз по черной лестнице только для того, чтобы взять еду для себя и леди Марстон. Проходили недели, а Кронин все сидел и думал, шалея от сознания долга, который взвалил на свои плечи. Иногда, почти одурманенный этими мыслями, он вдруг понимал, что подробности плана куда-то ускользают. Это случалось, когда он уставал; или когда долго сидел у маленького оконца, глядел в небо, прислушиваясь к отдаленному гудению в нижних этажах, и его одолевала дремота.

Как-то утром он обнаружил, что леди Марстон умерла во сне. Ее унесли, и Кронин убрал колоду карт.

— Для всех нас сегодня печальный день, — сказал Данкерс, а издали доносились отрывистые приказания, которые раздавала слугам миссис Данкерс. Кронин вернулся в свою комнату, в голове у него на мгновение помутилось, и он вообразил, что слова о печальном дне сказал сэр Джайлс. Потом он вспомнил, что сэр Джайлс умер, что жив теперь только он, Кронин.

Месяцами он разговаривал сам с собой, пытаясь сосредоточиться на деталях своего плана. Они постоянно ускользали, и все больше сил уходило на то, чтобы удерживать их в голове.

Когда все было ясно с бритвой, пелена вдруг закрывала лица на подушке, и он не мог вспомнить, кому они должны принадлежать. Сиял месяц, на простыни лилась кровь, но Кронин теперь редко сознавал, что это значит. Он очень уставал, стараясь решить загадку. И когда отдельные клочки его плана в конце концов соединялись, он усмеялся, пораженный собственной глупостью, — как это он в конце жизни вообразил, что способен помериться силой с этим миром и его завоевателями.

Танцзал «Романтика»

В воскресенье, а если это не получалось — по воскресеньям он часто был занят, — то в понедельник каноник О'Коннел приезжал на ферму и служил мессу специально для отца Брайди; тот уже давно нигде не бывал, потому что из-за гангрены ему отняли ногу. Когда это случилось, у них был еще пони с повозкой, и мать была еще жива, так что вдвоем с матерью они без особого труда могли усадить отца в повозку и отвезти к мессе. Но года через два пони захромал и пришлось его прикончить, а потом вскоре и мать умерла.

— Ни о чем не беспокойся, Брайди, — сказал каноник О'Коннел, имея в виду, что доставлять отца к мессе станет ей очень трудно, — я, Брайди, сам буду заглядывать к нему на неделе.

Каждый день на ферму заезжал грузовичок за единственным бидоном молока; мистер Дрисколл привозил крупы и муку и забирал яйца, накопленные Брайди за неделю. С тех пор как каноник О'Коннел сделал свое предложение — это было в 1953 году, — отец Брайди ни разу не оставлял фермы.

Столь же привычными, как посещения мессы по воскресеньям и сельского танцзала по субботам, были для Брайди ежемесячные поездки в городок за покупками. Она ездила туда на велосипеде в пятницу, в первой половине дня. Покупала всякую всячину для себя: отрез на платье, шерсть для вязания, чулки, а для отца — газеты и романы о Диком Западе в бумажных обложках. В лавках она болтала с бывшими своими школьными подругами, которые повыходили замуж за продавцов или лавочников, или сами работали продавщицами. Но большинство обзавелось уже собственными семьями.

— Счастливица ты, — говорили они Брайди, — живешь себе спокойно там наверху, а не торчишь в этой дыре! — Вид

у них, почти у всех, был усталый из-за вечных беременностей и хлопот с большими беспокойными семьями.

Они и впрямь завидуют ее жизни, думала Брайди на обратном пути, взбираясь в гору на своем велосипеде, и это казалось ей удивительным. Если бы не отец, она пошла бы работать в город, скажем, на фабрику мясных консервов или в магазин. В городе есть кинотеатр «Электрический», есть лавка, где торгуют жареной рыбой с картофелем, возле нее по вечерам собирается народ, и все едят из газетных кульков хрустящую картошку. Коротая вечера с отцом в их деревенском доме, Брайди часто думала о городе, представляла себе освещенные витрины с разными товарами, кондитерские, открытые допоздна, чтобы люди могли перед кино покупать шоколад и фрукты. Но до города было одиннадцать миль — слишком далеко, не прокатишься взад-вперед ради развлечения на один вечер.

— Скверное это дело, девочка, — искренне сокрушался отец, — что ты прикована к одному инвалиду! — И он тяжело вздыхал, ковыляя домой с поля, где ухитрялся кое-как справляться со своей работой. — Если бы только мать была жива... — повторял он и не оканчивал фразы.

Была бы мать жива, она бы ухаживала за ним, и помогала обрабатывать их скудный надел, и сумела бы подтащить к грузовику бидон с молоком и присмотреть за несколькими их курами и коровами.

— Без этой девочки я бы давно помер, — не раз говаривал отец канонику О'Коннеллу, на что каноник О'Коннел неизменно отвечал, что с дочерью ему действительно повезло.

— Да чем же мне тут плохо? — спрашивала Брайди, но отец-то понимал: говорится это нарочно, и все печалился, что обстоятельства так жестоко вмешались в ее судьбу.

Отец называл ее девочкой, но Брайди исполнилось уже тридцать шесть. Была она высокой и сильной, кожа на ладонях и пальцах — жесткая, в несмываемых пятнышках. В них навсегда оставил след многолетний труд, словно соки поднялись из растений, а чернота — из самой почвы:

с детства Брайди выпалывала колючие сорные травы, которыми по весне зарастали отцовские посеы свеклы, с детства копала картофель в августе, глубоко погружая руки в землю, разгребая и разрыхляя комья. Лицо у нее было обветренное, высмугленное солнцем, худая шея, тонкий нос, вокруг рта легли ранние морщинки.

Но когда наступал субботний вечер, Брайди забывала про возню с сорняками и землей. Надев новое платье, садилась она на велосипед и катила на танцы — отец эти поездки очень одобрял.

— Ну разве это тебе не на пользу? — спрашивал он, будто и вправду верил, что Брайди неохотно позволяет себе такое удовольствие. — Надо же и тебе развлечься!

Она приготовит ему чай, а потом отец усядется в кухне со своим приемником и ковбойским романом. Позднее — Брайди к тому времени еще не вернется из танцзала — отец пошурует в печке, расшевелит огонь и потащится к себе наверх спать.

Танцзал, собственность мистера Дуайра, располагался в одиноко стоящем придорожном здании; путь туда был неближний; перед входом — усыпанная гравием площадка, а вокруг — болотистая равнина без единого деревца. Название было выведено лазурными буквами по более темному фону на фасаде, выложенном розовой галькой: буквы выделялись отчетливо, со скромным достоинством провозглашая: «ТАНЦЗАЛ «РОМАНТИКА». Над этой вывеской в урочный час вспыхивали четыре цветные лампочки: красная, зеленая, оранжевая и розовато-лиловая, в знак того, что место вечерних randevу открыто для публики. Розовым был только фасад здания, остальные стены — обычного серого цвета. А внутри все, кроме розовых, в обе стороны распахивающихся дверей, окрашено в голубой.

Субботним вечером мистер Джастин Дуайр, маленький тщедушный человечек, отпирал металлическую решетку, охранявшую его собственность, и оттягивал ее назад — открывался вход в зал, откуда позднее польются звуки музыки. Подсобив жене вынести из машины корзинки

с лимонадом и пачками печенья, мистер Дуайр занимал свой пост в крохотном тамбуре между решеткой и розовыми дверями. Там он сидел за складным столиком, разложив перед собой билеты и деньги. Толковали, что он уже сколотил себе целое состояние: он был владельцем еще нескольких сельских танцзалов.

Люди съезжались на велосипедах, в старых машинах; все это были, как и Брайди, жители с холмов — из деревушек, с отдаленных ферм. Люди, что подолгу никого не видели, — мужчины и женщины, парни и девушки. Уплатив за вход мистеру Дуайру, они вступали в его танцзал, где на бледно-голубых стенах двигались тени, а хрустальный плафон излучал мягкий матовый свет. Оркестр, он именовался «Романтичный джаз-банд», состоял из кларнета, фортепиано и нескольких барабанов. Ударник, кроме того, пел.

Брайди посещала этот танцзал с тех пор, как вышла из монастырской школы сестер ордена Введения в храм, еще при жизни матери. Расстояние — семь миль туда и семь обратно — ее совсем не смущало, такой же путь она проделывала каждый день, когда ездила в школу к монашкам на том же самом, еще материнском, велосипеде, старом «радже», купленном в 1936 году. По воскресеньям она отправлялась за шесть миль к мессе, что тоже было не в тягость, настолько она к этим поездкам привыкла.

— Как поживаешь, Брайди? — осведомился мистер Джастин Дуайр, когда одним осенним вечером 1972-го в новом, алом платье она приехала в танцзал. Брайди отвечала, что все у нее в порядке, а на следующий привычный вопрос — что у отца тоже все в порядке.

— Я на днях у вас побываю, — пообещал мистер Дуайр; обещание это она слышала от него уже лет двадцать.

Брайди купила билет и вошла в распахнутые розовые двери. «Романтичный джаз-банд» играл хорошо знакомый старый «Вальс судьбы». Вопреки своему наименованию, оркестрик этот никогда не исполнял джазовой музыки, мистер Дуайр ее не жаловал, так же как всяческих новомодных танцев, что возникали и исчезали в последние годы.

Джайв, рок-н-ролл, твист и прочие изобретения встречали твердый отпор со стороны мистера Дуайра, убежденного, что в танцзале все должно быть в высшей степени прилично и благородно. В «Романтичном джаз-банде» играли три музыканта: мистер Мэлони, мистер Суэнтон, а ударником — Дэно Райан. Это были немолодые люди, музыканты-любители, приехавшие из города в машине мистера Мэлони; один из них работал на фабрике мясных консервов, другой — в Управлении энергоснабжения, а третий состоял на службе в Совете графства.

— Как живешь, Брайди? — осведомился и Дэно Райан, когда она шла мимо него в раздевалку. Барабаны его сейчас бездействовали, «Вальс судьбы» обходился без них.

— Все в порядке, — отозвалась она. — Ты сам-то здоров? Глаза получше? — В прошлую субботу Дэно пожаловался, что у него вдруг стали слезиться глаза, видать, от какой-то простуды. Начали слезиться с самого утра, и весь день не проходило, никогда с ним такого не было, сказал он, добавив, что вообще за всю свою жизнь и дня ничем не проболел. «Наверное, мне очки нужны», — заключил Дэно, и, входя в раздевалку, Брайди представила себе, как он в очках чинит дорогу — в Совете графства он служил рабочим-ремонтником. Где же это видано, чтобы дорожный рабочий носил очки, размышляла Брайди, может, и глаза у него стали болеть из-за пыли, от нее на такой работе не укроешься.

— Как дела, Брайди? — окликнула ее девушка по имени Эйни Макки, она была совсем юная, лишь в прошлом году окончила монастырскую школу.

— Какое у тебя платье чудесное! — сказала Брайди. — Это что, нейлон?

— Это трайсел. Гладить не надо.

Брайди сняла пальто и повесила его на крючок. В раздевалке была маленькая раковина с краном, над ней висело потускневшее овальное зеркало. На бетонном полу валялись клочки ваты, смятые бумажные салфетки, окурки. В углу зелеными деревянными панелями была огорожена туалетная кабинка.

— Потрясно выглядишь, Брайди! — заметила Мэдж Даудинг, дожидавшаяся очереди к зеркалу. Подойдя к нему вплотную, она сняла очки и принялась старательно красить ресницы. Пока, близоруко щурясь и напевая, она вглядывалась в свое отражение, другие девушки нетерпеливо топтались рядом.

— Да не копайся ты, Мэдж, бога ради! — крикнула Эйни Макки. — Что нам, всю ночь тут торчать?

Одна лишь Мэдж Даудинг была здесь постарше Брайди. Ей стукнуло уже тридцать девять, хотя обычно она свой возраст скрывала. Девушки пересмеивались за ее спиной, все были согласны, что Мэдж Даудинг пора уже примириться со своей участью — в ее-то годы, подслеповата, кожа скверная — и перестать бегать за мужчинами. Это просто смешно. Да и кому она может понравиться? Уж лучше бы Мэдж Даудинг занималась по субботам добрыми делами, канонику О'Коннелу вечно требуется помощь!

— Что, здесь этот мужик? — спросила Мэдж, отойдя от зеркала. — Ну этот, длиннорукий? Кто-нибудь видел его?

— Он с Кэт Болджер танцует, — отозвалась одна. — Приклеилась к нему насмерть.

— Роскошный мальчик! — вставила Патти Бирнс, и все захохотали, поскольку человека, о котором шла речь, вряд ли можно было назвать мальчиком, ему было, наверное, за пятьдесят, этому холостяку, лишь изредка приезжавшему в танцзал.

Мэдж Даудинг мигом выскочила из раздевалки, не потрудившись скрыть своей тревоги по поводу общения Кэт Болджер с длинноруким холостяком. На щеках ее вспыхнули два красных пятна, она в спешке споткнулась, и снова раздался дружный хохот. Девушка помоложе обязательно изобразила бы равнодушие. Брайди болтала с соседками, ожидая очереди к зеркалу. Кое-кто, чтобы не задерживаться, обходился зеркальцем в своей пудренице. Потом по двое, по трое, реже в одиночку вступали в зал и рассаживались на деревянных стульях с прямыми спинками, поставленных в ряд в одном конце зала; здесь они ожидали приглашения на

танец. Мистер Мэлони, мистер Суэнтон и Дэнно Райан заиграли «Луну в пору жатвы», затем «Кто же теперь целует ее» и «Я буду рядом с тобой».

Брайди пригласили на танец. Отец, наверное, уже задремал у очага; потихоньку мурлычет приемник, настроенный на «Радио Эйре». Отец прослушал передачи «Вера и порядок», «Ищем таланты». Ковбойский роман Джека Мэталла «Три быстрых всадника» соскользнул с его единственного колена на плиточный пол. Скоро он проснется, внезапно, резко вздрогнув, как это бывает каждый вечер, и забыв, какой нынче день, удивится, что ее нет рядом: обычно она сидит тут же у стола, чинит одежду или моет яйца.

— Пора слушать известия? — автоматически спрашивает он.

Под хрустальным плафоном плавал туман из пыли и папиросного дыма, зал гудел от топота множества ног, визга и хохота девушек — за неимением кавалера кое-кто танцевал друг с дружкой. Музыка гремела, оркестранты снимали пиджаки. В быстром темпе они сыграли несколько мелодий из «Большой ярмарки» и более романтично «Все это так просто...». В стремительном темпе прозвучал «Пол Джонс» для танца с обменом партнерами, и Брайди оказалась в паре с юнцом, поведавшим, что он копит деньги и собирается эмигрировать, потому что в Ирландии, по его мнению, все идет к концу.

— Я у дяди живу, на холмах, — говорил он, — вкалываю по четырнадцать часов в сутки, разве это жизнь для молодого парня? — Брайди знала его дядю, каменистое поле которого отделяла от отцовского лишь одна ферма. — Все кишки надорвал, вкалывая на него, — бубнил парень. — Ну скажи мне, Брайди, есть в этом смысл?

В десять часов в зале поднялась кутерьма: появились три пожилых холостяка, они прикатили на велосипедах прямо из пивной Кэри. Холостяки приветствовали танцующих громкими возгласами и свистом. От них несло крепким портером, виски и потом.

Каждую субботу они прибывали сюда точно в этот час;

мистер Дуайр, продав им билеты, сложил карточный столик и запер вечернюю выручку в жестяную коробку: больше никто в танцзал не пожалует.

— Как делишки, Брайди? — осведомился один из холостяков, прозванный Выпивохой Игеном. Второй, Тим Дэли, справился о том же у Патти Бирн. — Потанцуем? — предложил Мэдж Даудинг Пучеглазый Хорган, тут же прижавшись своим синим пиджаком к ее тонкому платью. А Брайди пошла с Выпивохой Игеном, который сообщил, что она сегодня исключительно хорошо выглядит.

Никогда эти холостяки не женятся, считали девушки, посещавшие танцзал. Они и так уже повенчаны — с портером и виски, с собственной ленью, со старыми мамами, засевшими там, на холмах, на своих фермах. Длиннорукий танцор не пил, но во всем остальном ничуть от них не отличался: и у него был тот же безнадежно холостяцкий облик, нечто такое чувствовалось в физиономии.

— Здорово! — бормотал Выпивоха Иген, выделявая сложные путаные па на свой собственный нетрезвый манер. — Здорово пляшешь, Брайди, детка!

— Ты что это делаешь? — прорезался сквозь музыку визгливый голос Мэдж Даудинг. Пучеглазый Хорган сунул два пальца за вырез ее платья на спине и теперь изображал, будто они попали туда случайно. Смутная ухмылка блуждала по его широкому, красному, потному лицу, выпученные глаза — из-за них он и получил свое прозвище — налились кровью.

— С этим типом надо поаккуратней! — выкрикнул Выпивоха Иген, хохоча так, что брызги летели Брайди в лицо. Эйни Макки, танцевавшая поблизости, тоже засмеялась и подмигнула Брайди. Дэно Райан положил свои палочки и запел. «О, как я томлюсь по нежным твоим поцелуям, — выводил он негромко и с чувством, — как я хочу тебя обнять...»

Никто в зале не знал имени длиннорукого. Единственной фразой, которую он произносил в этом зале, было приглашение на танец. Это был застенчивый человек, и если он не

танцевал, то всегда стоял один в сторонке. А потом уезжал на велосипеде, ни с кем не попрощавшись.

— Кэт сегодня заставит попрыгать этого дяденьку! — сказал Тим Дэли, танцуя с Патти Бирн; живость, с которой Кэт отплясывала вальс и фокстрот, была всеми замечена.

— «Я думаю лишь о тебе, — пел Дэно Райан, — я только хочу, я только хочу, чтобы ты была рядом...»

Дэно Райан, вот он, пожалуй, подошел бы, часто думала Брайди, он не похож на других холостяков; какой-то он одинокий, словно устал жить сам по себе. Эта мысль, что Дэно Райан подошел бы ей, возникала у Брайди каждую субботу, да и на неделе она продолжала об этом размышлять. Дэно Райан подошел бы, потому что — Брайди это чувствовала — согласился бы поселиться на ферме вместе с ее отцом-инвалидом. Жить втроем не дороже, чем вдвоем, а что до самого Дэно Райана, то хоть он и потеряет жалование дорожного рабочего, зато выгадает на плате за квартиру. Однажды после танцев Брайди придумала, будто проколота шина на заднем колесе ее велосипеда, и Дэно возился с колесом, пока мистер Мэлони и мистер Суэнтон ждали его в машине. Он подкачал шину автомобильным насосом и сказал, надо полагать, она продержится.

Всем в танцзале было известно, что Брайди питает сильные надежды по поводу Дэно Райана. Однако известно было и то, что Дэно Райан прочно утвердился в своей колее, в том образе жизни, что ведет уже несколько лет. Он квартировал у вдовы, миссис Гриффин, которая жила со своим умственно отсталым сыном в коттедже на окраине. Говорили, что Дэно добр к больному мальчику, приносит ему сласти и катает на раме велосипеда. Часа два в неделю Дэно проводил в церкви Пресвятой Богородицы, он хранил неизменную верность своему работодателю мистеру Дуайру. Дэно выступал еще в двух сельских танцзалах мистера Дуайра и отказывался от приглашений играть в городском, более шикарном зале, хотя тот был близко, да и платили там побольше. Но ведь мистер Дуайр открыл Дэно Райана, и Дэно никогда этого не забывал, как, впрочем, и мистер Мэлони с мистером

Суэнтоном, — они тоже были открыты мистером Дуайром.

— Может, возьмем лимонаду, — предложил Выпивоха Иген, — и пачку печенья, а, Брайди?

В «Романтике» никогда не торговали спиртным, поскольку зал не имел лицензии на его продажу: возбуждающие средства здесь не требовались. Мистер Дуайр сознательно не выставлял лицензий для своих танцевальных заведений, будучи убежден, что романтика и алкоголь — товары несовместимые, тем более в приличном и благородном танцзале. Позади стульев, где сидели девушки, толстенная миссис Дуайр обслуживала желающих лимонадом в бутылках с соломинками, печеньем и хрустящими хлебцами. Торгуя, она говорила без умолку, главным образом о своих индюшках. Однажды она призналась Брайди, что индюшки для нее — все равно что дети.

— Спасибо, — сказала Брайди, и Выпивоха Иген подвел ее к буфетному столу на козлах. Скоро объявят перерыв, и трое музыкантов тоже придут сюда подкрепиться. Брайди стала придумывать, что она спросит у Дэно Райана.

Когда Брайди только еще появилась в «Романтике» — ей в ту пору было шестнадцать, — Дэно Райан (он старше ее года на четыре) был уже там и уже играл на барабанах в оркестре мистера Дуайра. В то время она едва замечала его — ведь он не танцевал и казался просто принадлежностью танцзала, наподобие стола на козлах, корзин с лимонадом и самого мистера Дуайра с супругой. Молодые люди в синих выходных костюмах, танцевавшие с Брайди, стали постепенно исчезать — кто осел в городе, кто перебрался в Дублин или уехал в Англию, и оставались лишь те, кому суждено было стать позднее пожилыми холостяками с холмов. В то время она была влюблена в одного юношу — Патрика Грейди. Шла неделя за неделей, и каждый раз, возвращаясь из танцзала «Романтика», Брайди уносила с собой этот образ: бледное узкое лицо под шапкой черных волос. Танцую с Патриком Грейди, она чувствовала себя как-то необыкновенно и догадывалась, что то же самое происходит и с ним, хотя он ни разу в этом не признался. Она

мечтала о нем по ночам, да и днем тоже, помогая матери на кухне и отцу в коровнике. Текла неделя за неделей, и она подкатывала на велосипеде к танцзалу «Романтика», издалика улыбаясь его розовому фасаду, и шла танцевать в объятиях Патрика Грейди. Сколько раз стояли они рядом, потягивая через соломинку лимонад, стояли безмолвно, не зная, как заговорить. Брайди чувствовала, что и он любит ее, и верила: настанет день, и он уведет ее из романтического полумрака танцзала, от всего этого розового и голубого, от матового свечения хрустального плафона, от этой музыки. Верила: он уведет ее на яркий солнечный свет, в город, в церковь Пресвятой Богородицы, к венцу, к улыбающимся лицам. Но другая заполучила Патрика Грейди — городская девчонка, никогда не танцевавшая в придорожном зале. В один момент она сцапала Патрика Грейди, так что он и оглянуться не успел.

Узнав об этом, Брайди разрыдалась. Много ночей она тихо плакала, лежа в постели в своем деревенском доме, слезы катились по волосам, и от них сырела подушка. Просыпалась ранним утром все с той же неотвязно грызущей думой, которая не оставляла ее весь день, вытеснив прежние мечтания о счастье. Позднее кто-то сказал, что Патрик Грейди уехал с молодой женой в Англию и поселился в Уолверхэмптоне, а Брайди все пыталась представить себе, как он живет в этих чужих, недоступных ее воображению краях, работает на фабрике, обзаводится детьми, приобретает тамошний выговор. Без него танцзал «Романтика» стал для Брайди совсем другим, долгие годы никто больше не привлекал ее внимания, никто не предлагал замужества, и Брайди стала замечать, что все чаще задумывается о Дэно Райане. Уж если нет любви, то был бы человек порядочный.

Выпивоху Игена вряд ли можно отнести к таковым, да и Тима Дэли тоже. И каждому ясно, что Кэт Болджер и Мэдж Даудинг только зря тратят время на длиннорукого кавалера. Весь зал давно уже потешался над Мэдж, наблюдая, как она бегаёт за холостяками, а если Кэт Болджер не опомнится вовремя, то и с ней будет то же самое.

Да и вообще ничего не стоит оказаться здесь предметом насмешек, и вовсе не обязательно для этого быть перестарком, как Мэдж Даудинг; совсем молоденькая девчонка, только что из монастырской школы, спросила однажды у Пучеглазого Хоргана, что это он носит в кармане брюк, а тот ответил: перочинный ножик. И после в раздевалке она рассказала, что попросила Пучеглазого Хоргана не прижиматься так сильно во время танца, а то его перочинный ножик торчит и колется.

— Иисусе, ну и младенец! — в восторге завопила Патти Бирн, и тут же поднялся общий хохот, все знали, что Пучеглазый Хорган только за этим и таскается на танцы. Какая девушка на него польстится?

— Два лимонада, миссис Дуайр, — сказал Выпивоха Иген, — и две пачки «Кэрри кримс». Так, Брайди?

Брайди улыбнулась и подтвердила: «Кэрри кримс» — это очень вкусно.

— Какая же ты сегодня нарядная, Брайди, — заметила миссис Дуайр. — Правда, красный цвет ей к лицу?

Мистер Дуайр стоял у дверей и покуривал, зажав сигарету в левом кулаке. Маленькие его глазки зорко следили за происходящим. От него не укрылось беспокойство Мэдж Даудинг, которой Пучеглазый Хорган сунул два пальца под вырез платья. Он отвел взгляд в сторону, предпочтя не раздувать инцидента, но, если понадобится, у него будет особый разговор с Пучеглазым Хорганом, что уже не раз бывало. Конечно, нередко молодые парни слишком тесно прижимаются к своим столь же юным дамам, а те по неопытности и от смущения не знают, как тут поступить. Но это — рассуждал мистер Дуайр — совсем иной коленкор, потому что они пареньки порядочные и вскоре начинают ухаживать за девушкой серьезно, а там, глядишь, и оказываются, подобно ему самому и миссис Дуайр, в прочном супружестве, с общим домом и общей постелью. А вот за пожилыми холостяками нужен глаз да глаз, они мчатся сюда со своих холмов, как горные козлы, освободившись на вечер от своих престарелых мамаш, от запахов скота, земли и на-

воза. Мистер Дуайр продолжал наблюдать за Пучеглазым Хорганом: не слишком ли он набрался?

Дэно Райан допел свою песенку, мистер Суэнтон отложил кларнет, мистер Мэлони встал из-за фортепиано, и вся тройца неспешно двинулась к буфетному столу, где торговала миссис Дуайр.

— До чего же у тебя ноги мировые! — шептал Пучеглазый Хорган Мэдж Даудинг, но ее внимание было приковано к длиннорукому, который, оставив Кэт Болджер, направился в сторону мужской уборной. К буфету он никогда не подходил. Мэдж двинулась туда же, чтобы занять позицию перед дверью, Пучеглазый последовал за ней. — Хочешь лимонаду, Мэдж? — У него есть при себе бутылочка виски, если они встанут в уголок, можно будет добавить в лимонад каплю-другую.

— Я в рот не беру спиртного, забыл ты, что ли? — отчеканила Мэдж, и Хорган отстал.

— Извини, я отойду на минутку, — сказал Выпивоха Иген, поставив на стол свою бутылку лимонада. Он пересек зал и скрылся в уборной. Брайди знала: и у него с собой бутылочка виски. Она видела, как Дэно Райан, остановившись посреди зала, наклонив голову набок, слушает какую-то байку, что рассказывает мистер Мэлони. Дэно Райан был крупным, крепко сбитым человеком с черными волосами, чуть тронутыми сединой, с тяжелыми ладонями. Он посмеялся, когда мистер Мэлони окончил свою историю, и наклонил голову в другую сторону, готовясь выслушать историю мистера Суэнтона.

— Ты одна, Брайди? — спросила, подойдя, Кэт Болджер, и Брайди ответила, что ждет Выпивоху Игена. — Выпью-ка я, пожалуй, лимонаду, — сказала Кэт.

Парни и девушки, те, что помоложе, стояли, все еще не разомкнув рук, в очереди к буфету, те, кто совсем не танцевал по неумению и робости, толпились группками у стен, курили и отпускали шуточки. Девушки, которых еще не приглашали, оживленно беседовали друг с другом, тянули через соломинку лимонад, беспокойно шаря глазами по залу.

Брайди не спускала глаз с Дэно Райана — представляла, как он, надев очки, о которых упомянул раньше, пристроился на кухне их деревенского дома и читает какой-нибудь отцовский роман о Диком Западе. Вот они втроем сидят за ужином, что она приготовила: на столе яичница с ветчиной, картофельные оладьи, хлеб с маслом и джемом, хлеб двух сортов — домашней выпечки и из магазина. По утрам Дэно выходит из кухни и отправляется в поле на прополку свеклы, и отец ковыляет вслед, и оба работают рядом. Потом представила сенокос: Дэно идет с косой — за эти годы самой Брайди пришлось выучиться этому делу, — отец старательно орудует граблями. И себя она увидела в этих картинках, ведь если в хозяйстве появится еще один работник, она сможет наконец заняться делами, до которых руки не доходят. Тюлевые занавески в спальне надо починить, кое-где поотставали обои, надо их подклеить мучным клеем. Давно пора побелить кладовку.

В тот вечер, когда Дэно Райан подкачивал шину велосипеда, Брайди показалось, что он вот-вот поцелует ее. Было темно, он низко пригнулся над колесом и, приложив ухо к резине, послушал, не выходит ли воздух. Потом выпрямился и заметил, что все как будто в порядке. Лицо Дэно было совсем близко, и Брайди улыбнулась ему. И надо же, именно в этот момент мистер Мэлони нетерпеливо нажал на клаксон своего автомобиля.

А вот Выпивоха Иген целовал Брайди частенько: в те вечера, когда ему удавалось навязаться ей в провожатые, проехать рядом часть дороги домой. Перед крутым подъемом они слезали с машин; провожая Брайди в первый раз, Иген нарочно споткнулся и налетел на нее, схватив за плечо, чтобы удержаться на ногах. И тут же она ощутила на своем лице его влажные губы, услышала громоханье его велосипеда по каменистой дороге. Переведя дух, Иген предложил ей посидеть в поле.

Было это девять лет тому назад. С тех пор, при сходных обстоятельствах, Брайди иногда целовали и Тим Дэли, и Пучеглазый Хорган. С каждым из них она иногда соглаша-

лась посидеть в поле, позволяла обнимать себя, слушала их тяжелое, шумное дыхание. Бывали моменты, когда она пыталась представить себя женой кого-либо из них, представить кого-то из них на ферме, рядом с отцом, хотя и понимала всю призрачность этих фантазий.

Брайди стояла с Кэт Болджер; ясно, что Выпивоха Иген не так скоро вынырнет из уборной. И тут к ним приблизились мистер Мэлони, мистер Суэнтон и Дэно Райан, и мистер Мэлони вызвался принести из буфета три бутылки лимонада.

— Ты очень красиво спел последнюю вещь, — сказала Брайди Дэно Райану, — и песенка сама очень красивая, правда? — Мистер Суэнтон заявил, что лучшей песни он никогда не слышал, Кэт Болджер не согласилась: лично она предпочитает «Дэнни-бой», по ее мнению, это лучшая песня на свете.

— Извольте! — произнес мистер Мэлони, вручая по бутылке лимонада мистеру Суэнтону и Дэно Райану. — А как себя чувствует сегодня наша Брайди? Отец здоров, Брайди?

Брайди ответила, что у отца все в порядке.

— Говорят, скоро откроется цементная фабрика, — сказал мистер Мэлони. — Кто-нибудь слышал об этом? Вроде бы обнаружили залежи какого-то сырья, из него получается хороший цемент. На глубине девяти футов, где-то рядом с Килмалофом.

— Значит, появится работа, — объявил мистер Суэнтон. — Работа для всех, вот что здесь совершенно необходимо.

— Об этом рассказывал каноник О'Коннел, — продолжал мистер Мэлони. — Деньги вкладывают янки.

— Сюда приедут янки? — заинтересовалась Кэт Болджер. — Они сами поведут дело?

Мистер Мэлони, занявшись своим лимонадом, не услышал вопроса, а Кэт Болджер его не повторила.

— Знаешь, есть такое средство, опторекс называется, — вполголоса проговорила Брайди, повернувшись к Дэно Райану, — отец им лечился, когда застудил глаза. Может быть, тебе попробовать опторекс, чтоб глаза не слезились?

— Да ладно, что там, не так уж это мне мешает.

— Нет-нет, это скверное дело, если глаза не в порядке. Этим не шутят. Ты зайди в аптеку, Дэно, и купи опторекс. К нему дают и рюмочку, чтобы промывать глаза.

Такая же история случилась у отца: глаза у него покраснели, даже неприятно было смотреть. Она тогда съездила в городскую амбулаторию Риордана и объяснила, в чем дело, и мистер Риордан посоветовал опторекс. Все это она сообщила Дэно Райану, добавив, что с тех пор отец на глаза совсем не жалуется. Дэно Райан выслушал ее и молча кивнул.

— А вам говорили, миссис Дуайр, про цементную фабрику в Килмолофе? — спросил мистер Мэлони.

Миссис Дуайр, собиравшая в корзину пустые бутылки, утвердительно наклонила голову.

— Да, — отвечала она, — разговоры о цементной фабрике идут, это просто замечательная новость, давно такой не было.

— Килмолоф сам себя не узнает, — примкнул к обсуждению ее муж и тоже начал собирать пустые бутылки.

— Да, дела здесь поправятся, это уж бесспорно, — снова подал голос мистер Суэнтон, — я только что говорил, Джастин, на этом самом месте, что нам прежде всего нужны рабочие места, чтобы на всех хватало.

— А что же янки, разве они... — снова начала Кэт Болджер, но мистер Мэлони прервал ее:

— Что касается янки, Кэт, то они будут лишь заправлять делом на самом верху, а может, и вообще только вложат капитал.

— Янки тебе не изловить! — хохотнул мистер Суэнтон. — Эти субчики быстро бегают!

— Мало тебе отечественных холостяков? — добавил мистер Мэлони. Он тоже фыркнул и, выбросив соломинку, опрокинул в рот бутылку с остатками лимонада. Кэт Болджер сказала, чтобы он оставил свои советы при себе. Она подошла к мужской уборной и заняла позицию перед дверью, не обменявшись ни словом с Мэдж Даудинг, все еще там стоявшей.

— Ты приглядывай за Пучеглазым Хорганом, — предуп-

редила мужа миссис Дуайр, об этом она предупреждала его каждую субботу в один и тот же час, зная, что Хорган пьет виски в уборной. В пьяном виде он становился самым неуправляемым из всех холостяков.

— Послушай, Дэно, а ведь у меня осталось немножко этого опторекса, — тихо промолвила Брайди. — Если хочешь, я принесу тебе в следующую субботу. Ну, этого средства для глаз...

— Ах, да не хлопочи ты, Брайди!..

— Какие же хлопоты? Честное слово...

— Миссис Гриффин записала меня на проверку к доктору Криди. Вообще-то мои старые гляделки совсем меня не беспокоят, только когда газету читаю или в кино. Миссис Гриффин говорит, я их напрягаю, потому что не ношу очков.

Произнося эти слова, Дэно смотрел в сторону, и Брайди внезапно поняла, что миссис Гриффин решила женить его на себе. Брайди поняла это безошибочно, инстинктивно — миссис Гриффин намерена выйти замуж за Дэно Райана, потому что, если он съедет, женившись на другой, трудно ей будет найти жильца, который так относился бы к ее ненормальному сыну. Дэно станет отцом ненормальному сыну миссис Гриффин, к которому и сейчас добр. Это так понятно, ведь все шансы у миссис Гриффин, она его видит каждое утро и каждый вечер, а не довольствуется субботними встречами в танцзале.

Брайди подумала о Патрике Грейди, снова увидела перед собой его бледное узкое лицо. Сейчас она могла бы уже стать матерью четверых его детей, а может быть и семи-восьми. Она могла бы жить в Уолверхэмптоне, по вечерам ходить в кино, вместо того чтобы сидеть на ферме и ухаживать за увечным стариком. Если бы не жестокие обстоятельства, не стояла бы она сейчас в сельском танцзале, оплакивая женитьбу дорожного рабочего, которого и не любит вовсе. На миг ей показалось, она и вправду сейчас расплатится от этих нахлынувших мыслей о Патрике Грейди, что живет теперь в Уолверхэмптоне. Слезам не было места в ее жизни на ферме — ни дома, ни в поле. Слезы были бы роскошью, как

цветы на посевах свеклы, как свежая побелка в кладовке. Плакать в кухне, когда отец сидит рядом и слушает передачу «Ищем таланты», было бы нечестно, несправедливо по отношению к нему: он, безногий, имел куда больше права на слезы. Страдания его серьезнее, а между тем он все так же добр к Брайди, так же тревожится за нее.

Здесь, в танцзале «Романтика», она чувствовала, как подступают к глазам слезы, которым негоже было бы дать волю в присутствии отца. И ей хотелось дать им волю, чтобы они струились по щекам, хотелось, чтобы ей сострадали: и Дэно Райан, и все, кто ее окружал сейчас. Хотелось, чтобы все стояли вокруг нее и слушали, и рассказывать им — про Патрика Грейди, что живет теперь в Уолверхэмптоне, про то, как умерла мать и как идет с тех пор собственная ее жизнь. Хотелось, чтобы Дэно Райан обнял ее за плечи и чтобы она могла прильнуть головой к его руке. Чтобы он глядел ей в лицо, по-хорошему, как он умеет, и гладил ее ладони своими загрубелыми пальцами дорожного рабочего. Она могла бы проснуться в кровати рядом с ним и на миг вообразить, что это — Патрик Грейди. Могла бы промывать ему глаза и верить, что любит его.

— Ну, за дело! — скомандовал мистер Мэлони и повел своих музыкантов к инструментам.

— Передай отцу, что я о нем справлялся, — сказал, отходя, Дэно Райан. Брайди улыбнулась ему и пообещала, словно ничего и не случилось, что обязательно передаст.

Она танцевала с Тимом Дэли, потом снова с парнем, который собирался эмигрировать. Видела, как стремительно кинулась Мэдж Даудинг к вышедшему из уборной длиннорукому, перехватив его у Кэт Болджер. Кэт пригласил Пучеглазый Хорган и, танцуя, стал уговаривать, чтобы она разрешила ему проехать часть пути вместе. До него явно не доходило, что Кэт Болджер сейчас сненадема ревностью к Мэдж Даудинг, танцевавшей с длинноруким своим кавалером — они выделявали па квикстепа. Кэт было уже тоже далеко за тридцать.

— Ну-ка, малый, катись отсюда! — заявил Выпивоха

Иген, вклиниваясь между Брайди и ее молодым партнером. — Ступай домой к мамочке! — И он обхватил Брайди, продолжая твердить, что она сегодня выглядит просто мирово. — Слыхала про цементную фабрику? — тоже спросил он. — Вот повезло Килмолофу, а?

Брайди была с этим согласна. Повторяя слова мистера Мэлони и мистера Суэнтонна, она сказала, что цементная фабрика даст работу жителям всей округи.

— Можно я с тобой сегодня немного проеду, а, Брайди? — искательно осведомился Выпивоха Иген, но она предпочла не расслышать вопроса.

— Ну же, Брайди, разве ты не моя подружка, ведь ты всегда была моей подружкой! — продолжал Иген, но и на это, совсем уж несуразное, заявление она ничего не ответила.

Настойчивый шепот его все звучал рядом: что он женился бы на ней хоть завтра, да только мать не желает другой женщины в доме. Брайди сама знает, напомнил он, каково это — заботиться о престарелых родителях, на помойку их не выбросишь, чти отца и мать своих, правильно я говорю?..

Брайди шла в танце под «Звон колоколов», двигалась в лад с Выпивохой Игеном и через его плечо смотрела, как Дэно Райан выбивает легкую дробь на маленьком барабане. Да, миссис Гриффин заполучит его, хоть ей уже под пятьдесят, хоть там и поглядеть не на что: расплывшаяся тетка с толстыми руками и ногами. Миссис Гриффин сцапала Дэно, как та девчонка сцапала когда-то Патрика Грейди.

Музыка умолкла, но Выпивоха Иген все не отпускал Брайди, пытаясь прикоснуться лицом к ее лицу. Народ вокруг них свистел и хлопал в ладоши — танцевальный вечер подходил к концу. Брайди пошла прочь от Выпивохи Игена, уже твердо зная, что никогда больше не танцевать ей в зале «Романтика». Что смехотворны ее старания окрутить пожилого дядю, работающего на ремонте дорог в Совете графства, и сама она так же смешна, как Мэдж Даудинг, переплясавшая свое время.

— Жду тебя снаружи, Кэт! — крикнул Пучеглазый Хорган, закурив и двинувшись к выходу.

Длиннорукий (говорили, что руки у него вытянулись потому, что он вечно таскает камни со своего участка) уже уехал. И все прочие быстро выбирались на площадку. Мистер Дуайр расставлял по местам стулья.

В раздевалке девушки накидывали пальто и условливались встретиться завтра на мессе. Мэдж Даудинг куда-то спешила.

— У тебя все о'кей, Брайди? — спросила Патти Бирн, и Брайди подтвердила: да, все о'кей. С ласковой усмешкой она глядела на молоденькую Патти Бирн: неужто наступит когда-нибудь день и она тоже станет посмешищем в сельском танцзале?

— Ну, доброй всем н о ч и , — произнесла Брайди, выходя из раздевалки, и девушки, все еще стрекотавшие там, тоже пожелали ей доброй ночи. Брайди немного задержалась в зале. Мистер Дуайр наводил порядок: протирал и ставил в ряд стулья, собирал пустые бутылки. Жена его мела пол.

— Доброй тебе ночи, Брайди! — сказал мистер Дуайр. И жена его повторила:

— Доброй тебе ночи!

Чтобы стало виднее, Дуайры включили лишние лампочки. В резком свете голубые стены выглядели грязновато: в жирных пятнах там, где мужчины прислонялись к стене напомаженными головами, с нацарапанными именами и инициалами, с изображениями пронзенных стрелой сердец. В беспощадном этом свете тонуло слабенькое свечение хрустального плафона — оказалось, что по всему плафону идут обычно невидимые трещины.

— И вам доброй н о ч и , — сказала Брайди супругам Дуайр. Потом прошла через розовые двери и спустилась по трем бетонным ступенькам на усыпанную гравием площадку. Еще толпились люди, беседовали, разбившись на группки, стояли у своих велосипедов. Брайди увидела, что Мэдж Даудинг уезжает вместе с Тимом Дэли. Молодой парень отъехал, усадив подругу на раму велосипеда. Зачихали автомобильные моторы.

— Доброй ночи, Брайди! — бросил ей Дэно Райан.

— Доброй ночи, Дэно! — ответила она.

И зашагала по гравию к своему велосипеду. Где-то позади раздавался голос мистера Мэлони, все повторявшего, что с какой стороны ни взгляни, а цементная фабрика — великое дело для Килмолофа. Она услышала, как громко хлопнула дверца машины, и поняла, что это машина мистера Мэлони, потому что мистер Суэнтон, усевшись, всегда очень громко хлопал дверцей. Пока Брайди шла к велосипеду, дверцы стукнули еще дважды, потом раздалось тарахтенье мотора и зажглись фары. Брайди потрогала обе шины, проверяя, нет ли прокола. Машина мистера Мэлони со скрежетом пересекла гравий, выехала на дорогу и покатила бесшумно.

— Доброй ночи, Брайди! — прозвучал чей-то голос в темноте, и она ответила, подталкивая велосипед к дороге.

— Можно я проеду с тобой немного? — спросил Выпивоха Иген.

Они покатали рядом, а когда добрались до подъема, где надо было слезать с машин, Брайди обернулась назад, на далекие уже огни четырех разноцветных ламп, украшающих фасад танцзала «Романтика». Они стали гаснуть у нее на глазах одна за другой; Брайди представила себе мистера Дуайра, который запирает на два висячих замка решетку перед входом в свое заведение. А жена, наверное, уже сидит в машине на переднем сиденье и держит в руках жестяную коробку с вырубкой.

— Послушай, что скажу, Брайди, — начал Выпивоха Иген. — Ты сегодня выглядишь — ну просто блеск! — Он вытащил из кармана свою бутылочку виски. Вынул пробку, приложился и предложил выпить Брайди. Она взяла и отпила глоток. — Действительно, почему бы тебе не выпить! — проговорил несколько удивленный Иген: она еще никогда не пила в его компании. Вкус виски показался Брайди неприятным, раньше она пробовала его лишь дважды, как средство от зубной боли, ей и тогда не понравилось. — Да какой тебе от этого вред? — продолжал Выпивоха Иген, видя, что Брайди снова подняла бутылочку ко рту. Впрочем,

бутылочку он тут же перехватил, испугавшись, как бы Брайди не выпила и его долю.

Брайди смотрела на Игена: он тянул из горла куда более умело. Никогда он не бросит пить, думала Брайди. Так и останется лентяем, будет бездельничать на кухне с «Айриш пресс» на коленях. Ухнет все их сбережения на подержанную машину для того только, чтобы объезжать городские пивнушки по ярмарочным дням.

— Она нынче сильно сдала, — говорил тем временем Иген, это относилось к его матери. — Больше двух лет не протянет, я так полагаю. — Он швырнул в канаву пустую бутылку и зажег сигарету. Потом сказал: — Ее не станет, Брайди, и я продам эту проклятую ферму со всеми потрохами. Все продам к черту, и свиней, и рухлядь. — Помолчал, поднес сигарету ко рту, затянулся. — А монеты, что выручу от продажи, я мог бы, слышь, Брайди, вложить в другое хозяйство.

Они дошли до калитки в ограде, тянущейся вдоль поля с левой стороны, и машинально прислонили к ней велосипеды: Иген перелез через калитку, и Брайди за ним.

— Посидим тут, Брайди? — спросил он, как будто идея эта лишь сию минуту пришла ему в голову, будто они залезли на чужое поле с какой-либо иной целью. — Мы могли бы вложить эти денежки в твое хозяйство, как думаешь, Брайди? — И правой рукой он обнял ее за плечи. — Поцелуемся? — Он целовал ее, больно прикусив зубами. Умрет его мать, он продаст ферму и тут же растратит все деньги в городе. И только тогда надумает жениться — ведь понадобятся ему домашний очаг и женщина, чтобы стряпала пищу. Иген поцеловал ее снова, губы у него были жаркие, потные щеки липли к ее лицу. — Иисусе, ну и здорово ты целуешься! — пробормотал он.

Брайди поднялась и сказала, что ей пора домой, и они снова перелезли через калитку.

— Лучше субботы ничего нет! — с чувством произнес Выпивоха Иген. — Доброй тебе ночи, Брайди!

Он взобрался на велосипед и покатил вниз с холма,

а Брайди еще некоторое время вела свою машину в гору, потом тоже поехала. Сквозь ночную темь катила она дорогой, по которой проезжала каждую субботу, год за годом, и по которой больше никогда уже не поедет, ибо вышел ее срок и наступил тот самый возраст. Теперь ей остается только одно — ожидание: придет день, и к ней заявится Выпивоха Иген, потому что у него умерла мать. Отца Брайди к тому времени тоже, наверное, уже не будет в живых. И Брайди станет женой Выпивохи Игена, потому что жить на ферме совсем одной очень одиноко.

Сложный характер

На званом вечере Атридж ненароком подслушал, как одна дама, некто миссис де Пол, сказала, что побаивается его. «До чего ж ядовитый язык! — воскликнула она. — Прямо змея».

Что правда, то правда, признался Атридж без всякого раскаянья, только слово «язвительный», по его мнению, подошло бы тут больше, чем «ядовитый». Ничего не поделаешь, если он с беспощадной ясностью видит пороки окружающих и не особенно интересуется их достоинствами.

Однако беспощаден он не только к другим: на свои недостатки он тоже не закрывает глаза, собственные же достоинства кажутся ему скучнее скучного. Он, к примеру, предупредителен и щедр с теми, кого выбрал в друзья, но иначе и быть не может. Он во всем чистоплотен, но какая уж тут личная заслуга, если это черта характера. Он следит за одеждой, он человек культурный — любит Веласкеса, без ума от оперы, особенно от опер Вагнера. Тут, правда, есть чем гордиться — хороший вкус он выпестовал в себе сам.

Атриджу стукнуло пятьдесят, у него были седые волосы, он носил очки в изящной бесцветной оправе и, поскольку с возрастом лицо у него стало чуть более полное и розовое, чем хотелось бы, старался худеть: такой порок, как тщеславие, был ему явно не чужд.

Когда-то Атридж попробовал жениться. В 1952 году скончались его родители, отец — в феврале, мать — в ноябре. Единственный ребенок в семье, он всегда жил вместе с ними и, не вынеся одиночества после их смерти — так ему, во всяком случае, тогда казалось, — год спустя женился на некоей Бернис Голдер. Этот горемычный брак просуществовал всего три месяца. «Мерзкий старый сухарь!» — заорала как-то жена во время медового месяца в Сиене, а Атридж подлил масла в огонь, заметив, что пусть мерзкий, пусть сухарь, ладно, но почему это старый? «Ты сроду не был

молодым, — ответила она чуть спокойнее. — С детства — старый сухарь». Ему хотелось объяснить ей, что все это неправда, что просто у него сложный характер. Она и слушать не стала.

Теперь Атридж жил один, вполне безбедно существуя на доходы с акций, доставшихся ему от родителей. У него была квартира на пятом этаже большого дома, он сам себе готовил и гордился обедами, которые устраивал для небольшого круга знакомых. Квартиру он отделал по своему вкусу. Теплые кирпичные тона прихожей, голубой итальянский кафель в ванной, по-мужски строгая спальня. Гостиная же, знал Атридж, давала представление о потаенных качествах его души, том темном и таинственном, чего он и сам толком не знал и о чем лишь мог догадываться. По вощеному дубовому паркету разбросаны египетские коврики — алые, черные, коричневые. Пришлось долго экономить: первый был куплен в 1959 году, и потом Атридж каждый раз ухитрялся откладывать январские и февральские дивиденды Англо-американской телеграфной компании, пока год назад не приобрел последний.

Стены обиты бледно-голубой гессенской тканью — прекрасный фон для четырех крошечных набросков Веласкеса, рисунка Тулуз-Лотрека, рисунка Дега и двух этюдов углем школы Микеланджело. Рядом с софой — тумбочка, подлинный шератон *, стол в стиле эпохи Регентства, позолоченный, с мраморным верхом столешницы (от него Атридж уже почти решил отделаться) и несколько стаффордширских статуэток. В интерьере комнаты чувствовалась драма, отражавшая, как он считал, драматизм потаенных уголков его души, скрытых сторон его сложного характера.

Однажды в конце ноября Атридж сидел в своей гостиной и холодно, резко говорил в трубку кремового телефона: — Я плохой помощник в беде.

Женщина на другом конце провода, миссис Матара, живущая в квартире над ним, казалось, не слушала.

* Стиль мебели, отличающийся прямыми линиями и изяществом пропорций, изобретен Томасом Шератоном (1751—1806).

— Случилось ужасное, — повторила она взволнованно и вдруг, добавив, что сейчас спустится к нему, бросила трубку.

Шел дождь, и хотя была только половина четвертого, на город уже спускались сумерки. Перед тем как раздался звонок, Атридж разглядывал из окна улицу. Он смотрел, как уныло сыплет дождь, как зажигаются в других квартирах окна, как дворник метет у подъезда мокрые листья. Услышав телефон, он подумал, что звонит старая миссис Харкот-Иген, с которой он был дружен. Через пару недель они вместе собирались в Персеполь, и, хотя билеты и номера в гостинице они, конечно же, давно заказали, необходимо было обговорить кое-какие мелочи. Поэтому он крайне удивился, когда к нему обратился по имени чей-то незнакомый голос. С миссис Матара он лишь пару раз раскланивался в лифте — они с мужем всего год назад переехали в этот дом.

— Бога ради, простите меня, — сказала миссис Матара, когда он открыл дверь.

Атридж нехотя пригласил ее войти, и она, зная расположение комнат, поскольку жила в точно такой же квартире, сразу же направилась в гостиную.

— Ужасно не хотелось вас утруждать, только я... я на самом деле ума не приложу, к кому обратиться.

Говорила она торопливо, возбужденно, и он, вздыхая, пошел за ней, решив, что, как только услышит, в чем дело, напомнит ей про дворника, Чемберлена — его для того и держат, чтобы помогал жильцам. Судя по всему, это одна из тех дамочек, которые только и делают, что без конца досаждают соседям. Как это он ее сразу не раскусил, еще при встречах в лифте?

По возрасту, подумал Атридж, она приблизительно его ровесница, маленькая, худенькая, брюнетка, хотя кто ее знает — волосы явно крашеные. Видимо — еврейка, решил он, тогда и экспансивность понятна; да и черты лица явно еврейские, и фамилия иностранная. У ее мужа — они тоже сталкивались в лифте — подслеповатые глаза; скорее всего, сказал себе Атридж, какой-нибудь портной. Выходцы из Австрии, рискнул он предположить, а может быть, из

Польши. По-английски, правда, она говорит бегло, но акцент все же чувствуется. Нет, людишки явно не первый сорт, так ведь евреи редко бывают благородных кровей. Его бывшая жена, к примеру.

Миссис Матара присела на краешек кресла, за которое пятнадцать лет назад он отдал девяносто гиней. Тоже несомненный шератон — высокая спинка, изящные подлокотники, инкрустированные орехом. Кресло, конечно, было перетянуто и обито новой материей — полоска четырех разных оттенков розового.

— У меня в квартире, — сказала она, — произошла страшная, чудовищная вещь.

Видно, погас свет. Не закрывается кран. Засорился мусоропровод. А какую суету подняла его бывшая жена, когда во время медового месяца по собственной глупости сломала электрические бигуди. Ну и вид у нее был с этими пластмассовыми шпатулинами в волосах! Сплошной восторг!

— Я на самом деле ничего не умею чинить, — сказал он. — Для этого, знаете ли, у нас есть Чемберлен.

Она покачала головой. Маленькая, словно птичка, вроде перепелки или хилого воробья. Вот-вот, воробышек, еврейский воробышек, подумал он, довольный своим сравнением. В пальчиках зажат маленький платок. Она подняла его к лицу, промокнула глаза, сначала один, потом другой, и вдруг сказала, что у нее в квартире умер человек.

— О господи!

— Ужасно! — запричитала она. — Боже, до чего ужасно!

Он налил ей бренди из георгианского графина, который три года назад подарила ему к рождеству миссис Харкот-Иген. Она подарила тогда два графина — в знак признательности за его, как она выразилась, доброту во время их поездки на Сицилию. Щедрый дар, если учесть, что графины — фамильная ценность, а он ничего такого и не сделал, разве что читал вслух «Нортенгерское аббатство» Джейн Остен, когда у нее расстроился желудок.

Умер явно не мистер Матара, подумал Атридж. Какая же женщина скажет про мужа «человек»? Видимо, со стремянки

свалился мойщик окон. Атридж ясно представил себе эту стремянку, а на полу под ней — скорченное тело в белом халате. Даже увидел внутренним взором, как миссис Матара наклоняется, чтобы проверить, жив ли мойщик.

— Выпейте-ка, — сказал он и сунул ей в правую руку бокал, молясь, чтобы она его не уронила.

Миссис Матара и не думала его ронять. Выпив бренди, она, к удивлению Атриджа, протянула бокал, требуя добавки.

— Если бы вы только согласились! — воскликнула она, и он, наливая вторую порцию, понял, что, задумавшись о Сицилии и графинах, не слышал, как она о чем-то попросила. — Вы можете сказать, что он ваш приятель.

Этот человек, продолжала она, умер от сердечного приступа. Труп в ее квартире грозит большими неприятностями. У них был роман, который начался пять лет назад. И пошли подробности: они познакомились на вечеринке у каких-то Мортонгов, а он женат, и какой смысл причинять его супруге боль, да и ее собственного мужа не стоит расстраивать, незачем ему все это знать. Она встала и направилась к графину. Этот человек, добавила она, умер в той самой кровати, где они спят с мужем.

— Я бы не пришла к вам — видит бог, никогда бы не пришла, но ведь отчаянное положение. — Голос у нее сделался визгливым. Вот-вот сорвется в истерику. Щеки на скулах от бренди покраснелись. Из глаз полились слезы, но она их больше не вытирала. Они катились и катились по красным пятнам на щеках, размазывая тушь для ресниц и пудру. — Я просидела рядом с ним целую вечность, — сказала она, — так мне, во всяком случае, показалось. Сидела и смотрела на него. Мы оба были совсем голые.

— О господи!

— Но я ничего не чувствовала. Я ведь его не любила. Только и думала — надо же такому случиться!

Атридж решил, что и ему пора глотнуть бренди. До чего же миссис Матара похожа на его бывшую жену — и даже не тем, что еврейка, не своей бесцеремонностью, а тем, что эдак спокойненько упомянула: были, мол, в чем мать родила. Во

время медового месяца в Сиене жена разгуливала по спальне нагишом. «Твоя беда, — говорила она, — что обнаженные тебе по душе только на картинах».

— Вы можете сказать, что он ваш приятель, — повторила миссис Матара. Она хотела, чтобы он поднялся с ней в ее квартиру и помог одеть мертвеца. А потом (во имя человеколюбия) они перенесут его куда-нибудь в другое место.

В ярости и отвращении он замотал головой. В мозгу вертелись гнусные картины. Голый труп на кровати. Они с миссис Матара натягивают на него одежду, им трудно, потому что уже началось окоченение.

— Боже, что мне делать? — рыдала она.

— Надо позвонить доктору, миссис Матара.

— А на кой черт он нужен, этот доктор? Мертвого не воскресишь.

— Положено, чтобы...

— Нет, только подумайте, мы себе спокойно перекусываем — омлет, салат, *rouilly fuisse* *. В общем, как обычно, вдруг — раз, и его нет.

— Мне кажется, вы сказали...

— Да что тут непонятного... «Чудесно, дорогая, просто чудесно», — говорит он и вдруг валится. Я не сразу сообразила, что к чему. Я имею в виду, откуда мне было знать, что он умер. Повалился там или развалился. Обычное дело после постели...

— Мне не хотелось бы выслушивать...

— О, черт! — завопила она, потом встала и снова пошла к графину. Шпильки у нее выпали, волосы растрепались. Губная помада смазалась и запачкала подбородок. До чего отталкивающее зрелище, подумал Атридж.

— Ничем не могу вам помочь, — заявил он как можно тверже. — Разве что позвонить врачу...

— Да хватит вам про врача.

— Нет, не могу я вам помочь с вашим приятелем, миссис Матара.

* Белое сухое бургундское (*франц.*).

— Я только и прошу: помогите одеть его. Он тяжелый, одной мне не справиться.

— Извините, миссис Матара.

— Только одеть и сvezти сюда. Лифт всего в двух метрах от...

— Вы просите невозможного.

С изрядной порцией бренди в бокале она подошла к нему вплотную и хищно, как ему показалось, склонилась. Пахнуло духами и еще каким-то другим запахом, запахом прелюбодеяния, пронеслось у него в голове, об этом запахе он читал где-то у Хемингуэя.

— Мы с мужем вполне счастливая пара, — заговорила она, почти касаясь губами его губ. — И у этого, который там, наверху, тоже есть жена, она ни о чем не догадывается, ни в чем не виновата. Можете вы это понять, мистер Атридж? Можете представить, что будет, если труп моего любовника найдут в постели моего мужа? Сколько страданий это причинит?

Атридж отодвинулся от нее. Давно уже его не разбирали такая злость, и все же он решил сдержаться. Эта особа и понятия не имеет, как ведут себя воспитанные люди, иначе не стала бы врываться к незнакомому человеку с такими чудовищными, такими противозаконными предложениями. Психопатка!

— Извините, — сказал он, стараясь, чтобы в его голосе звенел металл, — извините, но, во-первых, мне не понять, как можно быть счастливой с мужем и при этом...

— Мы счастливы, можете мне поверить. И мой любовник неплохо жил с женой. Поймите, мистер Атридж, — она снова как-то по-звериному надвинулась на него, — мы встречались раз в неделю в обеденное время и только ради плотских утех. Пять лет подряд, с той самой вечеринки у Мортонсов. Омлет, poilly fuisse, ну и постель. И никакого вреда для нашей семейной жизни не было, а теперь будет: его жена решит, что их брак был неудачным. И станет раскаиваться, вместо того чтобы оплакивать мужа. А мне придется развестись.

— Надо было думать раньше...

Она ударила его левой рукой, ладонь ожгла его пухлую розовую щеку.

— Миссис Матара!

Он собирался рывкнуть на нее, но голос сорвался на визгливый шепоток. Со времени медового месяца ему не приходилось получать пощечин, и он вдруг вспомнил, как испугался тогда в спальне сиенской гостиницы. «Руки чешутся тебя уколошить, — кричала ему бывшая жена. — И уколошила бы, да ты и без того труп».

— Прошу вас уйти, миссис Матара, — сказал он тем же визгливым шепотом. — Немедленно. — Он откашлялся, и последнее слово прозвучало уже громче.

Она мотнула головой. Какое право он имеет указывать ей, о чем надо или не надо было думать раньше? Она же совершенно не в себе, много ли найдется людей, попавших в такую ситуацию? Разве человечно, разве честно, наконец, упрекать ее сейчас? Миссис Матара захлебывалась слезами. Какой-то кошмар, подумал он. Только в кошмаре увидишь столько ужасов, нелепостей и страстей: стоит в его гостиной, ревет белугой, хлещет его бренди и его же бьет по щекам.

Она вдруг поставила бокал на мраморный стол эпохи Регентства и опустила голову. Хотя ее лица теперь не было видно и стояла она тихо, без всхлипов, он знал, что слезы из ее глаз все еще текут. Заговорила она мягко, без прежнего напора.

— Простите меня, мистер Атридж, — прошептала она.

Он кивнул, принимая ее извинения. Дрянное дело, конечно, но и ей, этой женщине, тоже не позавидуешь. Он представил, как спустя некоторое время будет расписывать эту историю миссис Харкот-Иген и другим: женщина, в общем-то почти незнакомая, звонит ему, просит о помощи, а затем спускается с верхнего этажа и рассказывает о своей трагедии. Он мысленно услышал, как обрисовывает миссис Матара: сначала она показалась ему вполне элегантной, но вскоре надралась бренди, волосы у нее растрепались, и вдруг она влепила ему пощечину. В этом месте его слушатели, конечно же, ахнут. А он эдак улыбнется и добавит: бог с ней,

разве станешь ее винить? Ну а кончилось дело тем, услышал он свой голос, что она ушла.

Но миссис Матара не собиралась уходить. Она продолжала молча глотать слезы.

— Простите и вы м е н я , — сказал Атридж, надеясь, что его слова прозвучат заключительным аккордом, после которого ей ничего не останется, как направиться к дверям.

Но она, все еще не поднимая головы, снова попросила:

— Если бы вы мне помогли. Хотя бы с одеждой.

Он откашлялся, собираясь ей ответить.

— Одной это не по силам.

Подняв голову, она взглянула на него. Все лицо перепачкано косметикой и блестит от слез. Волосы растрепались еще больше, а под черными прядями, если он не ошибается, белеет седина. Шея то ли покраснела, то ли покрылась сыпью.

— Я бы не просила, если бы могла справиться сама. Или позвонила бы приятельнице, только некогда ждать, пока она доберется. Времени почти не осталось.

И тут, пока она говорила о приятельнице, Атридж почувствовал в груди первый холодок волнения. Такое же волнение он ощущал перед финалом «Тангейзера» или когда смотрел на «Благовещенье» Креди в Уффици *. Несимпатичная, даже мерзкая особа, эта миссис Матара; завела дешевую интрижку, ну и получила по заслугам. Жалеть ее не хочется, а не жалеть трудно. С ее партнера-то теперь взятки гладки, умер, и все, а кашу расхлебывать ей одной. «Нет в тебе ничего человеческого, — говорила ему ж е н а . — Разве ты способен на любовь? Или на сочувствие? Ни на что ты не способен». Вот так и измывалась над ним, стоит в одной комбинации и измывается.

— Ладно, как-нибудь управлюсь , — сказала миссис Матара и пошла к дверям.

Он не двинулся. До чего же жена была нетерпелива там, в Сиене. Даже не хотела посидеть на площади, понаблюдать за прохожими. По собору бродила как сонная муха. Только

* Картинная галерея во Флоренции.

и мечтала, как бы залезть снова в постель. «Женоненавистник!» Сидит себе, сигарета в одной руке, стакан вина в другой.

Направляясь за миссис Матара в прихожую, Атридж мысленным взором увидел жену умершего. Он представил ее такой, какой ее описала миссис Матара, — ни о чем не догадывающейся, уверенной в любви и верности супруга. Возится в саду, светловолосая, простенько одетая. Она родила ему детей, навела дома уют, принимала его нудных коллег — и что теперь? Муж лежит холодный, во всей своей похабной наготе, а ей суждено страдать. Нет, вранье, подумал Атридж, совсем он не женоненавистник, и чувшь, что он не способен на сочувствие.

Он снова ощутил холодок волнения. Это было сложное чувство, задевающее одновременно и тело и душу. В голове опять глухо зазвучал собственный голос, рассказывающий всю эту историю миссис Харкот-Иген и другим. Голос был тихий, спокойный. Да, он поведаст им о жалости, о сочувствии к худенькой несимпатичной еврейке и к той, другой, совершенно незнакомой женщине. «Миг прозрения, — объяснит он, — я просто не мог бросить их на произвол судьбы».

Он знал, что это правда. Его теперешнее волнение вызвано именно сочувствием, состраданием. Такой уж у него сложный характер: нужна драма, вроде драмы этой смерти, чтобы в нем проявилась душевная красота — такая же реальная, как красота «Мадонны с деревцами» кисти Беллини. Не может же он бросить этих женщин. Его бывшей жене с ее сигаретками и винцом не понять этого и за тысячу лет. В спальне сиенской гостиницы она хотела от него чего-то слишком элементарного, доступного любой мартышке.

Никогда еще Атридж не испытывал таких чувств, как сейчас. Несомненно, это было самое необычное и, пожалуй, самое важное событие его жизни. Со стороны, словно из зрительного зала, он увидел, как помогает миссис Матара одеть голое, холодное тело. Будет достаточно одеть его и вынести из спальни. «Мы втащили его в лифт и оставили

т а м , — зазвучал в мозгу голос, досказывающий историю. — «А какой смысл, — сказал ей, — впутывать меня и мою квартиру». Она согласилась. А что еще оставалось? Вот оно и вышло, что ехал человек в лифте, а у него отказало сердце. Он, видимо, был коммивояжером или чем-то в этом роде».

Прекрасная получилась история. Экстравагантная, яркая, почти невероятная, как, впрочем, всякое настоящее искусство. Кто поверил бы в реальность «Мадонны с деревцами», если бы не гений Беллини? События «Волшебной флейты» тоже кажутся невероятными, пока нас не захватит и не подчинит себе музыка Моцарта.

— В чем дело, мистер Атридж?

Он подошел к ней и, боясь, как бы его голос снова не сорвался на визгливый шепоток, молча склонил голову, давая свое согласие помочь.

Они вышли из прихожей и стали быстро подниматься по лестнице — из-за одного этажа ждать лифта не стоило. Он все еще чувствовал волнение. Пройдет не один месяц, прежде чем он решится рассказать кому-нибудь эту историю. Слишком уж она личная, во всяком случае, сейчас ему так казалось,

— Кем он был? — тихо спросил он на лестнице.

— Что-что?

— Чем занимался? — Нетерпение жгло Атриджа сильнее, чем миссис Матара. — Видимо, коммивояжер?

Она отрицательно мотнула головой. Ее приятель, сказала она, был антикваром.

Значит, тоже еврей, подумал Атридж. А что касается профессии, то все складывается удачно — антиквары к нему заходят, мог прийти и этот. Что стоило миссис Матара обмолвиться где-нибудь на вечеринке, у тех же Мортонных например, что этажом ниже живет некий мистер Атридж, коллекционирующий картины и стаффордширский фарфор. Или самому Атриджу она могла сказать, что, мол, знает человека, у которого бывает кое-что интересное, и Атридж по

телефону предложил антиквару зайти. Но в лифте у того отказало сердце, и он умер.

Она поднесла ключ к замку своей квартиры. Рука у нее дрожала. Удивляясь сам себе, Атридж сжал ей пальцы, не давая открыть дверь.

— Обещайте м н е , — сказал о н , — что уедете отсюда. При первой же возможности.

— Конечно же уеду. Да и как мне теперь оставаться?

— Мне будет неприятно сталкиваться с вами на лестнице, миссис Матара. Могу я считать, что мы договорились?

— Да, да, конечно!

Она повернула ключ, и они вошли в прихожую, отличную от прихожей Атриджа, как небо от земли, разве что размеры те же. Полная безвкусица, подумал он. На стенах колокольчики и две картины маслом кисти какого-то входящего в моду африканца; на одной изображены негритята на красном песке, на другой — негритянка с ребенком у груди.

— Боже! — застонала миссис Матара, внезапно оборачиваясь. Ноги у нее не шли, и, качнувшись к Атриджу, она вцепилась в рукав его серого костюма, уткнув острое личико ему в грудь.

— Не стоит так волноваться, — сказал он, с трудом отрывая глаза от негритят на красном песке. Одна из ее ладошек скользнула с пиджака и очутилась в его руке. Холодная, костлявая. — Нам надо это сделать. — И он опять увидел себя чуть со стороны, словно продолжал рассказывать историю: стою там с ней, держу за руку и утешаю.

Они все еще были в прихожей, и он уже собирался подтолкнуть ее к дверям спальни, когда раздался какой-то шум.

— Боже м о й , — шепнула миссис Матара.

Это муж, подумал он, зная, что и она подумала о том же. Пришел раньше обычного, обнаружил труп, а сейчас увидит, как жена стоит в обнимку с соседом.

— Эй! — крикнул чей-то голос.

— Нет! — Взвизгнув, миссис Матара рванулась в гостиную. Там кто-то забубнил, затем раздалась всхлипывания.

Голос был мужской, но не супруга, явно не супруга.

— Ну, ну, успокойся, — бубнил голос, — успокойся же.

Миссис Матара продолжала всхлипывать. В дверях гостиной появился мужчина. Он был полностью одет, высокий, с бледным лицом и черной бородой. Ему сразу стало понятно, сказал он, что миссис Матара ходила за помощью, он услышал в прихожей голоса и все понял. Затем будничным тоном он доложил Атриджу, что теперь уже все в порядке, только вот некоторая слабость после идиотского обморока. По профессии он антиквар, объяснил он, а миссис Матара у него иногда кое-что покупает. «Потерял сознание», — сказал он улыбаясь. Последнее время у него бывают какие-то дурацкие обмороки, сказал он, надо будет последить за собой, хотя врач утверждает, что ничего страшного. Вообще-то неловко, конечно, вдруг взять и упасть замертво в гостиной у клиентки.

В дверях появилась миссис Матара и встала, привалившись к косяку, будто не могла идти. Она хихикала сквозь слезы, и антиквар, забыв, что только что говорил о ней как о своей клиентке, резким тоном предупредил ее, чтобы не закатывала истерик.

— Посмотрела бы я, — воскликнула миссис М а т а р а , — что закатывал бы ты на моем месте!

— Успокойся!

— Бог свидетель, я ведь подумала, ты загнулся. Правда ведь? — спросила она Атриджа, не глядя на него и не ожидая ответа. — Вот и побежала вниз, в соседнюю квартиру. Я была в ужасном состоянии. Так ведь?

— Да , — подтвердил Атридж.

— Мы хотели тебя одеть и перетащить в его квартиру.

Атридж замотал головой — нет, он никогда бы не разрешил использовать свою квартиру для подобных штук. Но они не обращали внимания. Антиквар смутился, а миссис Матара мрачно глядела на него.

— Мог бы, черт тебя возьми, предупредить об этих своих обмороках.

— Извините , — сказал антиквар А т р и д ж у . — Мне жаль,

что вас потревожили. Прошу прощения за миссис Матара.

— Ты за себя проси! — закричала она. — «Простите, мол, что я такой идиот!»

— Возьми себя в руки, Мириам!

— Сколько раз повторять? Я ведь Думала, ты умер.

— Ну, не умер же. Просто обмороч...

— Черт! Брось ты про эти дурацкие обмороки!

Тон миссис Матара напомнил Атриджу бывшую жену. Как-то раз у него разболелась голова, а она давай ему выговаривать — с той же стервозностью в голосе и почти теми же словами. После развода она, само собой, снова выскочила замуж — за какого-то Сандерса из химического концерна.

— Веди себя по крайней мере прилично, — сказал антиквар.

Такой неприятной парочки Атриджу еще не приходилось встречать. Жаль, что антиквар остался жив. Весь какой-то сальный, толстеющий, плечи усыпаны перхотью. Видно, как живот распирает сорочку, даже пуговица расстегнулась.

— Что ж, большое вам спасибо, — сказала миссис Матара, подходя к Атриджу и протягивая руку. Голос ее звучал равнодушно: полагалось благодарить, она и благодарила. Та же ручка, подумал он, вlepила ему пощечину, а после искала утешение и поддержку в его руке. Она была все такой же холодной и костлявой. — Пусть все это останется между нами. — Она равнодушно, по обязанности, улыбнулась.

Антиквар открыл входную дверь. Он стоял и тоже улыбался, ожидая, пока Атридж уберется.

— Пусть это будет нашей тайной, — опять пробормотала миссис Матара, с девичьей стыдливостью опуская ресницы, — все это, — и она махнула в сторону антиквара. — Извините, что ударила вас.

— Ударила его? — переспросил антиквар.

— Да, там, внизу. Мы оба были в ужасном состоянии. Вот я и ударила. — Она не могла сдержаться и захихикала.

— О боже! — Антиквар тоже хихикнул.

— Пустяки, — сказал Атридж.

Но это были далеко не пустяки. Тайна, о которой она говорила, ничего не стоила, одна похабщина, и все. Ему вряд ли захочется размышлять о случившемся наедине с собой, а чтобы рассказать миссис Харкот-Иген или кому-либо еще — даже думать нечего. А ведь было бы хорошо, если история, как он ее придумал, дошла бы до его бывшей жены. Атридж вообразил, как она слушает эту историю. Она поражена — человек, который казался ей сухарем, вдруг решил из сострадания подтасовать обстоятельства смерти. Ни ее теперешний муж, ни муж миссис Матара, ни этот пархатый антиквар, стоящий у раскрытой двери, на такое бы не пошли. В штаны наложили бы со страха.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания, — улыбнулся антиквар.

Атриджу не хотелось уходить. Он хотел немного задержаться и объяснить им про свою бывшую жену, рассказать то, о чем не рассказывал ни одной живой душе. Его жена, сказал бы он, причинила ему огромное зло. Она не понимала его, и из-за этой ее толстокожести он и евреев теперь не любит. Из-за нее чувствует отвращение к браку. Из-за нее у него «ядовитый» язык. Это она его ожесточила.

Он смотрел на их лица — то на одно, то на другое. Нет, они его не поймут, даже не сделают попытки войти в его положение, как он вошел в положение этой дамочки. Конечно, он всегда был несколько холодноват, что правда, то правда. Но жена могла бы растопить лед, оценив другие качества его души. Надо было не психовать, а приласкать его, понять его сложный характер. И та любовь, которая ей так нужна, со временем пришла бы, как пришли сегодня сочувствие и сострадание. Тепло, хотел сказать он, таится у некоторых людей где-то в глубине, но знал, что они его не поймут, как не поняла бы и жена.

Выйдя на лестничную клетку, Атридж услышал щелчок замка и представил, как они сейчас приглушенно хихикают за дверью. Он был бы счастлив, если бы антиквар умер.

Любовники минувших лет

Оглядываясь на прошлое, он думал, что причиной всему, вероятно, было то неповторимое лондонское десятилетие. Могло ли такое случиться, спрашивал он себя, не в шестидесятые годы, а в какие-то другие времена? Тем более что, по странному совпадению, все началось первого января 1963 года, задолго до того, как этот день стал в Англии выходным. «Два шиллинга и девять пенсов», — сказала она, улыбаясь, и протянула ему пакет с зубной пастой и пилочками для ногтей. «Запомни, «Колгейт», — крикнула ему вслед жена, когда он выходил из дома. — У пасты, что ты купил в прошлый раз, отвратительный привкус».

Его звали Норман Бритт. Это можно было прочитать на небольшой табличке перед его рабочим местом в бюро путешествий, которое называлось «Вокруг света». *Мари* — уведомляла покупателей бирка на светло-голубом форменном платье продавщицы. Его жену звали Хилда, она работала дома, делала украшения по заказам фирмы, платившей сдельно.

Аптека «Гринз» и бюро путешествий «Вокруг света» были на Винсент-стрит, как раз посередине между Паддингтонским вокзалом и Эджвер-роуд. Квартира, где день-деньской трудилась Хилда, находилась в Патни. Мари жила в Рединге вместе со своей овдовевшей матерью и ее приятельницей, миссис Драк, тоже вдовой. Каждое утро Мари садилась в поезд 8.05, приезжала на Паддингтонский вокзал, а после работы возвращалась поездом 6.30.

В 1963 году Норману было сорок лет, столько же Хилде; Мари исполнилось двадцать восемь. Он был высокий, худощавый, носил усы, как у Дэвида Найвена. Хилда тоже была худой, в ее темных волосах кое-где уже проглядывала седина, а лицо было бледное, с резкими чертами. Мари со вкусом одевалась, умело пользовалась косметикой, а свои

рыжеватые волосы красила в светло-русый цвет. Она часто улыбалась, и тогда уголки ее рта плавно изгибались, глаза прищуривались и сияли; вся она лучилась безмятежностью и добродушием. В Рединге Мари часто ходила на танцы с подругой, ее звали Мэйвис, у них было много знакомых молодых людей, «парней», как они называли их между собой.

Заходя от случая к случаю в аптеку «Гринз», Норман почему-то вообразил, что она девица легкомысленная и если пригласить ее в соседний бар «Барабанщик», то потом запросто можно будет и целоваться с ней где-нибудь на улице. Он представлял себе ее коралловые губы, пухлые и мягкие, вот они приникают к его усам и полуоткрытому рту. Представлял ее теплую руку на своей ладони. И все же она казалась ему не земным созданием, а скорее неким эротическим символом желанной женственности, упоительно манящим в атмосфере лихорадочного возбуждения, какая царила по вечерам в «Барабаннике», и можно лишь рисовать в воображении, как такая девушка закуривает от твоей зажигалки.

— Ну и холодно сегодня, — сказал Норман, взяв пилочки и зубную пасту.

— Ужасно, — согласилась она и замаялась, не решаясь что-то сказать. — Вы работаете в бюро путешествий «Вокруг света»? — наконец проговорила она. — Мы хотели бы съездить в Испанию в этом году.

— Теперь все рвутся в Испанию. На Коста-Брава?

— Да, туда. — Она протянула ему сдачу три пенса. — В мае.

— В это время там еще не слишком жарко. Если вам потребуется помощь...

— Только заказать два билета.

— Я с удовольствием помогу вам. Заходите в любое время. Моя фамилия Бритт. Вы найдете меня за стойкой.

— Если получится, мистер Бритт. Может быть, мне удастся сбежать в четыре или попозже.

— Хотите сегодня?

— Да, лучше заранее позаботиться обо всем.

— Вы правы. Я буду вас ждать.

Он едва не назвал ее, как своих клиенток, мадам или мисс. Словно со стороны, он слышал, как говорит, что с удовольствием оформит для нее заказ на билеты, это была ничего не значащая фраза в деловом разговоре, сказанная спокойным, деловым тоном. Разумеется, она собирается туда с приятелем, подумал он, этаким шикарным щеголем в автомобиле. «До встречи», — сказал он, но она уже занималась с другим покупателем, помогала выбрать губную помаду.

Мари не пришла в четыре часа; не появилась она и в половине шестого, когда бюро закрывалось. Он был разочарован, но к легкой досаде примешивалось и приятное предвкушение встречи: если бы она пришла в четыре, рассуждал он, уходя из бюро, их пустяковое дело было бы уже в прошлом, а пока оно еще в будущем. Она заглянет в следующий раз, на его счастье; не станет торопиться и подождет, если он будет занят с другим посетителем. Потом они снова встретятся, когда она придет за билетами.

— Ради бога, извините меня, — уже на улице он услышал за спиной ее голос. — Я никак не могла уйти, мистер Бритт.

Обернувшись, он улыбнулся ей, чувствуя, как шевельнулись усы, когда губы растянулись в улыбке.

— Я так и понял, — сказал он. — Как-нибудь в другой раз?

— Может быть, завтра. В перерыв.

— У меня перерыв с двенадцати до часа. А что, если нам сейчас куда-нибудь зайти? Мы ничуть не хуже обсудим все за коктейлем.

— Но вы торопитесь. А мне не хочется быть навязчивой...

— Ничего подобного. У вас найдется десять минут?

— Вы так добры, мистер Бритт. Но право же, мне кажется, я злоупотребляю вашей любезностью...

— Выпьем по случаю Нового года, только и всего.

Он распахнул двери бара «Барабанщик», где бывал редко, разве что вместе с сослуживцами на рождество или когда кому-нибудь из бюро устраивали проводы. Обычно по вечерам в «Барабанщике» сидели Рон Стокс и мистер Блэкстейф, и ему хотелось, чтобы и сегодня они были там и увидели бы его с девушкой из аптеки «Гринз».

— Что вы будете пить? — спросил он Мари.

— Джин с мятой, только плачу я. Разрешите мне...

— Ни за что. Сядем вон там.

В этот час в «Барабанщике» было еще малоллюдно. К шести здесь появятся служащие из отдела рекламы фирмы «Долтон, Дьюэр и Хиггинс», что по соседству, и архитекторы из «Фрайн и Найт». А пока в баре сидели только миссис Григан, всем известная пьянчужка, и здоровяк Берт со своим пуделем Джимми. Жаль, нет Рона Стокса и мистера Блэкстейфа.

— Я видела вас здесь в сочельник, — сказала она.

— Да, мы заходили сюда всей компанией. — Он помолчал, пока ставил джин с мятой на картонную подставку с рекламой пива «Гиннес». — И я вас тоже видел.

Норман отпил пиво и аккуратно стер пену с усов. Как можно было подумать, что она станет обниматься с ним на улице? Просто у него разыгралось воображение, и он размечтался слишком, как говаривала его матушка. И все-таки когда через полчаса он вернется домой, то не скажет Хилде, что давал консультацию продавщице из аптеки «Гринз», как лучше провести отпуск на Коста-Брава. Даже не скажет, что заходил в «Барабанщик». Просто объяснит, что всех задержал Блэкстейф, нужно было просмотреть проспекты «Евротора» с рекламой новых маршрутов в Германии и Люксембурге на это лето. Хилде нипочем не придет в голову, что он сидел в баре с женщиной, которая намного его моложе да еще такая привлекательная. Хилда то и дело говорит как бы в шутку, что мужскими достоинствами его бог обделил.

— Мы хотели бы поехать во второй половине мая, — сказала Мари. — У Мэйвис отпуск тоже в это время.

— Мэйвис?

— Это моя подруга, мистер Бритт.

Потягивая портвейн, Хилда смотрела по телевизору детектив из серии «Автомшины зед». «Ужин в духовке», — сказала она. «Спасибо», — ответил он.

Иногда, вернувшись с работы, он не заставал ее дома. Она уходила или к своим друзьям, супругам Фаулер, и они вместе пили портвейн и играли в бридж, или в карточный клуб. Ее вполне устраивала такая светская жизнь; конечно, она всегда предупреждала мужа, когда ее не будет дома, и оставляла ужин в духовке. Днем она нередко уходила работать к Виолете Паркес, которая тоже делала украшения, или же Виолета Паркес приходила к ней. Они нанизывали пластмассовые бусы на нитку и укладывали пластмассовые детальки по готовой схеме. Хилда быстро наловчилась и зарабатывала больше, чем если бы ходила каждый день на службу, к тому же она сэкономила на транспорте. Работала она быстрее Виолеты Паркес.

— Все в порядке? — спросила Хилда, когда он с подносом вошел в комнату и сел перед телевизором. — Хочешь выпить?

Она не отрывала взгляд от экрана. Норман знал, что Хилда предпочла бы отправиться к Фаулерам или в клуб, правда, теперь, когда они купили телевизор, вечера проходили не столь тягостно.

— Нет, спасибо, — отказался он от ее предложения выпить и принялся за ужин — два круглых румяных пирожка, запеченных в фольге, с подливкой. Он надеялся, что сегодня жена ничего не захочет от него в постели. Он посмотрел на нее, иногда по ней можно было угадать заранее.

— Э й , — перехватила она его взгляд. — Не прочь полакомиться, дорогой?

Она захихикала и подмигнула ему, игривый голос никак не вязался с ее худым, почти изможденным лицом. Хилда вообще любила сказать что-нибудь в таком роде, совершенно без всякого повода с его стороны, и частенько уверяла,

будто видит, что он не прочь полакомиться или что ему совсем невтерпеж, хотя он и не помышлял ни о чем. Она была просто неумной в своих супружеских притязаниях, и Норману нередко хотелось, чтобы у жены был не такой пылкий темперамент. Порою он лежал усталый после ее страстного натиска и думал, глядя в темноту, что ненасытность Хилды, наверное, связана с тем, что у нее нет детей и ее непомерная чувственность как бы компенсация за несостоявшееся материнство. Первое время после женитьбы она работала делопроизводителем и каждый день отправлялась на службу; по вечерам они ходили в кино.

Ночью, когда Хилда заснула, он лежал, прислушиваясь к ее посапыванию, и думал о девушке из аптеки «Гринз». Он заново переживал весь минувший день — вот он выходит из своей квартиры в Патни, а Хилда кричит ему вслед, чтобы он купил пасту и пилочки, вот едет в метро и читает «Дейли телеграф». Шаг за шагом он вспоминал все, что произошло сегодня утром, с наслаждением приближаясь к тому мгновению, когда Мари протянула ему сдачу. Он вспоминал загадочную медлительность ее улыбки, вспоминал разговоры с утренними посетителями. «Можно заказать билеты в Ньюкасл и обратно? — интересовалась супружеская чета. — Правда, что среди недели дешевле?» Мужчина с плоским лицом хотел провести неделю в Голландии вместе с сестрой и ее мужем. Одна женщина узнавала о маршрутах по Греции, другая — о круизах по Нилу, третьей хотелось совершить путешествие на острова Силли. Потом он поставил табличку «Закрыто» перед своим местом за стойкой и отправился в закусочную «Бетте» на Эджвер-роуд. «Пилочки для ногтей, — снова говорил он в аптеке «Гринз», — и зубную пасту «Колгейт» в маленькой упаковке». И повторялся весь их разговор, повторялся день, преображенный ее загадочной улыбкой, а потом она сидела рядом с ним в «Барбанщике». Снова и снова она подносила к губам стакан с джином и мятой, снова и снова улыбалась. Он заснул и увидел ее во сне. Они гуляли в Гайд-парке, у нее свалилась

с ноги туфля. «Сразу видно, что ты малый не промах», — сказала она, а потом наступило утро, и опять приставала Хилда.

— Не знаю, но в нем что-то есть, — доверительно рассказывала Мари своей подруге Мэйвис. — Какая-то надежная сила.

— Разумеется, женат?

— Наверное. Такие, как он, всегда женаты.

— Не теряй голову, подруга.

— У него глаза, как у Синатры. Голубые-голубые...

— Ну, Мари...

— Мне всегда нравились мужчины старше меня. У него чудесные усы.

— У парня из «Интернэшнл» тоже усы.

— Но он же сопляк. И весь в перхоти!

Они сошли с поезда и расстались на платформе. Мари спустилась в метро, а Мэйвис побежала на автобус. Очень удобно было ездить из Рединга на Паддингтонский вокзал. Дорога занимала всего полчаса, а за болтовней время пролетало незаметно. Вечером они возвращались порознь, так как Мэйвис почти всегда задерживалась на час. Она работала оператором на компьютере.

— Мы обсудили с Мэйвис ваше предложение и согласны застраховаться. — Мари прибежала в бюро путешествий в половине двенадцатого на следующее утро, улучив момент, когда было мало покупателей. Накануне вечером возникли сомнения относительно страховки. Норман обычно советовал клиентам застраховаться и считал вполне естественным, что ей захотелось обговорить все с приятельницей, прежде чем решиться на дополнительные расходы.

— Тогда не будем откладывать и оформим заказ, — сказал Норман. — Придется внести задаток.

— Мэйвис выписала чек на ваше бюро. — Мари протянула ему розоватый листок.

— Все в порядке. — Он взглянул на чек и выписал квитанцию, потом сказал: — Я подобрал еще несколько проспектов и с удовольствием просмотрю их вместе с вами,

и потом вы все расскажете вашей приятельнице.

— Вы очень любезны, мистер Бритт. Но я спешу. Мне нельзя долго отсутствовать.

— Может быть, встретимся в перерыв?

Он сам удивился своей настойчивости и подумал о жене. Он представил Хилду, склонившуюся над работой, руки проворно нанизывают оранжевые и желтые бусины под пение Джимми Янга.

— В перерыв, мистер Бритт?

— Мы успели бы просмотреть все проспекты.

Я ему нравлюсь, подумала она. Он пытается за мной ухаживать, и проспекты только предлог, чтобы встретиться. Что ж, ей это приятно. Она сказала Мэйвис правду: ей нравились мужчины старше ее, и ей нравились его усы, удивительно гладкие, наверное, он пользуется какими-то средствами для волос. Ей нравилось имя Норман.

— Ну что ж, хорошо, — согласилась она.

Он не мог повести ее в закусную «Бетте», где посетители, стоя с картонными тарелочками в руках, жевали бутерброды.

— Давайте пойдем в «Барабанщик», — предложил Норман. — Я выйду в четверть первого.

— Лучше в половине первого, мистер Бритт.

— Я буду ждать вас там в это время с проспектами.

И снова он подумал о Хилде. Вспомнил ее высохшие бледные руки и ноги, ее посапывание. Иногда, когда они смотрели телевизор, она ни с того ни с сего усаживалась к нему на колени. С годами она быстро дурнела, худела, а ее седеющие волосы, и без того жесткие, становились совсем сухими. Он отдыхал душой в те вечера, когда она уходила в клуб или к Фаулерам. И все же он был несправедлив к ней, она старалась по мере сил быть хорошей женой. Просто когда приходишь домой усталый после работы, вовсе не хочется, чтобы тебе плюхались на колени.

— Джин с мятой? — спросил он в «Барабанщике».

— Да, пожалуйста, мистер Бритт. — Она хотела сказать, что сегодня ее черед платить за коктейль, но от волнения

забыла. Взяв проспекты, которые он положил на стул рядом, она сделала вид, что читает, а сама наблюдала за ним, пока он стоял у стойки бара. Он обернулся и, улыбаясь, пошел к столику со стаканами в руках. Сказал, что это прекрасный способ заниматься делами. Себе он тоже взял джин с мятой.

— Сегодня мой черед платить. Я собиралась вам сказать, что плачу я. Мне неловко, мистер Бритт.

— Меня зовут Норман. — И снова он удивился своей непринужденности и уверенности. Они выпили, и он предложил на выбор пастушью запеканку или ветчинную трубочку с салатом. Он готов был купить еще джина с мятой, чтобы она стала раскованной. Восемнадцать лет назад он так же покупал Хилде портвейн стакан за стаканом.

С проспектами они покончили быстро. Мари сказала, что живет в Рединге, стала рассказывать, какой это городок. Потом рассказала о матери, о приятельнице матери, миссис Драк, которая жила с ними, и еще о Мэйвис. Много говорила о Мэйвис, но ни разу не упомянула ни одного мужчины — ни друга, ни жениха.

— Честное слово, я не хочу е с т ь , — сказала Мари.

Она не могла и прикоснуться сейчас к еде. Только бы сидеть рядом с ним, потягивая джин. Пусть даже она чуточку опьянеет, хотя раньше она никогда не позволяла себе этого днем. Ее так и тянуло взять его под руку.

— Как хорошо, что мы познакомились, — сказал он.

— Мне ужасно повезло.

— И мне, Ма р и . — Он провел указательным пальцем по руке девушки так нежно, что по ее телу пробежала дрожь. Она не отняла руку, и он стиснул ей пальцы.

С того дня они неизменно встречались в перерыв и направлялись в «Барабанщик». Их уже многие видели. Рон Стокс и мистер Блэкстейф из бюро путешествий «Вокруг света», мистер Файнмен, фармацевт из аптеки «Гринз». Их видели на улице и другие служащие из бюро путешествий и из аптеки, они всегда шли рука об руку. На Эджвер-роуд

они разглядывали витрины магазинов, особенно им нравились антикварная лавка, в которой было полным-полно всякой медной посуды. Вечером Норман провожал Мари на Паддингтонский вокзал, там они заходили в бар. Потом обнимались на платформе, как и многие вокруг.

Мэйвис по-прежнему не одобряла их встречи; мать и миссис Драк ни о чем не подозревали. Из поездки на Коста-Брава не вышло ничего хорошего, потому что Мари думала только о Нормане Бритте. Как-то раз, когда Мэйвис на пляже читала журналы, Мари всплакнула, а Мэйвис сделала вид, что не заметила. Она злилась, потому что Мари хандрила и они ни с кем не познакомились. Они так долго мечтали об этой поездке, и вот теперь все пошло насмарку по милости какого-то клерка из бюро путешествий. «Не сердись на меня, дорогая», — то и дело повторяла Мари, стараясь улыбаться. Когда они вернулись в Лондон, их дружбе пришел конец. «Ты просто дурью маешься, — заявила Мэйвис раздраженно. — Мне до чертиков надоело тебя выслушивать». С тех пор они больше не ездили вместе по утрам.

Роман Нормана и Мари оставался платоническим. В тот час с четвертью, предоставленный каждому из них для перерыва, им негде было уединиться, чтобы дать выход своей страсти. Куда ни пойдешь — везде люди: в бюро путешествий и в аптеке «Гринз», в «Барабаншике» и на улицах, по которым они бродили. Они должны были ночевать дома. Ее мать и миссис Драк сразу же заподозрили бы неладное, и Хилда, оставшись без партнера, вряд ли сидела бы безмятежно перед телевизором. Если бы они отважились провести вместе ночь, все открылось бы, и что-то говорило им — это плохо кончится.

— Милый, — вздохнула Мари, прижимаясь к нему, когда однажды октябрьским вечером они стояли на платформе вокзала в ожидании поезда. Спустился туман, стало холодно. Они стояли обнявшись, и Норман видел, как туман повис в ее светлых волосах крохотными капельками. Мимо по освещенной платформе торопились домой люди. Лица у них были усталые.

— Я понимаю т е б я , — ответил он, как всегда чувствуя себя здесь каким-то неприкаянным.

— Я не засну и буду думать о т е б е , — прошептала она.

— Я не могу жить без т е б я , — прошептал он в ответ.

— И я без тебя. Видит бог, и я без т е б я . — Не договорив, она села в поезд; покачиваясь в вагоне поезда, она уезжала все дальше и дальше, и последнее, что он увидел, была ее большая красная сумка. Пройдет восемнадцать долгих часов, прежде чем он снова увидит ее.

Норман повернулся и медленно побрел сквозь толпу. Ему до отвращения не хотелось возвращаться в свою квартиру в Патни. «Господи!» — сердито вскрикнула женщина, он нечаянно задел ее. Норман попытался обойти ее, отступил в ту же сторону, что и она, и снова столкнулся с ней. Женщина выронила журналы на платформу, он кинулся их поднимать, бормоча напрасные извинения.

И тут, когда они наконец разминулись с женщиной, в глаза ему бросилась неоновая вывеска. «Вход в отель» — низко над книжным киоском светились красные буквы. Это был вход в «Западный гранд-отель» с перрона, откуда пассажиры прямо попадали в комфортабельные апартаменты. Вот если бы им с Мари снять здесь номер и хотя бы одну ночь почувствовать себя счастливыми. Через вращающиеся двери под красной сверкающей вывеской торопливо шли люди с чемоданами и газетами. Не понимая, зачем он это делает, Норман направился к отелю и тоже вошел через вращающиеся двери.

Он поднялся по двум коротким лестничным маршам, потом прошел еще через двери и оказался в просторном холле. Слева перед ним была длинная изогнутая стойка, за которой сидел администратор, справа — конторка портье. Кругом низенькие столики и кресла; пол устлан коврами. Указатели подсказывали, как пройти к лифту, в бар и в ресторан. Слева поднималась широкая пологая лестница, тоже устланная коврами.

Он представил, как они с Мари отдыхают в этом холле, где сейчас сидели другие, а перед ними стояли стаканы со

спиртным, чайники и полупустые вазочки с бисквитным печеньем. Он немного постоял, рассматривая сидящих, а потом с независимым видом стал подниматься по лестнице, говоря себе, что в один прекрасный день они непременно снимут здесь номер и проведут хотя бы ночь среди этого великолепия. Следующая лестничная площадка была обставлена как гостиная, с такими же креслами и столиками, как в нижнем холле. Все разговаривали вполголоса; пожилой официант-иностранец, прихрамывая, собирал чайники на серебряных подносах; пекинес спал на коленях у хозяйки.

Следующий этаж выглядел уже иначе. Это был длинный широкий коридор с номерами по обеим сторонам. Из него вели другие, точно такие же. Мимо, потупив глаза, проходили горничные; из комнаты с табличкой «Только для персонала» слышался тихий смех; официант прокатил столик на колесиках, уставленный посудой, среди которой возвышалась завернутая в салфетку бутылка вина. «Ванная», — прочел Норман и из любопытства открыл дверь. И тут его осенило. «Боже мой!» — прошептал Норман. В его голове мгновенно возник план, благодаря которому десятилетие шестидесятых стало для него таким особенным. И потом, через много лет, вспоминая, как он обнаружил эту ванную на втором этаже, Норман так же дрожал от восторга, как в тот первый вечер. Он тихо вошел, закрыл за собой дверь и медленно опустился на край ванны. Помещение было огромное, как и сама ванна, словно в королевском дворце. Стены отделаны белым мрамором с нежными серыми прожилками. Два невиданно огромных медных крана, казалось, ждали, что он придет сюда с Мари. Они будто подмигивали ему, зазывали, будто говорили: здесь вполне удобное местечко, и почти никто не бывает, теперь в каждом номере отдельные ванны. Сидя в плаще на краю ванны, Норман подумал, что сказала бы Хилда, если бы его увидела.

Своим открытием он поделился с Мари, когда они встретились в «Барабанщике». Он исподволь подводил к своему замыслу, сначала описывал отель, рассказывал, как

бродил по его коридорам, потому что не хотелось идти домой.

— В конце концов я оказался в ванной.

— Ты хочешь сказать в туалете, милый? Тебе приспичило...

— Нет, не в туалете. В ванной на втором этаже. Она вся отделана мрамором, честное слово.

Мари сказала, что только он способен на такое — разгуливать по отелю, где не живет, да еще отправиться в ванную. Норман продолжал:

— Знаешь, Мари, мы могли бы пойти туда.

— Как это — пойти?

— Эта ванная пустует полдня. Наверное, ею вообще не пользуются. Мы могли бы отправиться туда хоть сейчас. Сию минуту, если бы захотели.

— Но у нас сейчас ленч, Норман.

— Вот об этом я и толкую. Мы могли бы там и перекусить.

Из музыкального автомата неслась скорбная мольба не отвергать протянутой руки. «Возьми мою руку, — пел Элвис Пресли, — возьми мою жизнь». Служащие рекламного отдела из «Долтон, Дьюэр и Хиггинс» громко обсуждали шансы на кредит в «Канейдиан пасифик». Архитекторы из «Фрайн и Найт» сетовали на строгости в муниципальном планировании.

— Где? В ванной, Норман? Мы же не можем просто так туда пойти!

— Почему бы и нет?

— Не можем, и все. Пойми, не можем.

— Нет, можем.

— Норман, я хочу быть твоей женой. Хочу, чтобы мы всегда были вместе. Но я не пойду ни в какую ванную.

— Я понимаю тебя. Я тоже хочу, чтобы мы поженились. Но нам нужно придумать, как это сделать. Ты же знаешь, мы не можем взять и пожениться.

— Да, конечно, я понимаю.

Теперь они постоянно обсуждали эту тему. Само собой разумеется, они обязательно поженятся когда-нибудь. Нужно только решить, как быть с Хилдой. Мари представля-

ла по рассказам Нормана, как Хилда трудится не разгибая спины в их квартирке в Патни, а потом идет к Фаулерам пить портвейн или в клуб. Норман нарисовал не слишком лестный портрет своей супруги, и когда Мари робко сказала, что ей в общем-то все равно, какая она, Норман ее понял. Он не рассказал только об одном — о ненасытности Хилды в постели, о ее ночных вожделениях, как он называл это про себя. Такие подробности были бы неприятны Мари.

Самое сложное было уладить экономическую сторону развода с Хилдой. Норман никогда не будет много зарабатывать, ни в бюро путешествий, ни где-либо еще. Зная Хилду, Норман понимал, что едва речь пойдет о разводе, она потребует от него чудовищные алименты, и по закону он обязан будет платить. Она заявит, что надомная работа обеспечивает ей только гроши на мелкие расходы и даже такая работа ей уже не по силам, скажет, что у нее обострится артрит или ее мучают ознобыши, придумает что угодно. Хилда возненавидит его за то, что он бросил ее и она лишилась покорного спутника жизни. Она все объяснит его изменой — и свое горькое недовольство жизнью, и свою бездетность: она увидит умысел там, где его и в помине не было, и злоба застынет в ее глазах.

Мари мечтала родить ему ребенка, ведь у него никогда не было детей. Она хотела иметь много детей и знала, что будет прекрасной матерью. И он это понимал: достаточно было посмотреть на Мари — сама природа назначила ей материнский удел. Но в таком случае ей придется бросить работу, как она и собиралась после замужества. А это означало, что они втроем будут существовать на мизерное жалованье Нормана. Не только они трое, но и дети тоже.

Перед этой головоломкой он был бессилён: он не мог найти решения, но почему-то верил, что чем чаще они бывают вместе, чем больше обсуждают свое положение и чем сильнее любят друг друга, тем больше надежды на то, что в один прекрасный день все как-то образуется. Правда, Мари не всегда терпеливо слушала его, когда он пускался в такие рассуждения. Она соглашалась, что надо сначала разобрать-

ся со всеми проблемами, но иногда вела себя так, будто никаких проблем и в помине нет. Ей хотелось забыть в существовании Хилды. Во время их встреч, всего лишь на какой-то час, она утешала себя тем, что они поженятся совсем скоро, в июле или даже в июне. Норман неизменно возвращал ее на землю.

— Давай сходим в отель и просто посидим там, — уговаривал он Мари. — Сегодня вечером, перед твоим поездом. Это лучше, чем идти в буфет на вокзале.

— Но это же отель, Норман. Туда пускают только тех, кто там живет...

— В бар отеля может зайти кто угодно.

И вечером они отправились в отель, выпили в баре, а потом он повел ее на лестничную площадку первого этажа, обставленную как гостиная. В отеле было тепло. Мари призналась, что ей хочется опуститься в кресло и заснуть. Норман рассмеялся и ничего не сказал про ванную — с этим не следовало торопиться. Он посадил Мари в поезд, и тот увез ее к матери, миссис Драк и Мэйвис. Норман не сомневался, что всю дорогу домой Мари будет вспоминать великолепие «Западного гранд-отеля».

Наступил декабрь. Туманы кончились, но пришли холода, подули ледяные ветры. Каждый вечер, перед поездом, они заходили в бар отеля. «Давай сходим в ту ванную, — предложил он как-то раз. — Просто так». Норман не настаивал и вообще впервые упомянул про ванную с тех пор, как рассказал ей о своем открытии. Мари, хихикнув, ответила, что он несносен и она опоздает на поезд, если станет тут глазеть на ванны, но Норман возразил, что у них в запасе еще масса времени. «Как глупо!» — пробормотала Мари, остановившись в дверях и заглядывая в ванную. Норман обнял ее за плечи и увлек внутрь, боясь, как бы их не увидела горничная. Он запер дверь и поцеловал Мари. В первый раз почти за целый год они целовались не на людях.

В Новый год они отправились в ванную в обеденный перерыв. Норману казалось, что так они должны отметить годовщину своего знакомства. Он уже давно понял, как

заблуждался, принимая Мари за легкомысленную девицу. Ее внешность соблазнительницы скрывала натуру почти чопорную. Странно, что у сухопарой и даже отталкивающей Хилды внешность тоже была обманчива. «У меня еще ни с кем не было», — призналась Мари, и он еще сильнее полюбил ее. Его трогало, с каким простодушием она хотела остаться девушкой до замужества, но Мари клялась, что не выйдет замуж ни за кого другого, и откладывать первую брачную ночь не имело смысла. «О господи, как я люблю тебя», — шептала она, когда он разделее в ванной. — Ты такой хороший, Норман».

С тех пор они стали ходить туда частенько. Норман не спеша выходил из бара, пересекал просторный холл и на лифте поднимался на второй этаж. Минут через пять вслед за ним появлялась Мари, в сумке у нее лежало полотенце, специально привезенное из Рединга. В ванной они всегда разговаривали только шепотом и после пылких ласк сидели в теплой воде, держась за руки, и все обсуждали, что им делать. Никто ни разу не постучался к ним, ни о чем не спросил. Когда они так же поодиночке возвращались в бар, никто не обращал на них внимания, и в сумке Мари от влажного полотенца, которым они пользовались вместе, намокали компактная пудра и носовой платок.

Проходили уже не месяцы, а годы. В «Барабаншике» из музыкального автомата больше не раздавался голос Элвиса Пресли. «Не знаю, почему она ушла», — пели «Биттлз». — Она не сказала... Я живу тем, что было вчера». Теперь все узнали Элеонору Ригби и сержанта Пеппера. Фантастически невероятные похождения тайных агентов хлынули на экраны лондонских кинотеатров. Карнаби-стрит, словно мусорная урна, переполненная яркой ветошью, ошеломляла гвалтом и пестротой. Казалось, всеобщее безрассудство коснулось и романа Нормана Бритта с Мари. В ванной комнате «Западного гранд-отеля» они ели бутерброды, пили вино. Норман шепотом рассказывал о дальних странах, где никогда не бывал: о Багамских островах, Бразилии, Перу, о пасхе в Севилье, о Греции, Ниле, Ширазе, Персеполе,

Скалистых горах. Им бы экономить, не тратить деньги на джин с мятой в баре отеля или в «Барабанщике». Им бы искать выход, думать, как получить развод, но куда приятнее было тешить себя мечтами о Венеции и Тоскане, по улицам которых в один прекрасный день они пройдут, взявшись за руки. В их встречах не было ничего похожего на утренние вожделения Хилды и на ту вульгарную непристойность, которая неизменно возникала в «Барабанщике», когда там вечерами появлялся мистер Блэкстейф или во время проводов кого-нибудь из служащих бюро путешествий. Мистер Блэкстейф, упиваясь своим остроумием, сообщал всем, что предпочитает любовные игры с женой ночью, а ей больше нравится по утрам. Он сетовал, как рискованно заниматься этим утром, когда в любой момент могут войти дети, и со всеми подробностями описывал прочие интимные привычки своей супруги. У мистера Блэкстейфа был громкий неприятный смех, и когда он пускался в откровения, то неизменно начинал гоготать, подталкивая собеседника локтем. Как-то раз в «Барабанщик» зашла жена мистера Блэкстейфа, и Норману, посвященному во все подробности ее интимной жизни, стало ужасно неловко. Она выглядела степенной дамой средних лет и носила темные очки: вероятно, у нее тоже была обманчивая внешность.

Все эти разговоры, одинаково неприятные и Норману, и Мари, оставались где-то далеко, когда они попадали в ванную. Они жили своей любовью, своими встречами, пролетающими как мгновение, и любовь — по крайней мере им так казалось — возвышала их страстное влечение друг к другу. Любовь служила им оправданием в их довольно нелепой ситуации, ведь только настоящее чувство могло заставить их пойти на обман, прятаться в отеле, и вера в это придавала им силы.

Но порою; когда Норман продавал билеты или провожал вечером Мари на поезд, его захлестывало отчаяние. Со временем оно становилось все глубже, все сильнее. «У меня без тебя такая тоска, — прошептал он однажды в ванной. — Мне кажется, я не вынесу этого». Мари вытиралась

полотенцем, привезенным из Рединга в большой красной сумке. «Ты наконец должен ей все рассказать, — ответила она неожиданно жестко. — Мне бы не хотелось особенно затягивать с ребенком. — Ей было уже не двадцать восемь, а тридцать один. — По-моему, это непорядочно по отношению ко мне», — сказала Мари.

Норман прекрасно понимал ее, это действительно было непорядочно, но в который раз обдумав все на работе, он снова пришел к убеждению, что бедность погубит их. Он никогда не сможет много зарабатывать. Дети, которых им с Мари так хочется, высосут из них все без остатка; быть может, даже придется обращаться за муниципальной помощью. Норман совсем падал духом, просто голова от таких мыслей разламывалась. Но он понимал, что Мари права: это не может продолжаться до бесконечности, нельзя жить призрачными иллюзиями в ванной комнате отеля. Какое-то время он даже всерьез подумывал, не убить ли ему Хилду.

Он не стал ее убивать, а рассказал ей правду. Как-то вечером в четверг после очередной серии «Мстителей» Норман признался, что встретил другую женщину, ее зовут Мари, он любит ее и хочет на ней жениться. «Я думаю, мы сможем развестись», — закончил Норман.

Хилда приглушила звук, но не выключила телевизор и продолжала сидеть, не отрывая глаз от экрана. Ее лицо не исказилось от ненависти, как он ожидал, и глаза не стали злыми. Она только покачала головой, налила себе еще портвейна и сказала:

— Ты спятил, Норман.

— Можешь подумать, потом поговорим.

— Господи, где же ты с ней познакомился?

— На работе. Она тоже работает на Винсент-стрит. В магазине.

— И как же она относится к тебе, позволь тебя спросить?

— Она любит меня.

Хилда рассмеялась. Пусть он морочит голову кому-нибудь

другому, сказала она, потом добавила, что это уже ни в какие ворота не лезет.

— Хилда, я ничего не выдумываю. Все это правда.

Она ухмыльнулась, глядя в стакан с портвейном. Потом, уставясь на экран, спросила:

— И давно у вас началось, могу я узнать?

Норману не хотелось признаваться, что их роман продолжается уже несколько лет, и ответил что-то неопределенное.

— Ты же не дитя, Норман. Мало ли что тебе померещилось в магазине, и ты уж сразу распалился. В конце концов, ты не мартовский кот.

— Ничего такого я и не говорил.

— И вообще слабак по этой части.

— Хилда...

— Всем вам мерещится невесть что в магазинах: разве тебе мамочка об этом не рассказывала? Ты что ж, думаешь, я себе не придумывала всякого с тем парнем, который приходил вешать шторы, или с тем нахальным коротышкой почтальоном, распеваящим дурацкие песенки?

— Мне нужен развод, Хилда.

Она рассмеялась. Отпила вина.

— Ты в л и п, — сказала она и снова рассмеялась.

— Хилда...

— О, ради бога. — Она вдруг рассердилась, но он чувствовал, что ее раздражает его настойчивость, а вовсе не то, о чем он ее просит. Она сказала, что он валяет дурака, и повторила все, что он и сам думал: в их незавидном положении развод был бы роскошью, и если у его девушки не водятся деньги, то из этой дурацкой затеи ничего не выйдет, одни окайнные адвокаты наживутся. — Они обернут тебя до нитки, эти пройдохи, — заявила она, ее голос еще дрожал от возмущения. — Тебе до конца жизни с ними не расплатиться.

— Ну и пусть, мне все равно, — сказал он, хотя это было не так. — Мне нужен только развод.

— Не может тебе быть все равно, если ты не круглый идиот.

— Хилда...

— Послушай, переспи с ней. Заведи ее в парк, когда стемнеет, или куда-нибудь еще. А у нас с тобой все останется по-прежнему.

Она усилила звук в телевизоре и довольно быстро допила портвейн. Потом, в постели, она прижалась к нему, возбужденная больше обычного. «Господи, меня это жутко завело, — шептала она в темноте, обвив его ногами. — То, что ты рассказывал мне». Потом, получив свое, она призналась:

— Знаешь, а ведь у меня все-таки было с тем почтальоном. Честное слово. На кухне. И раз уж все начистоту, сознаюсь, что и Фаулер заглядывает сюда время от времени.

Норман лежал молча, не зная, верить ли ее словам. Сначала ему подумалось, что она расхорохорилась, узнав о Мари, но потом он уже не был в этом уверен. «Мы как-то попробовали вчетвером, — продолжала она. — Фаулеры, я и еще один тип из клуба».

Она принялась поглаживать его по лицу. Норман терпеть этого не мог, но Хилда считала, что его это возбуждает. Она попросила: «Расскажи-ка мне еще».

Норман сказал, чтобы она оставила его в покое и перестала гладить по лицу. После того как она проболталась про Фаулера и почтальона, ему уже все равно, пусть узнает, что он встречается с Мари несколько лет. Он даже с каким-то удовольствием рассказал ей, как в первый день Нового года, покупая пилочки и зубную пасту, познакомился с Мари, которой нужно было заказать билеты на Коста-Брава, куда она собиралась поехать вместе со своей подругой.

— Но ведь у вас ничего не было?

— Было.

— Господи, где же? В подъезде? В парке?

— Мы ходим в отель.

— Ну ты даешь, старый черт!

— Послушай, Хилда...

— Пожалуйста, продолжай, милый. Расскажи мне все. — И он рассказал ей о ванной комнате в отеле, а она все за-

давала вопросы, вытягивая из него подробности, выпрашивала о Мари. Уже забрезжил рассвет, когда она уgomонилась.

— Забудь об этой чепухе с разводом, — как бы между прочим сказала Хилда за завтраком. — Не желаю ничего об этом слышать. Я не могу допустить, дорогой, чтобы из-за меня ты разорился.

В тот день ему не захотелось видеть Мари, но они заранее условились о встрече. Она знала, что накануне вечером он собирался разговаривать с женой. Теперь Мари ждала решения своей судьбы.

— Ну? — спросила она в «Барабанщике».

Норман пожал плечами, покачал головой и выдавил из себя:

— Я говорил с ней.

— Ну и что она, Норман? Что сказала Хилда?

— Что я рехнулся, если вздумал разводиться. Она повторила то, что я уже говорил тебе: мы не потянем алименты.

Они помолчали. Вдруг Мари сказала:

— А может быть, тебе просто уйти от нее? Взять и не вернуться однажды домой? Мы найдем где-нибудь квартиру. С детьми можно подождать, дорогой. Давай попробуем.

— Нас найдут. Заставят платить.

— Как-нибудь приспособимся, я буду работать, и ты сможешь платить, сколько нужно.

— Ничего не выйдет, Мари.

— Милый, тебе нужно уйти от нее.

К удивлению Хилды, он так и поступил. Однажды вечером, когда она была в клубе, Норман собрал вещи и ушел к Мари, в двухкомнатную квартирку в Килберне, которую они сняли заранее. Он не сообщил Хилде, куда ушел, только оставил записку, что больше не вернется.

В Килберне они жили как супруги в доме, где на пятнадцать человек был один туалет и одна ванная. Время от времени Нормана вызывали в суд и объясняли, что он ведет себя недостойно по отношению к женщине, на которой

женат. Наконец он согласился платить алименты.

Квартира в Килберне была грязная и неудобная, и жизнь их в ней не имела ничего общего с тем, как они жили прежде, когда ходили в «Барабанщик» и «Западный гранд-отель». Они думали подыскать что-нибудь получше, но снять приличную квартиру за скромную плату было нелегко. Они совсем пали духом; теперь, когда они были вместе, все их мечты о собственном домике, детях, о спокойной, налаженной жизни казались как никогда далеки от воплощения.

— Мы могли бы переехать в Рединг, — в конце концов предложила Мари.

— В Рединг?

— К моей маме.

— Но она же отреклась от тебя. Ты сама говорила, что она не может тебе простить.

— Люди меняются.

Все так и получилось. В воскресенье они отправились в Рединг и там пили чай с матерью Мари и миссис Драк. Обе они демонстративно не замечали Нормана, а когда он вышел на кухню, то слышал, как миссис Драк возмущалась, что по возрасту он Мари в отцы годится. «Да что о нем говорить, — ответила м а т ь . — Ничтожество, и только».

Тем не менее матери явно не хватало вклада Мари в домашний бюджет, и в тот же вечер, когда они уже собирались возвращаться в Лондон, было решено, что в ближайшее время Мари и Норман переедут к ним, при условии, что они поженятся сразу же, как только позволят обстоятельства. «Запомни, в нашем доме он только жилец и больше никто», — предупредила мать Мари. «Не надо забывать о соседях», — добавила миссис Драк.

В Рединге оказалось еще хуже, чем в Килберне. Мать Мари постоянно делала Норману унижительные замечания по любому поводу — то он не так вышел из туалета, то шаркал ногами по ковру на лестнице, то его грязные пальцы оставили пятна на выключателе. Мари возмущалась, разражался скандал, в него тут же вступала миссис Драк, она обожала скандалы, мать Мари начинала рыдать, а за ней

и Мари заливалась слезами. Норман консультировался с адвокатом, можно ли развестись с Хилдой на том основании, что она изменяла ему с почтальоном и Фаулером. «У вас есть доказательства, мистер Бритт?» — спросил адвокат и поджал губы, когда услышал, что доказательств у Нормана нет.

Он понимал, что скоро станет совсем невыносимо. Предчувствия не обманули его: нельзя было рассказывать Хилде и уходить из дома. С самого начала он вел себя непорядочно по отношению к Мари, да оно и не бывает иначе, когда девушка сходится с женатым мужчиной. «Раньше надо было об этом думать», — громко заявляла ее мать всякий раз, когда он проходил мимо открытой двери. «Какой же он эгоист», — так же громко вторила ей миссис Драк.

Когда Норман сказал, что им уже не на что надеяться, Мари принялась было возражать. Но сердце ее уже не так разрывалось, как было бы год назад. Постоянное напряжение сломило Мари, особенно скандалы в Рединге. Она, конечно, заплакала, когда Норман сказал, что они проиграли, он и сам уронил слезу. Он попросил перевести его в другое отделение бюро путешествий «Вокруг света» и уехал в Илинг, подальше от «Западного гранд-отеля».

Через полтора года Мари вышла замуж за пивовара. До Хилды дошли слухи, что Норман живет один, и она написала ему — мол, что было, то прошло. Норман, настрадавшись от одиночества в своей комнате в Илинге, согласился встретиться с Хилдой и в конце концов вернулся в их старую квартиру. «Зла не держать», — сказала Хилда. — Но и без обмана. У меня бывал один тип из клуба, управляющий «Вулвортом». Что ж, зла не держать, согласился он.

Для Нормана Бритта ухотившие шестидесятые были неотделимы от чуда его любви к Мари. Ничто не могло опошлить эту любовь — ни презрение, с каким Хилда встретила тогда его признание, ни грязная квартира в Килберне, ни его унижительное положение в Рединге. Все, что было с ними, как они шли к отелю, а потом — непозволи-

тельная роскошь — сидели в баре, как с деланной непри-
нужденностью поднимались поодиночке наверх, — все это
казалось сказкой, словно по волшебству ставшей реально-
стью. И самым фантастическим в этой сказке была ванная на
втором этаже, ванная, где они шептались, лаская друг друга,
и где дальние страны, такие будничные для него на службе,
манили к себе, как загадочные края, когда он рассказывал
о них девушке, соблазнительной, точно подружки Джеймса
Бонда. Теперь ему не осталось ничего, кроме воспоминаний.
Иногда в метро он закрывал глаза и с пронзительной
ясностью видел мрамор с нежными прожилками, огромные
медные краны, ванну, в которой свободно помещались двое.
А иногда ему слышалось журчание далекой музыки и голоса
«Биттлз», распевających о любви в ванной комнате, как
некогда они пели об Элеоноре Ригби и о других.

За чертой

Мы любили ездить в Ирландию в июне.

Впервые мы отправились туда вчетвером, если не ошибаюсь, в 1965 году, и с тех пор каждый год проводили две недели июня в Гленкорн-Лодже, в графстве Антрим. Рай земной, сказал как-то Декко, и с ним нельзя было не согласиться. Недалеко от городка Ардбиг, почти у самого моря, стоит усадьба времен Георгов. При всей величественности архитектуры здание не кажется тяжеловесным, к прибрежным скалам спускается парк, через заросли рододендронов ведет к дому длинная дорога — в Ирландии такие дороги называют аллеями. В начале шестидесятых Гленкорн-Лодж приобрела английская семья, супруги Мэлсид, они много перестраивали и достраивали, но георгианский стиль усадьбы удалось сохранить. В укрытом от ветров саду растет инжир, а в оранжереях под заботливым присмотром отца миссис Мэлсид, старого мистера Секстона, зреют абрикосы и персики. Мэлсиды привезли старика из Суррея, так же как и далматских догов Чарджера и Снуза.

Это Стрейф раскопал для нас Гленкорн, наткнувшись на рекламное объявление в журнале «Леди», в ту пору Мэлсиды еще нуждались в рекламе. «Что вы на это скажете?» — спросил Стрейф как-то вечером после второго роббера и прочитал объявление вслух. Мы раз уже съездили на Коста дель Соль, доверившись рекламе, и ничего хорошего из этого не получилось, кормили там отвратительно. «Давайте попробуем ирландский вариант», — осторожно предложил Декко. И мы решили попробовать.

Мы — это Декко, Стрейф, Синтия и я, старые партнеры по бриджу. Друзья зовут меня Милли, хотя мое настоящее имя Дороти Милсон. Декко получил свое прозвище еще в школе, и Декко Дикин, пожалуй, звучит недурно. Он и Стрейф вместе учились, поэтому мы зовем Стрейфа по фамилии: он

майор Р. Б. Стрейф, а его полное имя Роберт Бьюченен Стрейф. Все мы почти ровесники, нам не так давно перевалило за пятьдесят — лучшая пора жизни, как утверждает Декко. Живем мы в окрестностях Летерхеда, где жили Мэлсиды до того, как уехали из Суррея в Антрим. Удивительные бывают в жизни совпадения.

— Рада видеть вас снова, — с улыбкой встретила нас миссис Мэлсид. Ей будто чутье подсказывало, когда ждать гостей, и она всегда выходила к ним в просторный, с низкими потолками холл, полный ароматов цветов. Одевалась миссис Мэлсид элегантно, каждый день в новом и обязательно меняла туалет к обеду. В тот раз на ней была блузка в ярко-красную и серебряную полоску и черная юбка. Такой яркий костюм вполне соответствовал ее стилю энергичной хозяйки большого дома, у которой хлопот полон рот. У миссис Мэлсид гладкие седые волосы, она как-то сказала мне, что всегда сама укладывает их, в волосах неизменная ленточка из черного бархата. Лицо умело подкрашено, руки на удивление ухожены, особенно для женщины, которой приходится столько возиться с цветами, составлять букеты и вообще работать. На ногтях бледно-розовый лак, а правое запястье украшает узкий золотой браслет, свадебный подарок мужа.

— Артур, займись багажом, — распорядилась миссис Мэлсид, обращаясь к старому носильщику, он же был и рассыльным в отеле, — «Роза», «Герань», «Гортензия», «Фуксия».

Так назывались приготовленные для нас комнаты: об этих приятных мелочах в Гленкорн-Лодже заботились зимой, когда бывало мало постояльцев. Миссис Мэлсид сама рисовала цветы на табличках, заменявших номера на дверях комнат. Ее муж переклеивал обои, красил, занимался ремонтом.

— Наконец-то, наконец-то, — с этими словами мистер Мэлсид вошел через дверь, ведущую в холл из кухни. — Тысячу раз добро пожаловать, — приветствовал он нас на ирландский лад. Мистер Мэлсид заметно ниже своей

супруги, у той эффектный высокий рост. Он носит костюмы из донегольского твида и сам весь коричневый, как кофейное зерно¹, даже его лысая голова тоже коричневая. Когда он разговаривает с вами, его темно-карие глаза смотрят на вас так ласково, будто вы здесь не просто постоялец. Действительно, у Мэлсидов чувствуешь себя как у друзей в загородном доме.

— Как доехали? — спросил мистер Мэлсид.

— Превосходно, — ответил Декко. — Без происшествий.

— Вот и чудесно.

— На прошлой неделе эта проклятая посудина отплыла на час раньше, — сказала миссис Мэлсид. — Несколько человек застряло в Странраре.

Стрейф рассмеялся. Типично для этой пароходной компании, заметил он.

— Надо думать, пришлось сидеть до прилива?

— Они заработали от меня жалобу, — добродушно сказала миссис Мэлсид. — Во вторник мы ждали двух милых старичков, а им пришлось ночевать на каком-то ужасном шотландском постоялом дворе. Чуть концы не отдали.

Все засмеялись, и я подумала, вот и начался наш отдых, и остальные, наверное, подумали то же самое. Ничего не изменилось в Гленкорн-Лодже, в этом ирландском уголке по-прежнему царило благополучие. Из столовой к нам вышла Китти, как всегда в безукоризненно чистом переднике. «А вы помолодели», — сказала она, этот комплимент относился к нам четверым, и все в холле снова рассмеялись. Все-таки Китти со странностями.

Артур забрал багаж, сколько мог унести зараз, и повел нас в комнаты «Роза», «Герань», «Гортензия», «Фуксия». У Артура обветренное лицо рыбака и короткие седые волосы. На нем передник из грубого зеленого сукна и белая рубашка, под ворот которой заправлен шарф из искусственного шелка. Переливаясь всеми оттенками зеленого, шарф удачно гармонирует с зеленым передником. Это придумала миссис

См. примечания на стр. 152.

Мэлсид, и нельзя не оценить если не оригинальность костюма, то хотя бы его опрятный вид.

— Большое спасибо, Артур, — сказала я, когда он поставил багаж в мою комнату, и, улыбнувшись, дала ему на чай.

После обеда мы, по обыкновению, сыграли два роббера, но, изрядно устав с дороги, не собирались долго засиживаться за картами. Кроме нас, в гостиной была семья французов — муж, жена и две девочки; еще пара молодоженов, они явно проводили здесь медовый месяц (так мы решили за обедом), и один мужчина. В столовой, разумеется, были и другие отдыхающие, в июне Гленкорн-Лодж всегда полон; мы сидели у окна и видели, как они бродили по лужайкам, а кое-кто спускался по тропинке к морю. Утром и мы отправимся туда: пройдемся песчаным берегом до Ардбига, выпьем кофе в местной гостинице и вернемся как раз к ленчу. Днем куда-нибудь прокатимся.

Все это я знаю наперед, ведь из года в год ничего не меняется в нашем здешнем житье. Мы ходим на прогулки, объезжаем окрестности, покупаем твид в Кашендолле, один из дней Стрейф и Декко посвящают рыбной ловле, а мы с Синтией бездельничаем на берегу, разок съездим на Тропу Гигантов² или в Донегол, хотя в этот день приходится рано вставать и обедать где-нибудь в пути. Мы любим Антрим, его долины и побережье, остров Ратлин и Тивбуллиах. В первый же наш приезд сюда в 1965 году нас пленила красота этих мест. В Англии, разумеется, нас считали ненормальными: по телевизору часто показывали беспорядки, и трудно было представить, что почти везде на острове по-прежнему спокойно. Когда приезжаешь сюда, гуляешь берегом моря или бродишь по Баллиголи, не можешь поверить, что где-то не утихают раздоры. А здесь мы не видели ни одной стычки и не слышали разговоров о каких-либо инцидентах. Правда, несколько лет назад, когда атмосфера как-то особенно накалилась, мы стали подумывать, не подыскать ли нам что-нибудь в Шотландии или Уэльсе. Но Стрейф, вызвав наши

общие чувства, сказал, что это было бы предательством по отношению к Мэлсидам и всем нашим друзьям, тем, кто так сердечно встречал нас столько лет. Мы решили не поддаваться панике, как обычно, отправились летом в Антрим, и там сразу же поняли, что поступили правильно. По словам Декко, в Гленкорн-Лодже нет места жестокости и распрям, и хотя его слова едва ли можно было понимать буквально, всем ясно, что он имел в виду.

— Синтия устала, — сказала я, заметив, что она сдерживает зевоту. — Давайте на этом закончим.

— Нет, нет, — запротестовала Синтия. — Еще, пожалуйста.

Но Декко сказал, что у Синтии действительно усталый вид, Стрейф тоже не возражал закончить игру. Как обычно, он предложил выпить на сон грядущий, и, как обычно, мы с Синтией отказались. Декко захотелось ликера, он попросил «Куантро».

Беседа текла своим чередом. Декко рассказал ирландский анекдот про пьяницу, который никак не мог выбраться из телефонной будки, а Стрейф вспомнил случай с их учителем, А. Д. Каули-Стаббсом, и известным в школе шутником Трайвом Мейджером. Наши мужчины любили после бриджа вспомнить школьные проделки, и в их рассказах часто фигурировал А. Д. Каули-Стаббс, по прозвищу Каус. Неизменно в паре с Трайвом Мейджером.

— Правда, у меня совсем глаза слипаются, — сказала Синтия. — Прошлой ночью я так и не уснула.

Синтия никогда не спала в морских поездках. Что до меня, то я проваливаюсь в сон, едва коснувшись подушки, наверное, из-за морского воздуха, в обычной обстановке я засыпаю с трудом.

— Отправляйся спать, старушка, — посоветовал Стрейф.

— Подъем в девять, — напомнил Декко.

Синтия ушла, пожелав нам доброй ночи, а мы, оставшись в гостинной, ничего не сказали по поводу ее усталого вида, такое у нас неписаное правило — никогда не обсуждать друг друга. Мы — четыре игрока в бридж, и только. Наши

дружеские отношения, отпуск, который мы проводим вместе, — все это продолжение нашей игры. Мы делим все: расходы на бензин, кофе и спиртное; мы даже делаем взносы за пользование машиной Стрейфа, так как отдохнуть ездим на его машине, на сей раз у него был «роувер».

— Странно, что кто-то здесь один, без компании, — заметил Стрейф, глядя на человека, который сидел в противоположном конце «вечерней гостиной», как ее называла миссис Мэлсид. Рыжеволосый, лет тридцати, в синем саржевом костюме, без галстука, воротничок рубашки расстегнут и выпущен поверх пиджака. Выглядел он, не знаю, как сказать, пожалуй, простовато и заметно отличался от постоянной публики Гленкорн-Лоджа. В гостиной, как и раньше в столовой, человек сидел в глубокой задумчивости, словно был поглощен какими-то вычислениями. В столовой перед ним лежала сложенная газета, и теперь, так и не развернутая, она покоилась на подлокотнике кресла.

— Коммерсант, — предположил Декко. — Торгует удобствами.

— Боже сохрани. Здесь не бывает людей такого сорта.

Я промолчала. Незнакомец меня не заинтересовал, но я подумала, что скорее всего прав Стрейф: человеку не нашего круга вряд ли предоставили бы здесь комнату. В холле Гленкорн-Лоджа висело такое объявление: «Наш отель не значится ни в одном путеводителе, и мы будем признательны нашим гостям, если они не станут включать Гленкорн-Лодж в справочники — ни в «Каталог лучшей кухни», ни в «Каталог лучших отелей», ни в «Мишлен», ни в «Эгон Роуни». Уже на протяжении многих лет мы не рекламируем Гленкорн в печати, отдавая предпочтение устной рекомендации».

— Благодарю, — сказал Стрейф, когда Китти принесла ему виски, а Декко «Куантро». — Ты правда ничего не будешь пить? — спросил он меня, хотя прекрасно знал, что я отвечу.

Стрейф, признаться, немного грузноват, у него рыжеватые усы и такие же волосы, в них почти не заметна седина. Он давно оставил армию, думаю, отчасти из-за меня, не хотел,

чтобы его снова отправили за границу. Теперь он служит в министерстве обороны.

Я еще не утратила привлекательности, хотя и не столь яркая женщина, как миссис Мэлсид; мы с ней вообще совсем разного типа. Я ни за что не позволила бы себе располнеть, если бы Стрейф не твердил, что терпеть не может женщин, похожих на мешок с костями. Я слежу за волосами и, в отличие от миссис Мэлсид, регулярно их крашу, иначе у них делается омерзительно пегий вид. Мой муж Ральф умер молодым от пищевого отравления, он предсказывал, что в зрелом возрасте я останусь интересной женщиной, в известной мере его слова оправдались. Мы с Ральфом не спешили обзаводиться детьми, после его смерти я осталась бездетной. Потом встретила Стрейфа и уже не вышла замуж.

Стрейф женат на Синтии. Я бы сказала, не боясь покривить душой или показаться злой, что Синтия невзрачная пигалица. Это не означает, что мы с Синтией не ладим или как-то сводим счеты, у нас прекрасные отношения. Не ладят Стрейф и Синтия, и я часто думаю, что все мы были бы гораздо счастливее, если бы Синтия вышла замуж за кого-то другого, хотя бы за Декко, если допустить, что такое вообще возможно. У Стрейфов двое сыновей, оба пошли в отца и оба служат в армии. Как это ни печально, но сыновья Синтии совершенно равнодушны к бедняжке.

— Кто тот человек? — спросил Декко мистера Мэлсида, который пришел пожелать всем доброй ночи.

— Крайне сожалею, мистер Дикин. Это моя вина, он заказал номер по телефону.

— Боже сохрани, мы совсем другое имели в виду, — всполошился Стрейф, а Декко испугался, как бы не подумали, что он настроен против местных жителей. — У него потрясающая внешность, — сказал он, явно переживая.

Мистер Мэлсид пробормотал, что мужчина остановился здесь всего на одну ночь, и я, улыбнувшись, кивнула, давая понять, что все в порядке. В Гленкорн-Лодже есть милая традиция — каждый вечер мистер Мэлсид обходит отель

и желает всем доброй ночи. Именно поэтому Декко не должен был спрашивать мистера Мэлсида про того человека, в Гленкорн-Лодже не принято задавать подобные вопросы. Но Декко считается только с собственной персоной, он долговязый и нескладный, всегда в безукоризненном костюме, у него длинный нос и мышиного цвета волосы, облагороженные сединой. У Декко солидный капиталец, он встречается с девушками вдвое его моложе, но так и остается холостяком. Недоброжелательный человек сказал бы, что у Декко глуповатый смех; действительно, он иногда смеется до неприличия громко.

Мы видели, как мистер Мэлсид подошел к незнакомцу и пожелал ему доброй ночи. Тот не ответил и продолжал все так же сидеть, уставившись в пространство, не замечая ничего вокруг. Его неучтивость не показалась намеренной; человек точно окаменел, и мысли его явно витали где-то далеко.

— Пойду к себе, — сказала я. — Спокойной ночи.

— Пока, Милли, — кивнул Декко. — Подъем в девять, не забудь.

— Спокойной ночи, Милли, — сказал Стрейф.

На отдыхе Стрейфы всегда занимали отдельные комнаты, как, впрочем, и дома. На сей раз ему отвели «Герань», ей «Фуксию», а мне «Розу». Немного погодя Стрейф заглянет ко мне. Он не бросает жену из жалости, боится, что она не проживет одна. Стрейф добрый и sentimentalный, его ничего не стоит растрогать до слез; он и представить не может, как это Синтия, такая беспомощная, останется одна, ей не с кем будет словом перемолвиться. «А кроме того, — повторяет он, когда бывает в шутовском настроении, — это бы расстроило нашу карточную компанию». Разумеется, мы со Стрейфом никогда не обсуждаем Синтию и вообще их семейную жизнь, соблюдая и в этом наше неписаное правило.

Пропустив стаканчик-другой, Стрейф проскользнул ко мне в комнату, я ждала его в постели, но, как он любит, не разделась, только сняла платье. Он никогда не говорил мне

об этом, но я знаю, что Синтия не поняла бы его и не стала бы ему потакать. Ральф тоже не понял бы; бедный старина Ральф был бы просто шокирован. На самом деле в этих причудах Стрейфа нет ничего плохого.

— Я люблю тебя, дорогой, — прошептала я в темноте, но Стрейф не был расположен вести беседы о любви, предпочитая действия словам.

Если бы на следующее утро Синтии не вздумалось остаться в отеле, вместо того чтобы пойти с нами в Ардбиг, все сложилось бы иначе. Но не стану уверять, что я ужасно огорчилась, когда за завтраком она сказала, что хотела бы побродить по парку и посидеть в тишине с книгой. У меня даже появилась надежда, что и Декко останется с ней, тогда мы со Стрейфом пойдем вдвоем, но вопреки моим ожиданиям Декко такое и в голову не пришло. «Бедная мартышка», — произнес он, глядя на Синтию с таким состраданием, будто она на краю могилы, а не просто немного выбита из колеи сменой обстановки.

— Не волнуйтесь за меня, — успокоила его Синтия. — Честное слово.

— Синтия — страшная лентяйка, — заметил Стрейф, и это была чистая правда. Я всегда считала, что Синтия чересчур много читает. Порой она откладывала книгу и застывала с такой меланхолией во взоре, что сразу делалось ясно — от чтения ей один только вред. Ничего страшного, скажете вы, просто у Синтии богатое воображение. Признаться, ее начитанность часто помогала нам в наших путешествиях: за многие годы Синтия проштудировала десятки путеводителей по Ирландии. «Вот здесь гарнизон сбросил ирландцев со скал в море», — сообщила она нам как-то раз во время поездки на машине. «Эти скалы называются Девами», — просветила она нас в другом месте. Благодаря Синтии мы побывали в таких местах, о существовании которых не подозревали: в башне Гаррон на мысе Гаррон, в мавзолее в Бонамарги, на скале Дьявола. Синтия просто переполнена сведениями по истории Ирландии. Она

читает все подряд: биографии и автобиографии, пухлые труды о долгих веках кровопролитных сражений и политической борьбы. Какой бы городок или деревушку мы ни проезжали, Синтия обязательно что-нибудь нам рассказывала. Честно говоря, мы не всегда воздавали должное ее блестящей эрудиции, но Синтия не обижалась, казалось, ей безразлично, слушаем мы ее или нет. Кстати, по-моему, ее супружеская жизнь сложилась бы гораздо удачнее и сыновья уважали бы ее, не будь она такая бесхарактерная.

Мы оставили Синтию в саду, а сами спустились по тропинке к берегу, покрытому галькой. Я была в брюках и блузке, на случай, если похолодает, я накинула на спину кардиган, завязав впереди рукава; все было новое, куплено специально для поездки. Стрейф одевается во что попало, и, разумеется, Синтия не следит за ним; в то утро на нем были бесформенные вельветовые брюки — в таких мужчины обычно берутся в сад — и темно-синий трикотажный свитер. Декко был одет как на модной картинке: светло-зеленый льняной костюм с модной отделкой на карманах, ворот темно-бордовой рубашки распахнут, и виден медальон на тонкой золотой цепочке. Идти по гальке было неудобно, и мы шагали молча, но когда начался песок, Декко принялся рассказывать о какой-то девице по имени Джульетта, которая перед самым нашим отъездом из Суррея без обиняков предложила ему жениться на ней. Декко обещал на досуге обдумать ее предложение и теперь сомневался, не послать ли ей телеграмму такого содержания: «Все еще думаю». Стрейфа это ужасно рассмешило, у него несколько примитивное чувство юмора, и до самого Ардбига он уговаривал Декко обязательно послать телеграмму, и не одну. Декко смеялся, запрокидывая голову, в такие моменты он напоминает мне какую-то австралийскую птицу, я видела ее по телевизору в фильме о животных. Теперь они будут развлекаться с этими телеграммами все две недели, честно говоря, это типично мужской юмор, но пусть себе веселятся. Эта Джульетта почти на тридцать лет моложе Декко, и,

собираясь за него замуж, она, должно быть, знает, что делает.

Поскольку разговор зашел о телеграммах, Стрейф вспомнил, как однажды Трайв Мейджер послал А. Д. Каули-Стаббсу такую телеграмму: «Милый сожалею три месяца прошли люблю Ровена». Телеграмму Каусу доставили в четверг, как раз на традиционный кофе. Ровена, по прозвищу Велосипед, была прислугой у Кауса, в прошлом семестре ее уволили, и за старым Каусом закрепилась репутация женоненавистника. Прочитав телеграмму, он побледнел и рухнул в кресло. Но телеграмму успел прочитать Уоррингтон П. Д., и готово — дело в шляпе. Я знала, что за этим последовало, но мне никогда не надоедает слушать Декко и Стрейфа, когда они вспоминают свою школьную жизнь, мне только грустно, что мы не встретились со Стрейфом в те годы, когда были еще свободны от семейных уз.

В Ардбиге мы выпили кофе, отправили телеграмму, а потом Стрейф и Декко решили навестить лодочника Генри О'Рейли, с которым в прошлом году ловили скумбрию. Поджидая их, я сначала выбирала открытки в местной лавочке, где продавалась всякая всячина, а потом медленно пошла к берегу. Конечно, им захочется выпить с лодочником по случаю встречи. Минут через двадцать они догнали меня, Декко извинился, а Стрейф вел себя как ни в чем не бывало, словно мне не пришлось их ждать; он не придает значения мелочам. Был уже час дня, когда мы вернулись в Гленкорн-Лодж, и мистер Мэлсид сообщил нам, что Синтия нуждается в помощи.

Действительно, в отеле был страшный переполох. Я никогда не видела такого мертвенно-серого лица, как у мистера Мэлсида; его жена в небесно-голубом платье как-то вся сникла. Мистер Мэлсид не успел объяснить нам, что же произошло, его срочно позвали к телефону. Через приоткрытую дверь их небольшого кабинета я увидела на письменном столе стакан виски или бренди и тянущуюся к нему руку

в браслете. Нам тогда и в голову не могло прийти, что всему виной тот мужчина, на которого мы обратили внимание накануне вечером.

— Он хотел только поговорить со мной, — истерично твердила Синтия. — Мы были вместе у магнолий.

Я уложила ее в постель. Стрейф и я стояли по обе стороны кровати, на которой лежала Синтия без туфель, в простеньком розовом платье, помятом и буквально мокрым от слез. Я хотела было снять с нее платье, но меня удержало какое-то смутное ощущение, что жене Стрейфа неприлично раздеваться при мне в таких обстоятельствах.

— Я не могла его остановить, — сказала Синтия, у ней снова покраснели глаза и потекло из носа. — Он все говорил и говорил, с половины одиннадцатого до начала первого. Ему надо было излить душу.

Мне показалось, что мы со Стрейфом думаем одно и то же: этот рыжий парень пристал к Синтии со своими откровениями и как бы невзначай положил ей руку на колено. Вместо того чтобы встать и уйти, Синтия продолжала сидеть, не то в смущении, не то лишившись дара речи, во всяком случае она растерялась. В конце концов у нее началась истерика. Я представила, как она с воплями бежит по лужайке к отелю, а потом устраивает скандал в холле. Мне казалось, что и Стрейф думал то же самое.

— Господи, это ужасно, — повторяла Синтия.

— По-моему, ей надо уснуть, — тихо сказала я Стрейфу. — Постарайся уснуть, дорогая, — наклонилась я к ней, но Синтия затрясла головой, разметав спутанные волосы по подушке.

— Милли права, — настаивал Стрейф. — Тебе станет лучше, если ты поспишь немного. А потом мы принесем тебе чай.

— Господи! — снова вскрикнула она. — Господи, разве я смогу уснуть!

Я пошла к Декко, он всегда возит с собой снотворное, по-моему, он вообще с ним не расстается. Декко приводил себя в порядок перед ленчем, но лекарство нашел сразу же. Даже

в самых критических ситуациях он умеет сохранять поразительное самообладание.

Я дала Синтии таблетку, и она покорно проглотила ее. С Синтией творилось что-то странное, она то рыдала, то, словно в испуге, замолкала, уставясь в одну точку. Она была похожа на человека, которому снится страшный сон, а он никак не может проснуться. Когда мы спустились в столовую, я сказала об этом Стрейфу, и он со мной согласился.

— Бедная Синт! — вздохнул Декко, когда мы заказали суп из омаров и антрекоты по-беарнски. — Бедная мартышка.

Я заметила, что новенькая официантка ужасно взволнована, а Китти, обслуживающая другую половину столовой, ходит мрачная, что на нее совсем не похоже. Все разговаривали вполголоса, и когда Декко громко сказал «Бедная Синт!», головы повернулись в нашу сторону. Декко никогда не дает себе труда понизить голос. Миссис Мэлсид, должно быть, заранее поставила на столы розы в вазочках, но настроение было тягостным, и даже цветы не радовали глаз.

Официантка только что убрала тарелки после супа, когда в столовую торопливо вошел мистер Мэлсид и направился прямо к нашему столику. Суп из омаров был не так хорош, как обычно, и я невольно подумала, неужели скандал отразился и на поваре.

— Не можете ли вы уделить мне несколько минут, майор Стрейф? — спросил мистер Мэлсид. Стрейф сразу же поднялся, и они вместе вышли из столовой. Воцарилось молчание, все делали вид, что заняты едой. Тут было что-то не так. Я начала подозревать, что, поскольку все произошло в наше отсутствие, другие постояльцы знали гораздо больше, чем Стрейф, Декко и я. Неужели он изнасиловал бедняжку Синтию?

Вернувшись, Стрейф рассказал нам, что произошло в кабинете Мэлсидов. Миссис Мэлсид сидела там совершенно подавленная, Стрейфа начали допрашивать двое полицейских. «Послушайте, какого черта, что это значит?» — возмутился он.

— Дело в том, что здесь произошел несчастный случай, —

медленно проговорил один из полицейских. — Как следует из показаний вашей жены...

— Моя жена в постели. Ее нельзя сейчас ни о чем расспрашивать и вообще беспокоить.

— Мы и не собираемся, сэр.

Стрейф хорошо копирует антримский акцент и теперь не удержался, продемонстрировал свое искусство. Полицейские были одеты в форму, и их неизменная тупость казалась особенно несносной в той гнетущей обстановке, когда все были удручены случившейся трагедией. В самом деле, здесь произошла трагедия: незнакомец почти два часа исповедовался Синтии, а потом, спускаясь по скале, упал и утонул.

Стрейф замолчал, я положила на тарелку нож и вилку — кусок в горло не лез. Как выяснилось, после беседы с Синтией у магнолий человек стал спускаться вниз, цепляясь за камни, по той стороне скалы, где никто не ходит, в противоположном направлении от песчаного берега, по которому мы шли в Ардбиг. Никто, кроме Синтии, оставшейся наверху, не видел, как он боролся с коварными волнами. Был прилив, но когда старый Артур и мистер Мэлсид добежали до скалы, начался отлив, море отступило, оставив на берегу бездыханное тело. По версии мистера Мэлсида, мужчина скорее всего поскользнулся на влажных водорослях, облепивших камни, и упал в море; скала была действительно скользкая, по ней с трудом удавалось пройти несколько ярдов. Тело оттащили в сторону, подальше от любопытных глаз. Мистер Мэлсид побежал в отель звонить. Он сказал, что Синтия совсем потеряла голову, твердит, что человек сам бросился со скалы.

Услышав это, я перестала жалеть Синтию. Только она способна впутать нас в такую дурацкую историю. Какого черта она сидела в саду с этим типом, вместо того чтобы поднять шум, когда он начал приставать к ней? Веди она себя умнее, ничего бы не случилось. И глупо теперь настаивать, что он покончил с собой, ведь она видела все издалека и могла ошибаться.

— Не понимаю, что на нее вдруг нашло? — не сдержалась я вопреки нашему неписаному правилу.

— Мэлсидам это ужасно некстати, — сказал Декко, и я порадовалась, когда Стрейф бросил на него раздраженный взгляд.

— Сейчас это вряд ли имеет значение, — сухо заметила я.

— Я хотел сказать, что в гостиницах обычно стараются замывать такие истории.

— Похоже, на сей раз не выйдет. — Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я ждала их в Ардбиге и по дороге домой мы весело болтали о том, какое впечатление произведет телеграмма Декко. Он отправил ее с обратным адресом, и мужчины гадали, какой придет ответ.

— Синтия, наверное, решила, — сказал Стрейф, — что после своей выходки этот несчастный с отчаяния бросился в море.

— Но он мог и поскользнуться. Конечно, он перепугался, что она сообщит о нем в полицию.

— Какая ужасная смерть, — сказал Декко, давая понять, что ничего уже не изменишь и больше не стоит обсуждать случившееся. Он был прав.

После ленча мы разошлись по своим комнатам немного отдохнуть. Я сняла брюки и блузку, надеясь, что Стрейф все-таки заглянет ко мне, но он не пришел; я не сердилась, его можно понять. К своему удивлению, я поймала себя на том, что думаю о Декко, представляю, как он лежит, вытянув на кровати длинное тело, в комнате под названием «Гортензия», и на подушке вырисовывается его носатый профиль. Втайне меня давно интересовал истинный характер его отношений с девицами, о которых он рассказывал: правда ли, будто у него в Лондоне есть некая Джульетта, готовая ради его денег даже выйти за него замуж.

Я заснула и увидела сон. Трайв Мейджер и Уоррингтон П. Д. работали на почте в Ардбиге и рассылали телеграммы всем знакомым, в том числе и приятельнице Декко, Джульетте. Синтию обнаружили мертвой около магнолий, и все ждали прибытия Эркюля Пуаро. «Поклянись, что не ты

ее убил», — прошептала я Стрейфу, он ответил, что тело Синтии напоминает ему мешок сухих куриных костей.

Мы втроем встретились за чаем в гостиной. Стрейф заглянул к Синтии, она еще спала. Полиция уехала, сообщил нам Декко, полицейской машины не видно перед домом. Мы ничего не сказали, но каждый из нас подумал, что тело унесли с берега в безлюдные послеполуденные часы. Со своего места за столиком я видела, как через холл энергичным шагом прошла миссис Мэлсид, похоже, она уже оправилась после потрясения. Отдых, конечно, омрачен, но еще не окончательно испорчен. Остается надеяться, что Синтия придет в себя и эта неприятная история забудется. Сейчас самое время появиться молодой жизнерадостной паре и занять комнату, где жил покойный, и тогда все случившееся уйдет в прошлое.

В гостиной пили чай и увлеченно болтали французы — две девочки и их родители, тут же беседовали приехавшие сегодня утром трое пожилых людей, у них был явно американский акцент. Появились смущенные молодожены, проскользнули в уголок и стали там шептаться и хихикать. Семейная пара из Гилфорда, сидевшая в столовой за соседним с нами столиком, командир авиационного крыла Орфелл и его жена, прошли мимо, улыбнулись нам. Все в гостиной старательно делали вид, что ничего не случилось, и я знала — главное, чтобы к вечеру Синтия совсем успокоилась, и тогда мы сыграем два традиционных роббера. В Гленкорн-Лодже жизнь должна идти своим чередом, что бы ни случилось, и миссис Мэлсид подала нам пример.

За ленчем мне не удалось поесть, и к чаю я проголодалась. Чай у Мэлсидов был предметом особой гордости. Шеф-повару, мистеру Макбрайду, нашему старому знакомому, особенно удавались бисквитные пирожные и лепешечки с изюмом. Я намазывала лепешку маслом, когда Стрейф сказал:

— А вот и она.

В столовую вошла Синтия. Судя по ее виду, она как

сползла с постели, так и спустилась вниз. Розовое платье еще больше помялось. Она даже не провела расческой по волосам и не напудрила опухшее лицо. Мне показалось, что она движется точно во сне.

Стрейф и Декко встали. «Тебе лучше, дорогая?» — спросил Стрейф, но она будто не слышала.

— Присядь, Синт , — сказал Декко, придвигая ей стул.

— Мне никогда не забыть его рассказ. Сейчас я увидела все это во с н е . — Синтия, покачиваясь, стояла у стола и даже не подумала сесть. Честно говоря, ее речь была похожа на бред.

— О чем же он рассказал тебе, дорогая? — снисходительно спросил Стрейф, словно разговаривал с ребенком.

О девочке и мальчике, ответила Синтия, о том, как они сели на велосипеды, проехали по улицам Белфаста, выехали из города и добрались до графства Антрим. Велосипеды были совсем старые, продолжала Синтия, может быть, они их даже украли. Он не сказал, из каких семей были эти дети, но сердце говорило ей, что они бежали от нищеты и горя. От скандалов и драк, сказала Синтия. И вот они полюбили друг друга.

— Ужасный сон, старый как м и р , — заметил С т р е й ф . — И так напугал тебя, дорогая.

Она покачала головой и села. Я налила ей чай.

— Мне тоже приснился очень странный с о н , — сказала я. — Трайв Мейджер стал начальником почты в Ардбиге.

Стрейф улыбнулся, Декко хохотнул, но Синтия словно не слышала меня.

— Девочка была хрупкая, в ее огромных карих глазах пряталась какая-то тайна. Мальчик, разумеется, был рыже-волосый и худой как щепка. В то время Гленкорн-Лодж был заброшен, и здесь никто не жил.

— У тебя, старушка, просто немного сдали нервы, — заметил Декко.

— Да, д а , — подтвердил Стрейф и мягко добавил: — Знаешь, дорогая, если этот тип действительно приставал к тебе...

— Господи, да зачем было ему ко мне приставать? — закричала Синтия почти на грани истерики. Я взглянула на Стрейфа, он, нахмурившись, склонился над чашкой. Декко пробормотал что-то нечленораздельное и замолчал. Синтия продолжала уже спокойнее:

— Они приехали сюда летом. Цвела жимолость. И тимьян. Он не знал, что они так называются.

Мы молчали, прерывать ее было бессмысленно, Синтия все говорила и говорила:

— В школе они учили географию и арифметику. Им рассказывали легенды об ученых и героях, о королеве Мэб и Финне Маккуле³. О том, как святой Патрик⁴ обратил язычников в христианство. В истории было много королей и верховных королей, и еще Шелковый Томас⁵ и Уолф Тон⁶, бегство графов⁷ и осада Лимерика⁸.

Чем больше Синтия говорила, тем мне все больше казалось, что трагические события сегодняшнего утра действовали на ее рассудок. Она вела себя странно — непричесанная спустилась в гостиную, стояла, покачиваясь, у стола и сразу заговорила о детях. В ее словах не было ни грана смысла, неужели она не в состоянии понять, что нужно поскорее забыть об этом прискорбном случае? Я протянула ей блюдо с лепешками, надеясь, что она начнет есть и замолчит, но она не обратила на лепешки никакого внимания.

— Послушай, дорогая, — прервал ее Стрейф. — Мы не понимаем, о чем ты толкуешь.

— Я рассказываю вам о девочке и мальчике, они жили здесь. Он не возвращался сюда много лет, но вчера вечером приехал, чтобы в последний раз попытаться понять. А потом он бросился в море со скалы.

Левой рукой она вцепилась в платье и судорожно мяла его. Ее неопрятный вид просто ужасал. Не знаю почему, но я вдруг вспомнила, что она не умеет готовить, совершенно не интересуется кухней и вообще домашним хозяйством. Она так и не создала для Стрейфа уютный дом.

— Палило солнце, а они ехали на своих старых вело-

сипедах. Вы представляете все это? Новый асфальт на дороге, дробь камешков, отскакивающих от колес? Клубы пыли, поднятые промчавшейся машиной, город, откуда они убежали?

— Синтия, милая, — сказала я. — Выпей чаю и съешь лепешку.

— Они плавали в море и загорали на берегу, там, где вы гуляли сегодня. Ходили к роднику за водой. Тогда здесь не было магнолий. Не было парка, аккуратных тропинок к морю среди скал. Вы представляете все это?

— Нет, — ответил Стрейф. — Нет, дорогая, ничего мы не представляем.

— Этот край, такой идиллический для нас, был и для них царством покоя: деревья, папоротники, заросли шиповника у родника, море и солнце только для них двоих. В лесной чаще был заброшенный дом, и они ходили искать его. Это была игра, что-то вроде прятков. На белой ферме их поили молоком.

Я снова придвинула Синтии блюдо с лепешками, и снова она демонстративно не обратила на меня внимания. И к чаю она не притронулась. Декко взял лепешку и весело сказал:

— Все миновало, и слава богу.

На Синтию снова будто столбняк нашел, и я опять подумала, уж не повредила ли она умом от переживаний. Я не смогла отказать себе в удовольствии и представила, как ее выводят из отеля, сажают в синий фургон, похожий на машину «скорой помощи». А она все твердит о детях, как они хотели пожениться и открыть кондитерскую.

— Не принимай близко к сердцу, дорогая, — попытался урезонить ее Стрейф, и я снова попыталась уговорить ее выпить чаю.

— Может быть, все дело в тех улицах, на которых они росли? — заговорила Синтия. — Или виновата история, которую они учили, он — у Христианских братьев, она — у монахинь? На этом острове история не кончилась, это в Суррее она давным-давно остановилась.

— Синт, мы должны отрешиться от того, что тут случи-

л ось, — сказал Декко, и я не могла не признать, что он прав.

Но на Синтию его слова не произвели никакого впечатления. Она все так же бессвязно бормотала про девочку, которую учили монахини, и про мальчика, которого учили Христианские братья. Она стала повторять уроки, которые им, наверное, задавали по истории, — вот так же она начинала порой вещать, когда мы проезжали по каким-то историческим местам.

— Представьте себе, — вдруг сказала она ни с того ни с сего, — самые дорогие нам места, оскверненные ненавистью, заговорами и мстью. Представьте подлое убийство Шана О'Нила Гордого ⁹.

Декко покачал головой, только диву даваясь. Стрейф хотел было что-то сказать, но передумал. Смута проходит через всю историю Ирландии, продолжала Синтия, как вьюнок оплетает изгородь. 24 мая 1487 года священник из Оксфорда привез в Дублин десятилетнего мальчика по имени Лэмберт Симнел, его провозгласили Эдуардом VI, королем Англии и Ирландии, короновали золотым венцом со статуи Девы Марии. 24 мая 1798 года фермеры-пресвитерианцы поднялись за одно общее дело вместе со своими работниками-католиками ¹⁰. Синтия замолчала и посмотрела на Стрейфа. Смута и ненависть, поведала она ему, вот что скрывается за такими красивыми названиями.

— Битва при Йеллоу Форде ¹¹, — вдруг завела она нараспев. — Килкеннийский статут ¹². Битва при Гленмама. Драмситский договор. Акт об устройении Ирландии ¹³. Акт об отречении ¹⁴. Акт об унии ¹⁵. Акт об облегчении участи католиков ¹⁶. Сегодня это уже далекая история, и все же здесь веками одни голодали и умирали, а другие спокойно смотрели на это. Язык забыт, вера под запретом. За восстанием наступал голод, потом приходило время сева. Но не молодые леса зеленели на острове, а новые люди вращались корнями в чужую землю ¹⁷, и всюду, точно зараза, ползли алчность и предательство. Немудрено, что сегодня память истории отзывается распрями и в ответ на задиристую дробь

барабанов¹⁸ гремят выстрелы. Немудрено, что здесь самый воздух отравлен недоверием.

Когда Синтия замолчала, наступила тягостная пауза. Декко с участливым видом кивал головой. Стрейф тоже кивал. Я растерянно изучала розочки на чайных чашках. Вдруг Декко выпалил:

— Как же много ты знаешь, Синт!

— Синтия всегда была любознательной, — сказал Стрейф. — И у нее превосходная память.

— Тех детей улицы породили прошлые битвы и Акты, — продолжала Синтия, не замечая, что ее речь все больше походит на бред сумасшедшего. — Их породила кровь, реки пролитой крови, той, что скрыта за этими благозвучными названиями.

Синтия умолкла, и я подумала, наконец-то она иссякла. Но она начала снова:

— Когда они приехали сюда во второй раз, вокруг все перестраивалось. У дома громоздились бетономешалки, грузовики мяли траву, повсюду крики и брань. И тогда они уехали, каждый отправился своей дорогой: детство кончилось, ушло в прошлое вместе с идиллией их первой любви. Он стал клерком на верфях. Она уехала в Лондон и поступила работать в игорное бюро.

— Дорогая, — очень мягко прервал ее Стрейф. — Все, что ты рассказываешь, очень увлекательно, но мы здесь ни при чем.

— Разумеется, нет. — Синтия в деланном согласии закивала головой. — Они же выродки, уроды. Разве они могут быть иными?

— Никто этого не говорит, дорогая.

— Их история должна была бы на этом кончиться, он так и работал бы в доках Белфаста, а она принимала бы ставки. Их не слишком веселая детская любовь прошла бы без следа, как суждено такой любви. Но почему-то у них все получилось иначе.

Декко попытался перевести разговор на другую тему, начал рассказывать, как у них в школе один ученик воспылал

романтической страстью к дочери землекопа, а потом женился на ней. Мы помолчали, Синтия устало сказала:

— Вам на все наплевать. Наплевать, что их уже нет в живых.

— Их, Синтия? — спросила я.

— Господи, да я же говорю вам! — закричала она. — Эту девушку убили в ее комнате на Мейда-Вейл.

Хотя у меня любовная связь с женатым мужчиной, я стараюсь думать о душе. Хожу в церковь, принимаю причастие, Стрейф тоже ходит к причастию, правда, не так часто, как следовало бы. Синтию же никак не назовешь религиозной, и меня покорило, с какой легкостью она богохульствует, как легко говорит о смерти на Мейда-Вейл после всего этого вздора про историю и детей. Стрейф качал головой — ясное дело, Синтия просто не отвечает за свои слова.

— Синтия, дорогая, — сказала я. — Ты ничего не путаешь? Ты в расстроенных чувствах, тебя мучили кошмары. Может быть, это только твое воображение или ты что-то прочитала...

— Бомбы не взрываются сами собой. Смерть не приходит сама собой в Дерри и Белфаст, в Лондон, Амстердам и Дублин. Всегда есть убийцы — вот о чем история этих детей.

Наступило молчание, мы сидели растерянные, не зная, что сказать. Но Синтия и не ждала от нас никаких слов, она твердила свое:

— Мы пьем джин с тоником, едим барашка или котлеты по-киевски. Милая Китти приветливо встречает нас в столовой, а в холле старина Артур всегда готов к услугам. Здесь кругом цветы, и у нас свой постоянный столик.

— Разрешите, мы проводим тебя в твою комнату, — умоляюще попросил Стрейф, а я взяла Синтию под руку.

— Пойдем, старушка, — сказал Декко.

— Искалеченные на улицах, лужи крови на стоянках машин. «Бритты, убирайтесь!» — написано на каменной стене, но нас же это не касается!

Тогда я сказала спокойно, четко выделяя каждое слово, чтобы до нее дошло. Пора, наконец, назвать вещи своими именами, и неважно, имею я на это право или нет. Я сказала:

— Ты просто не в своем уме, Синтия.

Французское семейство удалилось. Два далматских дога, Чарджер и Снуз, медленно прошлись по комнате, понюхали и ушли. Китти принялась убирать со стола, за которым пили чай французы. Я слышала, как она говорит молодоженам, что на завтра прекрасный прогноз.

— Синтия, — сказал, поднимаясь, Стрейф. — Мы терпеливо слушали тебя, но, признаться, ты ведешь себя глупо.

Я кивнула. «Действительно», — подтвердила я мягко, но Синтия перебила меня:

— Ему кто-то рассказал о ней. Назвали ее имя, а он не мог поверить. Девочка, которая смеялась на морском берегу и которую он любил, сидит одна в комнате на Мейда-Вейл и делает бомбы.

— Синтия, — начал было Стрейф, но она не дала ему сказать, и он снова беспомощно сел.

— Каждый раз, когда он узнавал, что где-то снова взрываются бомбы, он думал о ней и не понимал, что с ней стало. Он плакал, рассказывая об этом; его неотступно мучил вопрос, как могло ее сердце так ожесточиться. Днем он был не в силах работать, а ночью лежал не смыкая глаз. Ее образ преследовал его, он то вспоминал их робкие детские поцелуи, то видел ее руки, аккуратно выполнявшие свою страшную работу. Он представлял, как она торопливо идет в толпе с хозяйственной сумкой, оставляет ее там, где многолюднее, чтобы было побольше жертв. Он вспоминал, как перед старым заброшенным домом, каким был тогда Гленкорн-Лодж, они разводили костер и готовили еду. Долго лежали на траве. И возвращались на велосипедах домой, обратно на городские улицы.

Мне вдруг пришло в голову, что Синтия все выдумала. Эта история возникла в ее воображении в тот момент, как несчастный утонул у нее на глазах. Они только что мило болтали, он вполне мог ей рассказывать, как проводил

здесь каникулы, наверное, упомянул о какой-то девушке; в этом не было ничего особенного, он действительно мог приезжать на каникулы в Гленкорн-Лодж. Незнакомец попрощался, а потом с ним случилось это несчастье. Когда Синтия увидела, как он тонет, что-то сместилось в ее сознании, у ней вообще явная склонность к депрессии. Я понимаю, нелегко, когда сыновья тебя презирают и муж тобой пренебрегает, только и осталось в жизни хорошего что бридж да наши поездки сюда. Вот она и сочинила всю эту галиматью про девочку, ставшую террористкой. Воображение Синтии связало страшную нелепость случайной гибели с бессмысленным разгулом насилия, которое регулярно показывают по телевизору. Интересно, что привиделось бы бедняжке, если бы мы отдохали, скажем, в Саффолке.

Я почувствовала, что Стрейф и Декко тоже начинают понимать, что Синтия просто морочит нам голову со всей этой историей о рыжем пареньке и девочке. «Бедняжка», — хотела я сказать, но промолчала.

— Он долго искал ее, несколько месяцев бродил по улицам Лондона в толпах людей, где каждый встречный мог стать ее жертвой. Он нашел ее, она взглянула на него, и он понял, что она отреклась от их прошлого. Она не улыбнулась, казалось, ее губы разучились улыбаться. Он звал ее с собой на родину, но она молчала. Ненависть затаилась в ней точно болезнь и, расставшись с ней, он ощутил в себе такую же ненависть.

Стрейф и Декко снова закивали. Стрейф, наверное, понял, что возражать бессмысленно. Можно было лишь надеяться, что финал сей саги близок.

— Он поселился в Лондоне, устроился работать на железной дороге. Но мысли о ней по-прежнему не давали ему покоя, все сильнее терзая своей неотступностью. Ему сказали, где можно достать оружие, он купил пистолет и спрятал его в коробку из-под ботинок. Временами он вынимал пистолет, посмотрит на него, посмотрит и снова уберет. Ему была ненавистна ее всепоглощающая жестокость, но он сам уже ожесточился: он знал, что ничто, кроме

смерти, не остановит его подругу. Когда он снова пришел в ее комнату на Мейда-Вейл, в них обоих не осталось ни капли человечности.

Я с облегчением заметила, что к нам направляются Мэлсиды; Стрейф и Декко тоже явно обрадовались. Как и его жена, мистер Мэлсид уже вполне владел собой. Он откровенно хотел замять эту историю и говорил ровным, спокойным голосом. Постороннее вмешательство было нам кстати.

— Я должен принести вам свои извинения, миссис Стрейф, — сказал он. — Мы глубоко огорчены происшедшим, этот человек доставил вам столько беспокойства.

— Моей жене еще немного не по себе, — объяснил Стрейф. — Но она выспится хорошенько и утром будет весела как пташка.

— Очень жаль, миссис Стрейф, что вы не позвали мою жену или меня, как только он подошел к вам. — В глазах мистера Мэлсида мелькнула досада, но голос оставался таким же ровным. — Мы могли бы легко избежать этой неприятности.

— Нельзя избежать неотвратимого, мистер Мэлсид, и нам никуда не деться от открывшегося нам ужаса. Вы представляете, как, став взрослой девушкой, она сидит за струганым крашеным столом, а вокруг проволочки и взрыватели? О чем она думала в той комнате, мистер Мэлсид? Что происходит в сознании человека, охваченного страстью уничтожения? На каких-то задворках он за большие деньги купил пистолет. Когда ему пришла мысль убить ее?

— Понятия не имею, — сказал мистер Мэлсид, несколько не смутившись. Чтобы успокоить Синтию, он не выразил удивления и был очень сдержан.

— Я хочу сказать, мистер Мэлсид, что мы должны не прятать голову, как страусы, а постараться понять, почему эти двое преступили черту.

— Дорогая, — сказал Стрейф, — у мистера Мэлсида много забот.

Не обращая внимания, слышат ли его другие постояльцы, мистер Мэлсид произнес таким же ровным голосом:

— Здесь случаются беспорядки, миссис Стрейф, но приходится как-то приспособливаться.

— Я хочу сказать, что можно хотя бы пожалеть двух детей, жизнь которых так нелепо оборвалась.

Мистер Мэлсид ничего не ответил. Его жена улыбалась, стараясь изо всех сил сгладить неловкость. Стрейф что-то шептал Синтии на ухо, скорее всего, умолял ее опомниться. И снова я представила, как к Гленкорн-Лоджу подъезжает синий фургон, ведь теперь уже всем ясно, что болезненно впечатлительная женщина просто сошла с ума, потрясенная зрелищем смерти. Бессвязный рассказ о мальчике и девочке, страшная путаница у бедняжки в голове, история детей, как она ее называла, — во всем этом и не надо было искать никакого смысла.

— Убийцы преступают черту, мистер Мэлсид, Англия всегда проводила черту запретов и отчуждения на захваченных землях. В Ирландии это началось в 1395 году¹⁹.

— Дорогая, — сказала я. — То, что здесь случилось, не дает никаких оснований называть людей убийцами, преступившими какую-то там черту. На твоих глазах произошел несчастный случай, и вполне естественно, что на тебя это ужасно подействовало. Ты только что разговаривала с этим человеком, сидя у магнолий, и вдруг такое потрясение — ты видишь, как он поскользнулся...

— Он не поскользнулся! — вдруг закричала Синтия. — Господи, он же не поскользнулся!

Стрейф закрыл глаза. В гостиной все уже давно затихли, открыто прислушиваясь к нашему разговору. В дверях стоял Артур и тоже слушал. Китти ждала, когда можно будет убрать с нашего стола, но не решалась подойти.

— Я вынужден просить вас, майор, увести миссис Стрейф в ее комнату, — сказал мистер Мэлсид. — Должен заявить, что мы не потерпим беспорядка в Гленкорн-Лодже.

Стрейф попытался взять Синтию за руку, но она не обратила на него внимания.

— Ирландская шутка, — сказала она и пристально посмотрела на Мэлсидов, ее взгляд изучающе скользил по их

лицам. Так же пристально она посмотрела на Декко и Стрейфа, а потом на меня и как бы между прочим продолжала: — Ирландская шутка, неприличный анекдот. Ну конечно же, все это неправда. И как нелепо — зачем он вернулся сюда, зачем бродил по берегу моря и в лесу, пытаюсь понять, где корни ненависти, обуявшей его любимую.

— Это становится оскорбительным, — возмутился мистер Мэлсид, и на какое-то мгновение спокойствие покинуло его. Его лицо снова стало мертвенно-серым, как днем, и я поняла, что он взбешен. — Вы пытаетесь обвинить нас в том, к чему мы не имеем никакого отношения.

— Вот здесь, на пороге вашего дома, они строили планы, мечтали, что откроют кондитерскую, будут продавать шоколад, разноцветный крем, ореховые ириски, конфеты.

— Ради бога, возьми себя в руки, — услышала я шепот Стрейфа; миссис Мэлсид пыталась улыбаться.

— Идемте же, миссис Стрейф, — сказала она, шагнув к ней. — Пожалуйста, дорогая, ради нас. Китти нужно убрать со стола. Китти! — позвала она, стараясь покончить с этой сценой.

Подошла Китти и стала собирать на поднос чашки и блюда. Встревоженные Мэлсиды не торопились отойти от нашего столика. Никто не удивился, когда Синтия снова заговорила, теперь она прицепилась к Китти с дурацким вопросом, что та о нас думает.

— Прошу вас, милая, — сказала миссис Мэлсид. — Китти занята, не надо ее отвлекать.

— Прекрати сию минуту, — потребовал Стрейф.

— Китти, ты четырнадцать лет подаешь нам еду, убираешь за нами чашки после чая. Четырнадцать лет мы играем в бридж и гуляем по парку. Объезжаем окрестности, покупаем твид и, как те дети, плаваем в море.

— Прекрати, — повторил Стрейф, немного повысив голос. Растерявшись, Китти покраснела и стала быстро собирать посуду на поднос. Мне почему-то подумалось, что развязка близка, и я сделала знак Стрейфу, чтобы он сохранял

самообладание, но тут Синтия понесла что-то несусветное:

— В Суррее, чтобы убить время, мы подстригаем изгороди. Вечерами играем в бридж, а в девять часов пьем кофе с солодкой или пирожными. Закончив игру, собираем карты, листочки с записями взяток и заточенные карандаши, смотрим последний выпуск новостей по телевизору. В Арме беспорядки, сообщают нам, одному солдату оторвало голову, другой сошел с ума. Мы вспоминаем наш чудесный Гленс в Антриме, поездки по побережью; мы верим, что ничто не нарушит царящий здесь покой. Мы знаем, что мистер Мэлсид работает не покладая рук, ведь на нем такое большое хозяйство, как Гленкорн-Лодж, а миссис Мэлсид рисует цветы на табличках для новой пристройки.

— Да заткнись ты, ради всего святого! — вдруг заорал Стрейф. Я видела, он старался сдержаться, но это было выше его сил. Мерзкая кривляка, кричал он, расселась тут и несет вздор. Но я думаю, она его не слышала.

— Мы смотрим на ваш остров сквозь радужную пелену, и мы любим вас и ваш остров, Китти. Нам нравится ваше яркое историческое прошлое, нравятся ваши графы и герои. И все же некогда мы благоразумно провели здесь черту — так закладывают сад, прелестный, как на картинке.

Я чувствовала, что Стрейфу стыдно за свою несдержанность. Он бормотал извинения, но Синтия, не оценив его доброты, продолжала свое:

— За чертой этой нечто смутное, запретное, и пусть оно остается где-то там, далеко-далеко, крохотным пятнышком на горизонте, думать о нем слишком страшно. Как можно нас винить в том, что мы не видим связь времен, Китти, связь настоящего с вашим прошлым, с битвами и законами? Ведь мы из Суррея, откуда нам все это знать? Но видишь ли, я наивно думала, что по крайней мере можно попытаться понять трагедию двух детей. Он так и не узнал, что ожесточило ее, наверное, это вообще нельзя узнать: зло непостижимым образом порождает новое зло. Вот какую историю рассказал мне рыжеволосый незнакомец, историю, которую вы все не хотите слушать.

Бедный Стрейф все пытался отвлечь Синтию, все умолял простить его.

— Миссис Стрейф, — начал было мистер Мэлсид, но Синтия оборвала его и, к моему ужасу, вдруг резко повернулась ко мне.

— Эта женщина — любовница моего мужа, — сказала она, — хотя считается, что я об этом ничего не знаю, Китти.

— Боже мой! — воскликнул Стрейф.

— У моего мужа извращенные наклонности. Его друг, с которым он учился в школе, так и не излечился, не стал нормальным мужчиной. Я, жалкое создание, закрываю глаза на неверность мужа и безнравственность его любовницы. Мне все время рассказывают о Трайве Мейджере и А. Д. Каули-Стаббсе, а я улыбаюсь, как кукла. Я устала так жить, Китти.

Все подавленно молчали. Стрейф сказал:

— Все это неправда. Ради бога, Синтия, — и вдруг снова сорвался на крик: — Иди к себе и успокойся.

Синтия покачала головой и продолжала говорить, обращаясь к официантке. Да, ей хотелось бы покоя, сказала она.

— Но это невозможно, Китти, силы зла захватили рай земной в Гленкорн-Лодже, как они уже не раз захватывали ваш остров. И те, кто не раз призывал их на вашу землю, делают вид, будто ничего не происходит. Кому какое дело, что дети становятся убийцами?

И снова Стрейф закричал:

— Тощая уродина! Чертова сука!

Он вскочил и бросился стаскивать Синтию со стула. Его загорелое лицо побагровело, глаза сверкали от бешенства, я никогда не видела его таким. «Тощая!» — вопил он, не обращая внимания на то, что кругом люди. Потом закрыл глаза от отчаяния и стыда, мне хотелось подойти к нему, взять его за руку, но я не осмелилась. Я видела, что Мэлсиды не осуждали его, конченные люди, читала я в их глазах. Мне тоже захотелось накричать на Синтию, выколотить из нее дурь, но я не разрешила себе так распускаться. Я почувствовала, как к глазам подступают слезы, и увидела, что у Декко

дрожат руки. Он очень ранимый, хотя и носит шутовскую маску, и слова Синтии, что он так и не излечился после школы, глубоко обидели его. И мне тоже не слишком приятно было услышать, что я безнравственна.

— Всем все равно, — продолжала Синтия так же бессвязно, словно ее не обозвали уродиной и суконкой. — Всем наплевать, мы поедем домой и будем молчать по дороге. Но может быть, мы хотя бы начнем прозревать? Задумаемся ли мы о том, что ждет нас в конце, о пугающем нас аде?

Стрейф стоял раздавленный и прятал лицо. Миссис Мэлсид тихо вздохнула, левую руку прижала к щеке, словно хотела унять боль. Ее муж тяжело дышал. Декко, казалось, вот-вот расплачется.

Синтия, спотыкаясь, побрела из гостиной, в наступившей тишине никто не проронил ни слова. Я знала, она говорит правду, мы уедем домой и больше не вернемся в эту страну, которую полюбили. Я знала: ни здесь, ни дома Синтию не увезут в синем фургоне, не очень похожем на машину «скорой помощи». Стрейф останется с женой, потому что он не может иначе, по-своему он человек благородный. Я почувствовала боль там, где у меня, должно быть, сердце, и снова глаза обожгли слезы. Пусть бы Синтия спустилась на берег, пусть бы она, поскользнувшись, упала в море или даже бросилась со скалы! Со стола убрали последнюю посуду после чая, и страшные видения, рожденные в ее больном бреду, обступали нас — графы, спасавшиеся бегством, голод, пришельцы, пустившие корни в чужую землю. И никому не нужные дети, они выросли и стали убийцами.

Примечания

¹ Коричневый, как и зеленый, — национальные цвета Ирландии.

² Тропа Гигантов — плато вулканического происхождения, образовавшееся из лавы, застывшей в причудливых формах.

³ Королева Мэб и Финн Маккул — герои ирландского национального эпоса.

⁴ Св. Патрик (конец IV — середина V в.) — основатель ирландской католической церкви; многие сведения о его жизни носят легендарный характер. 17 марта — день св. Патрика, считающегося патроном Ирландии, — ирландский национальный праздник.

⁵ Томас из рода Килдаров, по прозвищу Шелковый, поднял в 1534 году восстание в защиту отца, заключенного Генрихом VIII в Тауэр, и осадил Дублин.

⁶ Тиобальд Уолф Тон (1763—1798) — убежденный противник английского владычества в Ирландии; один из создателей общества «Объединенные ирландцы» (1791); организатор восстания 1798 года, которое было жестоко подавлено. Тон был взят в плен англичанами и покончил с собой в тюрьме перед казнью.

⁷ В 1607 году вожди ирландских кланов О'Нейд и Десмонд, потерпевшие поражение в поднятом ими в 1602 году восстании, спаслись бегством на континент.

⁸ В 1690 году Вильгельм Оранский осадил Лимерик, где закрепились якобиты, сторонники Карла II. Город держал оборону в течение месяца. Ирландские католики согласились на капитуляцию только при условии, если будут удовлетворены их требования свободы вероисповедания. Вильгельм вынужден был пойти на некоторые уступки.

⁹ В 1562 году вождь Ольстера Шан О'Нил, по прозвищу Гордый, заключил с Елизаветой I мирный договор. Однако вскоре английское правительство, используя жалобы вождей на Шана, обвинило его в измене и спровоцировало войну. В лагере Шана возник раскол, и в 1567 году он был убит своими бывшими союзниками, которым королева обещала его конфискованные земли.

¹⁰ Имеется в виду восстание, организованное Т. Уолфом Тоном (см. 6-ю сноску).

¹¹ Битва при Йеллоу Форде в августе 1558 года — одно из кровопролитных сражений девятилетней национально-освободительной войны 1594—1603 гг. против попыток Елизаветы I колонизировать Ольстер. Ирландцы потерпели поражение, стране был нанесен значительный ущерб. В одном из официальных документов

сообщалось: «Вся страна опустошена, те, кто избежал меча, погибли от голода. Вашему величеству не над чем повелевать в этой стране, разве только над кучами пепла и трупами».

¹² Имеется в виду статут 1366 года, запрещающий англичанам всякое общение с местными жителями.

¹³ Видимо, имеется в виду Акт об устройении Ирландии, принятый английским парламентом 12 августа 1652 года, направленный против бунтующего католического населения страны и их сторонников: конфискация земель, переселение в другие, не приспособленные для жителя, районы.

¹⁴ Имеется в виду постановление английского парламента от 22 января 1783 года, подтвердившее предоставление ирландскому парламенту автономии и невмешательство английских судебных инстанций в ирландские судебные дела.

¹⁵ Уния 1801 года упразднила ирландский парламент, объединив его с английским. Ирландия юридически стала частью Соединенного королевства Великобритании и Ирландии.

¹⁶ В апреле 1793 года с согласия английских властей ирландским парламентом был принят Акт об облегчении участи католиков: право голоса для имущих, право на собственность, право на обучение в Дублинском университете.

¹⁷ В частности, имеется в виду Великий голод 1845—1848 гг., ставший страшным бедствием для страны и вызвавший народные выступления. Английские власти безжалостно выкорчевывали ирландские леса, в которых скрывались повстанцы.

¹⁸ Имеются в виду оранжистские выступления, сопровождавшиеся барабанной дробью.

¹⁹ В 1395 году Ричард II предпринял военный поход с целью покорения Ирландии; в результате на верность ему присягнуло около 80 ирландских вождей и их союзников, и было закреплено разделение страны на две части — «мирные» территории, или Пейл, и непокоренную Ирландию, которая по Килкеннийскому статусу 1366 г. выразительно именовалась территорией «ирландцев-врагов».

Содержание

- 5 *Е. Гениева. Ирландские шутки Уильяма Тревора*
- 16 *Столик. Перевод М. Зинде*
- 32 *Около колыбели. Перевод В. Харитонова*
- 46 *Отель «Ленивый месяц». Перевод А. Медниковой*
- 61 *Танцзал «Романтика». Перевод И. Левидовой*
- 84 *Сложный характер. Перевод М. Зинде*
- 99 *Любовники минувших лет. Перевод Н. Васильевой*
- 123 *За чертой. Перевод Н. Васильевой*

Тревор У.

Т 66 За чертой: Рассказы / Пер. с англ. Сост. Н. Васильевой. Предисл. Е. Гениевой. — М.: Известия, 1986. — 160 с. (Библиотека журнала «Иностранная литература»)

Рассказы Уильяма Тревора представляют яркую и самобытную страницу в истории англоязычного рассказа XX века. Тревор — признанный мастер динамичного, полного скрытой иронии диалога, ему свойственно соединение драматического и комического взгляда на мир.

Т 4703000000—062 74—86
074(02)

ББК 84. 4 Вл
И(Англ)

УИЛЬЯМ ТРЕВОР
ЗА ЧЕРТОЙ

Ответственный за выпуск *В. Перехватов*

Редактор *А. Николаевская*

Художественный редактор *С. Мухин*

Технический редактор *Г. Голосовская*

Корректор *Л. Шмелева*

ИБ № 1087

Сдано в набор 14.11.85. Подписано в печать 02.04.86.
Формат 70X100/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
«Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отг.
13,3. Уч.-изд. л. 7,57. Тираж 50 000 экз. Зак № 1170.
Цена 85 коп.

Издательство «Известия Советов народных депутатов
СССР». 103791, Москва, Пушкинская пл., 5.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

*Себя я считаю
учеником великих
английских писате-
лей XIX в. —
Диккенса, Дж. Элиот,
Джейн Остен.
Как и их, меня зани-
мают превратности
и драматизм челове-
ческих судеб.
Я высоко ценю
литературную форму.
Но главное
для меня — люди.*

УИЛЬЯМ ТРЕВОР

Уильям Тревор (псевдоним Уильяма Тревора Кокса) — видный англо-ирландский прозаик, признанный мастер рассказа. Член Ирландской академии литературы. Лауреат крупных литературных наград, в числе которых премии "Готорндон" и "Уитбред". В 1977 г. за значительный вклад в развитие литературы Тревор был удостоен звания "Кавалер Британской империи". В этой книге представлены рассказы из сборников: "Как мы захмелели от пирожных с ромом" (1967), "Танцзал "Романтика" (1972), "Ангелы в "Лице" (1975), "Любовники минувших лет" (1978), "За чертой" (1981).